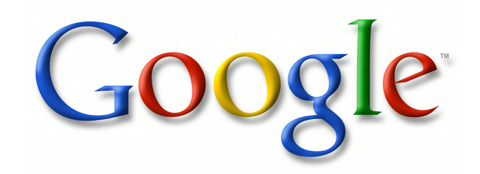
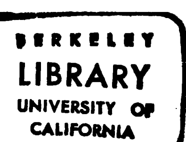

UC-NRLF
B 3 789 959

EX LIBRIS
SWANLJUNGORUM

ВОСПОМИНАНІЯ

ѲАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

Bulgarin, Faddeĭ Venediktovich

ВОСПОМИНАНІЯ ѲАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И ИСПЫТАННАГО ВЪ ЖИЗНИ.

«Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или переписалъ или не дописалъ, чтите, исправляюче Бога для, а не клените!»

(*Послѣсловіе въ Лѣтописи Нестора.*)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе М. Д. Ольхина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 1845 года, Октября 6

Цензоръ *Никитенко*.

Въ Типографіи Эдуарда Праца.

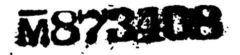
ПОСВЯЩАЮ

ДОБРОЙ ЖЕНѢ МОЕЙ,

МИЛЫМЪ ДѢТЯМЪ МОИМЪ

И

ДРУЗЬЯМЪ.

БОЛѢЕ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНІЕ, ИЛИ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Что это значитъ, что вы вздумали *при жизни* печатать ваши ВОСПОМИНАНІЯ о современности?

Вы объ этомъ спрашиваете меня? — Отвѣчаю.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ мыслить и разсуждать, я мыслю *вслухъ*, и готовъ былъ бы всегда печатать, во всеуслышаніе, всѣ мои мысли и разсужденія. Душа моя покрыта *прозрачною оболочкою*, чрезъ которую каждый можетъ легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожилъ въ *стекляномъ домѣ*, безъ занавѣсей... Понимаете ли вы, что это значитъ?

Оттого-то вы всегда имѣли такъ много враговъ!...

И пламенныхъ друзей, изъ которыхъ одинъ стоилъ болѣе ста тысячъ враговъ!...

Почти двадцать пять лѣтъ сряду прожилъ я, такъ сказать, всенародно, говоря съ публикою ежедневно о всемъ близкомъ ей; десять лѣтъ, безъ малаго, не сходилъ съ коня, въ битвахъ и бивачномъ дыму, пройдя, съ оружіемъ въ рукахъ, всю Европу, отъ Торнео до Лиссабона, проводя дни и ночи подъ открытымъ небомъ, въ тридцать градусовъ стужи или зноя, и отдыхая въ палатахъ вельможъ, въ домахъ граждан и въ убогихъ хижинахъ. Жилъ я въ чудную эпоху, видѣлъ вблизи вѣковыхъ героевъ, зналъ много людей необыкновенныхъ, присматривался къ кипѣнію различныхъ страстей... и кажется... узналъ людей! Много испыталъ я горя, и только подъ моимъ семейнымъ кровомъ находилъ истинную радость и счастіе, и, наконецъ, дожилъ до того, что могу сказать въ глаза зависти и литературной враждѣ:

что всѣ грамотные люди въ Россіи знаютъ о моемъ существованіи! Много сказано — но это сущая правда!—Вотъ права мои говорить публично о видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ въ жизни.

Въ цѣломъ мірѣ, гдѣ только есть Литература, тамъ есть литературныя партіи, литературныя вражды, литературная борьба. Иначе быть не можетъ, по натурѣ вещей. Союзъ, дружба, согласіе литераторовъ—несбыточныя мечты! Гдѣ въ игрѣ человѣческое самолюбіе, тамъ не можетъ быть ни дружбы, ни согласія. *Страсти* — пороховая камера, а *самолюбіе* — искра. Невозможно, чтобъ не было вражды между людьми, имѣющими притязанія на умъ, на славу, или по-крайней мѣрѣ на извѣстность и на всѣ сопряженныя съ ними житейскія выгоды, и разумѣется, что, кто заграждаетъ намъ путь къ избранной нами цѣли, издали столь блистательной и заманчивой, тотъ врагъ нашъ. А кто же можетъ болѣе заграждать этотъ путь, какъ не журналистъ, непреклонный, неумолимый, от-

страняющійся отъ всѣхъ партій, на котораго не дѣйствуютъ ни связи, ни свѣтскія отношенія, ни даже собственныя его выгоды, и который, такъ сказать, очертя голову говоритъ все то, что ему кажется справедливымъ, и что только можно высказать. Это настоящій *Змѣй Горыничъ*, котораго не можетъ тронуть даже и *Душенька!* (*)

Пересмотрите *Сѣверный Архивъ* съ 1822 года: тамъ вы найдете начало той борьбы и слѣдствій ея, литературной вражды, которая продолжается до сихъ поръ и перейдетъ за предѣлы моей могилы. Критика на *Исторію Государства Россійскаго*, сочиненія знаменитаго нашего исторіографа Н. М. Карамзина, не возбудила ненависти въ благородномъ сердцѣ автора, который даже внесъ ссылки на *Сѣверный Архивъ* въ Примѣчанія къ своей Исторіи; но на каждомъ великомъ мужѣ, какъ на вѣковомъ кедрѣ, гнѣздятся мелкія насѣкомыя, питающіяся его славою,

(*) См. поэму Богдановича: *Душенька*.

и они подняли пискъ и визгъ противу смѣльчака, дерзнувшаго очищать вѣковый кедръ отъ сухихъ листьевъ и гнилыхъ вѣтвей! — Въ *Литературныхъ Листкахъ* (приложеніи къ *Сѣверному Архиву*) защищенъ знаменитый Крыловъ отъ нападковъ приверженцевъ И. И. Дмитріева — и тутъ наступилъ всѣми видимый и явный взрывъ литературной вражды.... Признавая всегда геніяльность Пушкина и необыкновенный талантъ В. А. Жуковскаго, въ *Литературныхъ Листкахъ* и въ родившейся отъ нихъ *Сѣверной Пчелѣ* говорено было смѣло и откровенно о ихъ произведеніяхъ, съ указаніемъ на слабое, для возвышенія превосходнаго — и это былъ уже послѣдній ударъ, coup de grâce. Зашумѣли и загудѣли журналы, завопила золотая посредственность, и пошла потѣха! *Сѣверная Пчела*, однако жъ, все шла и идетъ своимъ путемъ, ни на что не оглядываясь, не стѣсняясь въ своихъ сужденіяхъ ни какими посторонними видами, отдавая полную справедливость и дань хвалы жесточайшимъ противни-

камъ, когда они напишутъ что нибудь хорошее, и порицая искреннѣйшихъ друзей своихъ, когда они споткнутся. Замѣчательно и весьма, что вся вражда падала на меня одного, и каждое неблагопріятное сужденіе для автора приписывалось *мнѣ*, а за похвалу никто не сказалъ мнѣ спасибо! Напротивъ, похвалы породили болѣе враговъ, нежели порицанія. Удивительно, а правда! Иные стали моими врагами послѣ похвалы, чтобъ доказать, что они не напрашивались на нее; другіе вооружились за то, зачѣмъ я хвалилъ людей, въ которыхъ *они* не видятъ хорошаго!...

Еще весьма замѣчательно, что всѣ журналы, сколько ихъ ни было въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (исключая *Соревнователя просвѣщенія и благотворенія*, который издавался Литературнымъ Обществомъ, и нынѣшней *Библіотеки для Чтенія)*, начинали свое поприще, продолжали и кончали его—жестокою бранью противъ моихъ литературныхъ произведеній. Всѣ мои сочиненія и изданія бы-

ли всегда разруганы, и ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не разобрано критически, по правиламъ науки. Нигдѣ еще не представлено доказательствъ, почему такое-то изъ моихъ сочиненій дурно, чего я долженъ избѣгать и остерегаться. О хорошей сторонѣ—ни помина! Какая бы нелѣпость ни вышла изъ печати, господа журналисты всегда утверждаютъ, что все же она *лучше*, нежели мои сочиненія. Вотъ все существо ихъ критики моихъ сочиненій! Одинъ изъ новыхъ журналовъ простеръ до такой степени свою храбрость, что даже поставилъ меня *ниже* извѣстнаго Московскаго писаки Александра Орлова! Вы думаете, что я гнѣвался или гнѣваюсь на журналы за эти поступки со мною? Увѣряю честію — нѣтъ! Еслибъ они были посмышленѣе, то дѣйствовали бы иначе. Думая унизить меня, они возвысили — и сочиненія мои, благодаря Бога, разошлись по Россіи въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ, многія изъ нихъ переведены на языки: Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Шведскій, Италіянскій, Польскій и Богемскій— и *Сѣверная Пчела* благоденствуетъ!

Но литературная вражда, не пробивъ стрѣлами критики моего литературнаго панцыря, принялась за средство, которое Донъ Базиліо совѣтуетъ Доктору Бартоло употребить противу Графа Альмавивы, въ оперѣ Россини: Севильскій цирюльникъ. Съ величайшимъ наслажденіемъ слушаю я всегда арію: La calumnia! У меня собранъ цѣлый томъ сатиръ и эпиграмъ....

Будь я въ сотую долю такой литераторъ, какимъ стараются изобразить меня мои благопріятели, то достоинъ былъ бы... чего?... самаго ужаснаго: быть на нихъ похожимъ. А какъ не послушать, когда разсказываютъ о сочиненіяхъ человѣка, который въ теченіе двадцати пяти лѣтъ ежедневно припоминаетъ печатно о своемъ существованіи! Вѣдь не о каждомъ можно сказать что взбредетъ на умъ, а тутъ обширное поле для выдумокъ. А печатные намеки? Вѣдь безъ означенія имени вы можете что угодно сказать и напечатать о журналистѣ, историкѣ, романистѣ, статистикѣ, сельскомъ хозяинѣ, прожи-

вающемъ въ Парижѣ или въ Китаѣ!!! Напечатавъ, вы можете сказать въ обществѣ: это Булгаринъ! Неужели онъ таковъ? спросятъ васъ. Во сто разъ хуже! — и изъ двадцати человѣкъ десять повѣрятъ. Худому вѣрится какъ-то легче, нежели хорошему; а кому какая нужда заглядывать въ *стеклянный домъ*, въ которомъ я живу!

Все это меня нисколько не трогаетъ, и стоитъ взглянуть на меня, чтобъ увѣриться, что желчь во мнѣ имѣетъ самое правильное отправленіе, и что я не высохъ съ горя. Вы думаете, что я питаю въ сердцѣ моемъ ненависть или злобу къ моимъ врагамъ. Ей Богу, нѣтъ! Какъ можно въ сердцѣ хранить гнусныя страсти, отравляющія все существованіе! Посердишься и забудешь. Только на одно обстоятельство я долженъ обратить вниманіе моихъ читателей, потому что оно имѣетъ неразрывную связь съ теперешнимъ моимъ сочиненіемъ.

По долгу журналиста, литератора и современника я подверженъ горькой обя-

занности говорить о смерти людей, снискавшихъ уваженіе или любовь и благодарность соотечественниковъ своими заслугами или литературными трудами. По моему положенію въ свѣтѣ, я зналъ и знаю лично бо́льшую часть замѣчательныхъ лицъ въ Россіи, и кого зналъ, о тѣхъ говорю отъ своего лица, приводя иногда рѣчи или необыкновенные случаи изъ ихъ жизни, мною отъ нихъ слышанные. Изъ этого мои благопріятели, мои любезные Донъ Базиліи, умѣли выковать металлъ и вылить изъ него противу меня пули, которыя однако жъ не попадаютъ въ цѣль. Нѣкоторые очень искусно даютъ знать, особенно по случаю моей біографической статьи объ И. А. Крыловѣ, что будто я *хвастаю дружбою* съ знаменитостями, послѣ ихъ смерти, когда эти знаменитости меня и знать не хотѣли!!! Ловко, да не умно и не удачно! Мы живемъ посреди современныхъ свидѣтелей, и къ слѣдующимъ томамъ моихъ *Воспоминаній* я приложу *снимки* съ писемъ ко мнѣ многихъ

знаменитостей, для доказательства, въ какихъ я находился съ ними сношеніяхъ. Предварительно скажу, что я никогда не *хвасталъ* ни чьею дружбой и ни какими связями, никогда этимъ *не гордился* и не буду хвастать и гордиться. Никогда въ жизни я ничего не искалъ, никому и никогда не навязывался, не обивалъ ни чьихъ пороговъ, и не задыхался въ атмосферѣ переднихъ. Почитаю себя счастливымъ, и радуюсь въ глубинѣ души, что многіе значительные люди оказывали и оказываютъ ко мнѣ благосклонное вниманіе, и за это питаю къ нимъ искреннюю, сердечную благодарность; но, чтобъ я хвасталъ или гордился знакомствомъ или связью съ какимъ нибудь, хотя самымъ даровитымъ Русскимъ писателемъ, этого не бывало и не будетъ! Въ столкновеніи и въ связи я былъ со всѣми ими, какъ литераторъ и журналистъ, но въ дружбѣ былъ только съ двумя, и то не какъ съ литераторами, а какъ съ людьми—именно съ покойнымъ А. С. Грибоѣдовымъ, безсмертнымъ твор-

цемъ *Горя отъ ума,* и съ Н. И. Гречемъ. Я столько же любилъ бы и уважалъ ихъ, — если бъ они вовсе не были писателями. Талантъ безъ сердца — машина! Дружбою съ покойнымъ И. А. Крыловымъ я не хвасталъ, потому что никогда даже не искалъ этой дружбы, а былъ съ нимъ хорошо знакомъ, и прежде часто видывалъ его. Какъ журналисту, не принадлежащему ни къ какой партіи, мнѣ даже невозможно было искать дружбы литераторовъ, а что многимъ изъ нихъ я былъ нуженъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и ясно по ходу дѣла. Были литераторы, искренно мнѣ преданные, но они уже въ могилѣ... и я не трону ихъ и не вспомню о ихъ ко мнѣ приверженности! Есть, можетъ быть, и теперь литераторы, которые *знаютъ* меня... и я больше не требую. Но, чтобъ я *хвасталъ дружбою* Крылова, Пушкина, или кого бы то ни было!!! Ахъ, Боже мой, какъ вы мало знаете меня, любезные мои Донъ Базиліи, если въ самомъ дѣлѣ вѣрите этому, а не выдумываете! Я горжусь только

однимъ въ свѣтѣ, а именно: моими врагами. Еслибъ они не были моими литературными врагами, я бы умеръ отъ чахотки или сошелъ съ ума!

И такъ, почтенные мои читатели, вѣрьте мнѣ, что все сказанное въ моихъ *Воспоминаніяхъ* сущая истина. Никто еще не уличилъ меня во лжи, и я ненавижу ложь, какъ чуму, а лжецовъ избѣгаю, какъ зачумленыхъ. Всему, о чемъ я говорю въ *Воспоминаніяхъ, есть живые свидѣтели,* мои современники, совоспитанники и сослуживцы, или есть документы. Пусть современники уличатъ меня во лжи! Ошибиться я могъ въ числахъ, въ именахъ, въ порядкѣ происшествій, потому что пишу не изъ книгъ, а изъ памяти — но въ существѣ все правда. Гдѣ нельзя сказать правды, тамъ я молчу, но не лгу. Въ томъ, близокъ ли я былъ къ нѣкоторымъ знаменитостямъ, представлю *письменныя доказательства*, или сошлюсь *на живыхъ свидѣтелей*.

Но я вамъ еще не отвѣчалъ, почему я издаю мои *Воспоминанія* при жизни.....

Вѣдь это только *отрывки!*...

При воспоминаніи *прошлаго*, кажется мнѣ, будто жизнь моя расширяется и увеличивается, и будто я молодѣю! Нынѣшнее единообразіе жизни исчезаетъ – и я смѣшиваюсь съ оживленными событіями прошлаго времени, вижу предъ собою людей замѣчательныхъ или для меня драгоцѣнныхъ, наслаждаюсь прежними радостями. и веселюсь минувшими опасностями, прежнимъ горемъ и нуждою. Пишу съ удовольствіемъ, потому что это занимаетъ меня и доставляетъ случай излить чувства моей благодарности къ людямъ, сдѣлавшимъ мнѣ добро, отдать справедливость многимъ забытымъ людямъ, достойнымъ памяти, высказать нѣсколько полезныхъ истинъ, представить подлинную характеристику моего времени. Найдется много кое-чего любопытнаго и даже поучительнаго! – Я прочелъ написанное нѣсколькимъ искреннимъ пріятелямъ...

«Печатайте!» сказали они въ одинъ голосъ.

«Печатай, печатай!» повторили въ семьѣ... Явился мой добрый М. Д. Ольхинъ, и рѣшилъ: *печатать*...

Печатаю!

Пойдутъ многочисленныя *подражанія*, какъ послѣ всего, что только я ни вздумалъ печатать, и журналамъ будетъ случай бранить меня, и т. п. Все это дастъ нѣкоторое движеніе умамъ, разбудитъ ихъ — а при общемъ умственномъ застоѣ и это хорошо!

А сколько вы издадите томовъ вашихъ *Воспоминаній?*

Не знаю! Сколько напишется. Быть можетъ кончу на этихъ двухъ томахъ, быть можетъ буду продолжать. Не принимаю ни какой обязанности предъ публикою. Все зависитъ отъ досуга и отъ охоты.

Воспоминая о моихъ дѣтскихъ лѣтахъ, я излагалъ событія почти въ хронологическомъ порядкѣ, и часто долженъ былъ говорить о себѣ. Со второй части форма сочиненія, по самому существу вещей, должна измѣниться. Дѣтство и великихъ

и малыхъ людей принадлежитъ болѣе *природѣ человѣческой*, нежели *исторіи*, и наблюденіе за развитіемъ *каждаго человѣка* любопытно для любознательнаго ума, особенно, если развитіе совершилось среди необыкновенныхъ событій и необычнаго хода дѣлъ. Такъ точно, мы, съ нѣкоторымъ любопытствомъ, смотримъ даже на обломки корабля, разбитаго бурею, потому что эти щепы возбуждаютъ въ насъ идеи! Дитя можетъ смѣло и откровенно говорить о себѣ, потому что оно, такъ сказать, не составляетъ индивидуума, или отдѣльнаго лица въ гражданскомъ обществѣ, но принадлежитъ къ массѣ человѣчества.

Со времени, когда я вступилъ на поприще гражданской жизни, я буду разсказывать, какъ очевидецъ, малоизвѣстныя обстоятельства и замѣчательные случаи въ современныхъ событіяхъ, или вовсе не замѣченные Исторіею, или вскользь упомянутые, и частныя происшествія и приключенія, достойныя вниманія или любопытныя своею необыкно-

венностью, а о себѣ буду упоминать тогда только, когда невозможно будетъ этого избѣгнуть, и когда надобно будетъ изложить мое собственное мнѣніе. Разсказы мои будутъ или отъ третьяго лица, или отъ имени товарищей, по большей части эпизодами, или отдѣльными статьями. Эти эпизоды будутъ *историческіе* и *частные*. Первые будутъ имѣть форму или обыкновенную историческую, или *созданнаго мною* рода въ Русской Литературѣ, подъ названіемъ *военные разсказы*; вторые будутъ въ видѣ *повѣстей*, или повѣствованій, основанныхъ на истинныхъ событіяхъ. Вообще, въ моихъ *Воспоминаніяхъ* нѣтъ и не будетъ ничего *выдуманнаго* мною. Все здѣсь справедливо. Я долженъ иногда *пропускать* многое, повѣствуя о *современности*, но не обязанъ *прибавлять* или *искажать* истины. Это мое неотъемлемое право. *Слово* подлежитъ обстоятельствамъ; *мысль* и *совѣсть* моя собственность!

ѲАДДЕЙ БУЛГАРИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Первыя воспоминанія дѣтства. — Разбойники и освободители. — Вѣрный очеркъ тогдашнихъ Польскихъ нравовъ. — Первое знакомство съ Русскими воинами.

Пріятно вспоминать первые годы дѣтства! Человѣку въ лѣтахъ они кажутся заманчивымъ сновидѣніемъ. Вообще, все связное или важное, изъ дѣтскихъ лѣтъ, остающееся въ памяти, почерпнуто изъ разсказовъ родителей или другихъ свидѣтелей нашего младенчества, слышанныхъ послѣ. Но и дѣтскія воспоминанія и слышанное наконецъ сливается въ одно, и составляетъ общую картину, въ которой, въ послѣдствіи, трудно отдѣлять

свое отъ чужаго. Рѣдкій человѣкъ не припоминалъ своего дѣтства, особенно въ кругу своего семейства, помышляя о будущей участи своихъ дѣтей! Мои дѣтскія лѣта протекли среди необыкновенныхъ событій, входящихъ въ составъ исторіи, и мнѣ суждено было, какъ малой каплѣ водъ, волноваться вмѣстѣ съ огромными валами, въ разъяренномъ морѣ, пока брызгами не выбросило меня на берегъ. Много необыкновеннаго видѣлъ я въ жизни, много испыталъ и хорошаго и дурнаго, зналъ много великихъ и геніяльныхъ мужей и много пустоцвѣтовъ — и намѣренъ не трогая никого разсказать кое-что изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго.

Родился я въ бывшемъ Минскомъ Воеводствѣ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго (въ которомъ предки мои издревле были княжескими боярами, имѣвшими одно значеніе съ древними боярами

Русскими)(1), въ имѣньѣ Перышевѣ, принадлежавшемъ матери моей, урожденной Бучинской (герба Стремя) (2). Годъ моего рожденія (1789) ознаменованъ началомъ переворота, ниспровергнувшаго древнюю Французскую Монархію, и, подобно землетрясенію и волканическимъ взрывамъ, измѣнившаго видъ и внутреннее устройство не только Европы, но и Америки. Искры Французской революціи попали въ Польшу, какъ въ пороховой магазинъ. Умы холодные, утомленные Польскимъ безначаліемъ, и умы пламенные, жаждущіе новостей, эгоисмъ и патріотисмъ равно воспламенились и вспыхнули, одни изъ собственныхъ выгодъ, другіе въ надеждѣ исцѣлить недужное отечество, не вѣря, въ простотѣ души своей, чтобъ оно было неисцѣлимо, и не догадываясь, что уже антоновъ огонь проникъ до его сердца! Пишу я не исторію паденія Польши, слѣдовательно не обязанъ раз-

сказывать всѣхъ происшествій до разбитія Костюшки подъ Мацеіовицами и взятія штурмомъ Праги Суворовымъ. Припоминаю о тогдашнихъ Польскихъ событіяхъ на столько, на сколько онѣ входятъ въ составъ разсказа о моемъ дѣтствѣ. Въ это время, мать моя уже продала имѣніе свое Перышево, и, намѣреваясь очистить отъ долговъ имѣніе отца моего, Грицевичи (3), въ Минской губерніи, въ Слуцкомъ Уѣздѣ, и поселиться въ немъ, отдала предварительно капиталъ свой помѣщику Дашкевичу, подъ залогъ и въ уплату процентовъ (по тогдашнему Польскому обычаю) имѣнія Маковищъ, въ нынѣшнемъ Бобруйскомъ Уѣздѣ, верстахъ въ пяти отъ мѣстечка Глуска.—Костюшко уже былъ взятъ въ плѣнъ; большая часть войска Польскаго уже положила оружіе, но возстаніе въ Литвѣ еще не прекратилось. Мы жили тогда въ Маковищахъ. Однажды, утромъ, весною

1795 года, прикащикъ прибѣжалъ въ комнаты съ гумна, и сказалъ матушкѣ, что слышалъ пушечные выстрѣлы. Мать моя, двѣ старшія сестры и я съ нянькою побѣжали на гумно, по совѣту прикащика, прилегли на току, приложивъ ухо къ землѣ. Въ дали точно раздавались удары и глухой подземный гулъ. Послѣ узналъ я, что это были остатки отряда генерала Грабовскаго, разбитаго прошлою осенью Княземъ Циціановымъ, подъ Любаромъ. Нѣкоторые отчаянные патріоты, собравъ разсѣянныхъ солдатъ, и присоединивъ къ нимъ вооруженную шляхту, намѣревались снова возмутить край, и объявили конфедерацію. Отрядъ Русскихъ войскъ при первой встрѣчѣ разгромилъ ихъ, картечью, и тѣмъ все кончилось. Это было, кажется, послѣднее сраженіе на земляхъ бывшей Польши въ эту войну, и происходило верстахъ въ двадцати отъ нашего то-

гдашняго мѣстопребыванія. Отца моего не было дома; онъ, по обязанности своей, находился тогда или въ Слуцкѣ или въ Нѣсвижѣ (4), и матушка моя чрезвычайно испугалась близости войны. Рѣшено было: всему семейству, съ драгоцѣннѣйшими вещами, спрятаться въ лѣсу, угнать туда же домашній скотъ и лошадей, и послать немедленно нарочнаго къ отцу, чтобъ онъ пріѣхалъ поскорѣе домой, и привезъ съ собою, если возможно, *залогу* и *охранительный листъ* отъ Русскаго генерала, изъ Нѣсвижа (5). Тотчасъ начали укладываться и суетиться; не обошлось при этомъ безъ слезъ, и я, видя общую суматоху и слезы, слыша безпрестанныя повторенія: « *пропали мы*, *погибли* » самъ заплакалъ громче всѣхъ, воображая, что пропадутъ и погибнутъ всѣ мои игрушки, садъ, въ которомъ я игралъ, и вообще все, что утѣшало и забавляло меня. Наконецъ нагру-

зили нѣсколько телѣгъ лучшими вещами и съѣстными припасами, и матушка, двѣ сестры мои, панна Клара ([6]), нѣсколько служанокъ, лакеевъ и стрѣльцовъ съ ружьями пошли пѣшкомъ въ лѣсъ, почти примыкающій ко двору. На одной телѣгѣ, нагруженной пуховиками и подушками, поѣхалъ я съ моею нянькою, обложенный моими игрушками. Отецъ мой былъ большой охотникъ, и имѣлъ нѣсколько отличнѣйшихъ стрѣльцовъ, которые знали всѣ тайники въ обширныхъ лѣсахъ, покрывавшихъ въ то время весь этотъ край отъ Глуска до границы Волынской Губерніи, отчего и страна называлась *Полѣсьемъ.* Пройдя лѣсомъ съ часъ времени, нашъ обозъ долженъ былъ остановиться, потому что телѣгъ нельзя было провезти въ чащѣ. Мы оставили телѣги, навьючили кое-какъ всю поклажу на людей и лошадей, и пошли далѣе. Меня несли на рукахъ, поперемѣнно, люби-

мые стрѣльцы отца моего, Семенъ и Кондратій, а нянька должна была нести мои игрушки и постель. При этомъ должно замѣтить, что я былъ послѣднее, любимое и балованное дитя у моихъ родителей (7). Не знаю, долго ли мы шли и далеко ли ушли, потому что я заснулъ на рукахъ у моихъ носильщиковъ, но когда проснулся, было уже утро, и я увидѣлъ, что мы находимся на полянѣ, среди лѣса, возлѣ небольшаго ручья. Люди наши рубили сучья и поправляли шалаши, сдѣланные, видно, съ вечера, на скорую руку, и строили новые шалаши. Въ одномъ только мѣстѣ горѣлъ огонь, въ ямѣ. На полянѣ паслись лошади и нѣсколько коровъ. Поваръ разбиралъ кастрюли и ощипывалъ живность; служанка варила кофе, и мнѣ все это показалось такъ хорошо и такъ весело, что я прыгалъ отъ радости. Это былъ настоящій бивакъ! Матушка сказывала мнѣ послѣ, что она

всю ночь не могла уснуть, хотя въ шалашѣ разостланы были пуховики, и что она еще до зари послала домой человѣка узнать, что тамъ дѣлается. Послѣ обѣда, когда солнце начало уже прятаться за высокими деревьями, возвратился посланный съ корчмаремъ нашимъ, евреемъ Іоселемъ, который за свою исправность и услужливость былъ въ большой милости у матушки. Іосель пріѣхалъ верхомъ, и привезъ полный мѣшокъ припасовъ, сахару, зеленаго чаю (безъ котораго моя матушка не могла обойтись), булокъ, свѣжаго мяса и, какъ всегда, для меня гостинца - на этотъ разъ пряниковъ. Іосель успѣлъ побывать въ Глускѣ, куда перевезъ всѣхъ женщинъ и дѣтей своего семейства, и узналъ отъ губернатора замка ([8]), что Русскихъ ждутъ къ вечеру или на другое утро въ Глускъ, и надѣются, что въ слѣдствіе покорности губернатора и усильной его просьбы, городъ не

будетъ разграбленъ, и жители не подвергнутся обидамъ и притѣсненіямъ. Но, по словамъ Іоселя, предстояла всѣмъ большая бѣда, потому что, при общемъ недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ, трудно будетъ прокормить солдатъ, если весь Русскій отрядъ остановится въ городѣ, и что непремѣнно потребуютъ помощи въ съѣстныхъ припасахъ отъ помѣщиковъ, а денегъ, какъ водится, отъ евреевъ. Іосель, при сихъ словахъ покачавъ головою, завопилъ: «Ой вей миръ, ой вей миръ» — и сталъ утирать слезы рукавомъ. Матушка и сестры также заплакали, не о съѣстныхъ припасахъ и не о деньгахъ, а о своемъ положеніи. Я опять заревѣлъ громче всѣхъ, смотря на плачущихъ. На вопросъ матушки, не слышно ли чего объ отцѣ моемъ, Іосель отвѣчалъ, что губернаторъ замка́ послалъ за нимъ четырехъ гонцевъ, въ четыре разныя стороны, чтобъ просить его при-

быть какъ можно скорѣе, для необходимыхъ распоряженій въ этой крайности. Іосель пробылъ у насъ до ночи, и поѣхалъ обратно, обѣщая дать знать, что дѣлается у насъ дома и въ окрестностяхъ, и увѣдомить немедленно отца моего о нашемъ положеніи.

Прошли двое сутокъ, и мы не получали ни какого извѣстія. На третій день, въ полдень, пришла въ нашъ бивакъ крестьянка изъ чужаго имѣнія, у которой мать моя вылечила ребенка, и бросясь въ ноги разсказала, что она слышала, что сосѣдніе мужики собираются убить всѣхъ насъ въ лѣсу, чтобъ завладѣть нашимъ добромъ, предполагая, что маменька имѣетъ при себѣ много денегъ и всякихъ дорогихъ вещей. Можно себѣ представить положеніе моей матери, сестеръ и всей нашей прислуги! Я хотя не постигалъ всей опасности; но зналъ хорошо, что значитъ *убить* и *умереть*;

слыша часто о битвахъ и о смерти нашихъ знакомыхъ, и видя общее безпокойство, былъ въ страхѣ, однакожъ просилъ, чтобъ мнѣ дали ружье, для защиты матушки. Она улыбалась сквозь слезы, прижимая меня къ сердцу. Наконецъ, матушка собрала на совѣтъ всю нашу прислугу мужескаго пола, и спросила, намѣрены ли они защищать господъ своихъ. «До послѣдней капли крови!» отвѣчали всѣ единогласно, и бросились цѣловать руки и ноги маменьки и сестеръ. Стрѣлецъ Семенъ взялъ меня на руки, и сказалъ, что не выдастъ меня, хотя бы его растерзали на части. Съ нами было всего девять человѣкъ сильныхъ молодыхъ людей, искусныхъ стрѣлковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и двойное число разбойниковъ не одолѣло бы ихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ людей изъявляли даже желаніе встрѣтиться съ разбойниками, чтобъ проучить ихъ порядкомъ.

Матушка наградила добрую женщину, известившую насъ объ угрожавшей опасности, обѣщая на всю жизнь призрѣть ея семейство, и поручила ей отдать нашему прикащику записку, написанную карандашемъ (помню, потому что *моимъ*), въ которой матушка требовала, чтобъ онъ немедленно поспѣшилъ на помощь съ вѣрными крестьянами, оставивъ домъ на произволъ судьбы.

Въ юности нашей начитавшись о Римской и Греческой республикахъ, о людяхъ, иногда самыхъ мелочныхъ умомъ и душею, но надѣлавшихъ шуму своею дерзостью и пылкими рѣчами, и за то произведенныхъ въ великіе мужи красноречивыми писателями, мы часто предаемся мечтамъ и желаемъ переворотовъ, потрясеній, бредимъ о вольности и равенствѣ (которыя, сказать мимоходомъ, никогда не существовали въ мірѣ и не будутъ никогда существовать для массы

народа), и завидуемъ такъ называемымъ героямъ народнымъ!... Школьничество — и только! Эти народные герои вообще или простаки, увлеченные мечтами воображенія, порожденными впечатлѣніями юности, или хитрецы и честолюбцы, т. е. или тетерева, или лисицы. Лучше спустить съ цѣпи голоднаго тигра или гіену, чѣмъ снять съ народа узду повиновенія властямъ и законамъ. Нѣтъ звѣря свирѣпѣе разъяренной черни! Всѣ усилія образованнаго сословія должны клониться къ просвѣщенію народа на счетъ его обязанности къ Богу, къ законнымъ властямъ и законамъ, къ водворенію въ сердцахъ человѣколюбія, къ искорененію врожденнаго человѣку звѣринаго эгоисма, а не къ возбужденію страстей, не къ порожденію несбыточныхъ надеждъ. Кто дѣйствуетъ иначе, тотъ преступникъ предъ законами человѣчества. Видѣвшій народное возста-

ніе знаетъ, что это значитъ! Наполеонъ заслуживаетъ вѣчную благодарность всѣхъ благородныхъ сердецъ за то, что никогда не хотѣлъ дѣйствовать мятежемъ противу своихъ непріятелей, когда имѣлъ полную власть въ своихъ рукахъ. Въ Италіи онъ долженъ былъ повиноваться Директоріи.

Въ Польшѣ искони вѣковъ толковали о вольности и равенствѣ, которыми на дѣлѣ не пользовался никто. Только богатые паны были совершенно независимы отъ всѣхъ властей, но это была не вольность, а *своеволіе*. Даже порядочная и достаточная шляхта (9) должна была придерживаться какой нибудь партіи, т. е. быть подъ властію какого нибудь безпокойнаго магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвѣщенная, находилась всегда въ полной зависимости у каждаго, кто кормилъ и поилъ ее, и даже поступала въ самыя низкія должности у

пановъ и богатой шляхты, и терпѣливо переносила побои, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ быть битымъ не на голой землѣ, а на коврѣ, презирая, однакожъ, изъ глупой гордости, занятіе торговлею и ремеслами, какъ неприличное шляхетскому званію. Поселяне были вообще угнетены, а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи положеніе ихъ было гораздо хуже негровъ. Когда въ послѣднее время (т. е. съ 1791 года) Польшу возмутили мечтами о вольности, равенствѣ и политической независимости, были въ ней люди истинно благородные, даже съ большими дарованіями и геройскимъ мужествомъ, которые пламенно желали перерожденія своего несчастнаго отечества и утвержденія въ немъ порядка, на основаніи прочныхъ законовъ и наслѣдственной монархической власти. Но эти желанія и усилія благородныхъ людей не могли увѣнчаться успѣхомъ, потому что въ Польшѣ не бы-

ло для этого ни какихъ стихій. Все было въ разстройствѣ: Правительство безъ всякой силы, народъ безъ единодушія. Магнаты враждовали между собою, и безпокоили сосѣдніа державы просьбами о покровительствѣ своей партіи. Всѣ партіи ненавидѣли Короля и не имѣли къ нему ни малѣйшей довѣренности, испытавъ его малодушіе и вѣроломство. Порядочное дворянство приставало къ различнымъ партіямъ, но вообще дѣйствовало болѣе словами, нежели дѣломъ, а мелкая шляхта вооружалась на счетъ пановъ, бушевала, пьянствовала, грабила и обращалась въ бѣгство при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Надъ этимъ возстаніемъ мелкой шляхты всѣ благоразумные люди шутили и насмѣхались, утверждая, будто при встрѣчѣ съ непріятелемъ они говорятъ: «Въ лѣсъ, господа! Это *не шутки—стрѣляютъ пулями*!» Сами Поляки получали Русскихъ мародеровъ къ

грабежу, раздѣляя съ ними добычу, и доноси ложно на своихъ соотчичей Русскимъ начальникамъ, соблазняли нѣкоторыхъ пользоваться обстоятельствами. Иные изъ мелкой шляхты грабили даже или похищали общественную казну (*). Регулярнаго войска было чрезвычайно мало, едвали 25,000 человѣкъ въ цѣломъ королевствѣ, и это войско, сперва упавшее духомъ, потомъ воспламененное Ко-

(*) Въ Минской Губерніи, два самые бѣдные шляхтича возвратились на родину послѣ взятія въ плѣнъ Костюшки, съ огромными суммами. Одинъ изъ нихъ всегда носилъ парикъ, закрывавшій лобъ. Объ этихъ людяхъ распространились самые неблагопріятные слухи, именно будто они ограбили Польскую военную казну. Отецъ мой, раздраженный гордостью одного изъ богачей, сорвалъ однажды съ него парикъ, и оказалось, что у него на лбу клеймо: висѣлица! Говорятъ, что похитивъ казну, одинъ изъ нихъ ушелъ съ деньгами, а другаго поймали, и Генералъ Сѣраковскій велѣлъ его заклеймить. Я еще видѣлъ обоихъ. Они померли уже лѣтъ за сорокъ.

стюшкою, могло только со славою умереть. Поселяне въ коренной Польшѣ, особенно Краковяки, приняли сильное участіе въ возстаніи, обнадеженные Костюшкой въ улучшеніи своей участи; но крестьяне въ Литвѣ, въ Волыніи и Подоліи, если не были принуждены силою къ вооруженію, оставались равнодушными зрителями происшествій, и большею частію даже желали успѣха Русскимъ, изъ ненависти къ своимъ панамъ, чуждымъ имъ по языку и по вѣрѣ. Вообще, въ такъ называемое Костюшковское возстаніе, шуму, разглагольствія, похвальбы, приготовленій было слишкомъ много, но дѣла было чрезвычайно мало: вся дѣятельность сосредоточена была въ Варшавѣ и Вильнѣ, а провинціи были оставлены на произволъ судьбы! Негодяи пользовались разстройствомъ края, наѣзжали на дворы, грабили и даже убивали, хотя рѣдко, безвинныхъ, провоз-

глашая ихъ измѣнниками. Никто не слушалъ властей, не имѣющихъ силы. Рускіе въ насмѣшку говорили, что Поляки *проспали Польшу!* Это несправедливо: не проспали, а *проболтали*! Ораторовъ было множество, а не было воиновъ, и бодрствовали не для дѣла, а для интригъ и собственныхъ выгодъ.

При самомъ началѣ переворота въ Польшѣ (съ 1791 года), когда Варшавскіе дѣльцы стали провозглашать правила Французскаго конвента (la Convention), объявили Польшу вольнымъ пристанищемъ для всѣхъ бѣглецовъ изъ сосѣднихъ государствъ, стали порицать узаконенія своихъ сосѣдей и форму ихъ правленія, даже провозглашать личности противу государей, и возбуждать сосѣдніе народы къ возстанію, для шествованія къ одной цѣли съ Польшею, — тогда сосѣднія государства, по предложенному сперва плану Фридрихомъ Великимъ, рѣ-

шились на крайнее средство, какъ бываетъ при пожарахъ, т. е. вознамѣрились разобрать домъ, угрожающій зажечь сосѣдніе домы. Послѣдній порывъ героисма, возбужденный Костюшкою, не спасъ Польши, которую уже отравили велерѣчивые теоретики и гнусные эгоисты.. Я засталъ, такъ сказать, послѣдній вздохъ умирающей Польши....

Обращаюсь къ повѣствованію.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, отецъ мой выгналъ изъ службы помощника нашего прикащика, за дурное поведеніе и, кажется, за воровство. Онъ былъ шляхтичъ, и оставшись безъ мѣста, осѣдлалъ своего коня и опредѣлился въ такъ называемую *рухавку* (конную милицію изъ шляхты), формировавшуюся въ Новогрудкѣ. Былъ ли онъ на войнѣ или нѣтъ, не знаю, но послѣ плѣненія Костюшки онъ возвратился на родину съ деньгами, началъ мотать по корчмамъ,

съ подобными ему негодяями, и грозилъ заочно местью моему отцу, что было уже намъ извѣстно. Этотъ-то человѣкъ, узнавъ, что наше семейство прячется въ лѣсу, вознамѣрился насъ ограбить и вѣроятно всѣхъ перебить, чтобъ прикрыть слѣды злодѣйства, и, таскаясь по корчмамъ, подговарилъ на этотъ подвигъ нѣсколько пьяныхъ шляхтичей и десятка два самыхъ развратныхъ мужиковъ, увѣряя, что Русскіе, занявъ край, не станутъ разыскивать объ убійствѣ или грабежѣ пановъ, съ которыми они воюютъ. Въ тотъ же день, какъ злодѣй съ шайкою своею отправился въ лѣсъ насъ отыскивать, не со стороны нашей усадьбы, къ которой онъ не смѣлъ приблизиться, но изъ далека, чрезъ болото, крестьянка, благодарная моей матери, узнавъ объ этомъ отъ сосѣдки, которой мужъ принадлежалъ къ шайкѣ, побѣжала въ Маковищи, и боясь сказать объ

этомъ прикащику, не довѣряя ему, распросила у коровницы, какимъ путемъ пошло наше семейство въ лѣсъ, и по слѣдамъ нашимъ нашла насъ. Этой женщинѣ матушка дала лошадь, чтобъ она скорѣе поспѣла въ нашъ домъ, и наши люди стали приготовляться къ защитѣ отъ разбойниковъ.

Семенъ, не любившій корчмаря Іоселя за то, что онъ, по приказанію отца моего, не давалъ ему въ долгъ водки, и пользуясь милостью господъ, иногда грубо обходился съ дворнею, сказалъ, что онъ подозрѣваетъ Іоселя въ измѣнѣ. Это мнѣніе раздѣляла вся наша прислуга, по врожденной ненависти своей къ жидамъ — и Семенъ клялся, что при первой встрѣчѣ убьетъ его, какъ зайца. Въ нашемъ лагерѣ раздались проклятія и угрозы противу Іоселя, котораго защищала одна моя матушка. Вскорѣ увидимъ, какое участіе принималъ онъ въ этомъ дѣлѣ,

Кондратій, бывшій съ моимъ отцемъ въ походѣ, имѣлъ первенство въ совѣтѣ; онъ предлагалъ составить родъ укрѣпленія изъ земли и сучьевъ, и засѣсть въ немъ, закрывъ сверхъ того отъ пуль матушку, сестеръ и меня пуховиками. Другіе совѣтовали возвратиться домой, какъ можно скорѣе, что и матушкѣ казалось лучше, но страхъ отъ встрѣчи съ Русскими удерживалъ ее.... Богъ вѣсть, что тогда разсказывали о Русскихъ, хотя въ самомъ дѣлѣ война ведена была въ то время не такъ, какъ теперь. Побѣдители почитали врагомъ каждаго жителя непріятельской страны, не различая ни возраста, ни пола. Подвиги Древича и другихъ были въ свѣжей памяти: Прага еще дымилась, и отъ одного имени Суворова бросало въ лихорадку! Я спалъ спокойно, но никто въ нашемъ лагерѣ не смыкалъ глазъ во всю ночь; огней не разводили, и два стрѣльца, съ заряженными

ружьями, расхаживали вокругъ поляны. На разсвѣтѣ, матушка велѣла вьючить лошадей, и мы отправились въ обратный путь. Матушка хотя не рѣшалась возвратиться домой, но вознамѣрилась приблизиться къ опушкѣ лѣса. Мы шли въ тишинѣ около двухъ часовъ времени, какъ внезапно, впереди, шагахъ въ двухъ стахъ, въ авангардѣ, составленномъ изъ Семена и Кондратія, послышался шумъ и говоръ. Матушка сказывала мнѣ послѣ, что ноги у нея подкосились, въ глазахъ потемнѣло, и она сперва присѣла на сломанное дерево, а потомъ лишилась чувствъ. Она боялась болѣе за дѣтей своихъ! Меня отнесли въ сторону, а сестры, сами чуть живыя, бросились съ служанками помогать матушкѣ. Панна Клара отъ страха почти лишилась ума, и кричала изо всей силы. Вдругъ раздался громкій и внятный голосъ Семена: « Не бойтесь! это добрые люди! » Сквозь чащу

лѣса, однако жъ, нельзя было ничего и никого видѣть. Матушку привели въ чувство, но она была такъ слаба, что не могла привстать съ мѣста. Слова Семена оживили всѣхъ, но не надолго... Вдругъ изъ-за кустовъ и между деревьями мелькнули Русскія гренадерскія шапки и свѣтлые мундиры. Всѣ женщины, какъ курицы, при появленіи коршуна, немедленно сбились въ кучу, и бросились на колѣни вокругъ матушки, сидѣвшей на обрушенномъ деревѣ, склонясь на руки моей няньки. Я сидѣлъ у ногъ матушки. Женщины не смѣли поднять глазъ, и были какъ полумертвыя, и только одна панна Клара продолжала вопить: о, Боже мой, умилосердись! — и потомъ начинала громко пересчитывать всѣхъ святыхъ, которые приходили ей на память... Минута была рѣшительная и ужасная, и въ самое это время, на тропинкѣ показался нашъ корчмарь Іосель, а съ нимъ

Семенъ и Кондратій. «Не бойтесь, не бойтесь, пани!» кричалъ Іосель, махая руками: «ничего не будетъ худаго; это добрые Москали — я самъ привелъ ихъ сюда, чтобъ спасти васъ!... Не бойтесь — и пана ожидаютъ сегодня въ Глускъ; онъ вѣрно къ вечеру будетъ дома!»... Мать моя ожила, а съ нею всѣ другіе. Сестры мои отъ радости стали обнимать и цѣловать Іоселя; у матушки слезы полились градомъ, а у панны Клары сдѣлались страшныя спазмы: она смѣялась и плакала вмѣстѣ и валялась по землѣ. Іосель, поцѣловавъ руку сперва у матушки, а потомъ у меня, и вынувъ изъ кармана пряникъ, подалъ мнѣ, какъ бывало въ прежнее время. У матушки брызнули изъ глазъ слезы. «Іосель!» сказала она: «этого пряника я во всю жизнь не забуду!»

Дѣло объяснилось. Іосель, узнавъ отъ пріятеля своего, корчмаря, что толпа не-

годяевъ вознамѣрилась перебить всѣхъ насъ, чтобъ завладѣть нашими вещами, рѣшился просить помощи у Русскаго капитана, пришедшаго наканунѣ на квартиры въ Маковищи, и капитанъ не медленно отправился къ намъ, съ пятидесятью гренадерами, взявъ съ собою Іоселя, для указанія дороги и чтобъ повѣсить его на первомъ деревѣ, еслибъ онъ обманулъ его и ввелъ въ какую нибудь засаду. Жида вели связанаго и развязали только при встрѣчѣ съ нашими людьми.

Едва Іосель успѣлъ кончить свой разсказъ, явился капитанъ, молодой человѣкъ, весьма красивый собою, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ, съ красными отворотами, въ красныхъ панталонахъ, въ щегольской гренадерской шапкѣ. Никогда я не забуду ни лица его, ни голоса, ни имени. Это былъ Капитанъ Палицынъ , Фанагорійскаго Гренадерскаго (если не ошибаюсь) Полка. Онъ подо-

шелъ къ моей матушкѣ, успокоилъ ее, изъявилъ сожалѣніе, что она, изъ опасенія его земляковъ, подвергнулась такой опасности; увѣрилъ, что никому, даже послѣднему мужику, солдаты его не сдѣлаютъ ни малѣйшей обиды; потомъ, обратясь къ сестрамъ, сказалъ съ улыбкою, что онъ сберегъ ихъ ноты, фортепіано и гитары, и оставилъ ихъ комнаты незанятыми, и наконецъ, увидѣвъ меня уже на колѣняхъ у матушки, взялъ на руки, поцѣловалъ и спросилъ, хочу ли я съ нимъ подружиться. Видя, что появленіе его всѣхъ успокоило, я крѣпко обнялъ его за шею и сердечно разцѣловалъ, отвѣчая, что хочу быть его другомъ, если онъ не убьетъ никого изъ насъ. «Я, дружокъ, тогда только убиваю, когда на меня нападаютъ, и защищаю тѣхъ, кому нужна моя помощь.» Это сказано было не для меня, а для всѣхъ. «До дому еще далеко,» сказалъ капитанъ дамамъ: «и

вы не дойдете пѣшкомъ. Прошу покорно подождать, я помогу дѣлу...» и капитанъ, посадивъ меня на колѣни матушки, удалился, оставивъ всѣхъ въ удивленіи и недоумѣніи. Тогда такъ боялись Русскихъ, что матушка моя не вѣрила, чтобъ капитанъ былъ природный Русскій, и сказала: «На счастіе наше, это или Полякъ, или Лифляндецъ, или Курляндецъ! (albo Polak, albo Liflandczyk, albo Kurlandczyk).» Впрочемъ, Капитанъ Палицынъ весьма недурно говорилъ по-Польски; онъ провелъ долгое время въ Польшѣ, и какъ послѣ сказывалъ, имѣлъ искреннихъ пріятелей между Поляками. Еще бы такому человѣку не имѣть пріятелей! Да онъ нашелъ бы ихъ и между Ирокойцами!

Чрезъ полчаса возвратился капитанъ. За нимъ шестнадцать гренадеръ несли четыре носилки, наскоро сдѣланныя изъ сучьевъ. Я не спускалъ глазъ съ солдатъ.

Они имѣли ружье за плечемъ, на ремнѣ, по-охотничьи. Капитанъ просилъ дамъ (въ томъ числѣ и панну Клару, которая была больна отъ испуга), сѣсть на носилки. Сперва матушка и сестры противились и отговаривались, но наконецъ согласились. Положили на носилки подушки; дамы сѣли; меня взялъ на руки саженный гренадеръ, съ предлинными усами, и, по командѣ капитана: впередъ! шествіе двинулось. Шагахъ въ пятидесяти, на небольшой площадкѣ, стоялъ отрядъ. «Пѣсенники впередъ!» сказалъ капитанъ, и часть солдатъ отдѣлилась. Остальные солдаты, по одному, шли за нашимъ обозомъ, и мы весело пошли впередъ, подъ звуки Русскихъ пѣсень. Впервые услышалъ я тогда Русскія пѣсни и солдатскій хоръ; нѣкоторыя изъ тогдашнихъ пѣсень я послѣ часто слышалъ, и они остались у меня въ памяти.

Прибывъ домой, матушка чрезвычайно удивилась, что капитанъ съ поручикомъ заняли комнаты въ гостиномъ флигелѣ, не сдвинувъ даже стула съ мѣста въ нашемъ домѣ. Явился нашъ управитель, и объявилъ, что по приказанію капитана, онъ пригналъ во дворъ скотъ и привелъ лошадей, и что капитанъ приказалъ только кормить солдатъ въ деревнѣ и давать имъ винную порцію, обѣщая, что все будетъ смирно и тихо, какъ въ мирное время. Прикащикъ примолвилъ, что онъ самъ хотѣлъ ѣхать за нами, съ извѣстіемъ, что въ Москаляхъ Богъ послалъ намъ такихъ добрыхъ людей, когда Іосель явился къ капитану съ извѣстіемъ о разбойникахъ, и капитанъ въ ту же минуту собралъ команду и отправился....

Матушка испросила у капитана позволеніе дать каждому солдату по рублю серебромъ и угостить на другой день всю

роту во дворѣ, примолвивъ, что она надѣется, что избавитель ея и всего нашего семейства не откажется раздѣлять съ нами столъ и все, чѣмъ только она можетъ съ нимъ подѣлиться. Капитанъ согласился быть нашимъ гостемъ, и во все время своего квартированія въ Маковищахъ, проводилъ цѣлый день въ нашемъ семействѣ. Это былъ милый, образованный и добрый человѣкъ. Солдаты обожали его.

Хотя Іосель сказалъ, что отецъ мой пріѣдетъ скоро домой, но онъ возвратился чрезъ недѣлю, къ самому обѣду, и зная уже все случившееся, бросился въ объятія капитана, со слезами благодарилъ его за благородное обхожденіе, покровительство и избавленіе насъ отъ величайшей опасности. Отецъ любилъ жить весело: онъ тотчасъ послалъ приглашеніе къ сосѣдямъ, прося ихъ пріѣхать на нѣсколько дней, съ семействами, повеселиться, предъ отъѣздомъ все-

го нашего семейства въ Нѣсвижъ. Въ этомъ городѣ велѣно ему было проживать, по его должности, и онъ не хотѣлъ разставаться съ своимъ семействомъ, чтобъ не подвергать насъ снова подобнымъ приключеніямъ. Наѣхало гостей множество, и какъ погода была теплая, то дамы помѣстились въ комнатахъ, а мужчины, вмѣстѣ съ моимъ отцемъ, устроили себѣ жилище на гумнѣ. Привезли изъ Глуска музыку Графа Юдицкаго. Капитанъ Палицынъ, по просьбѣ отца моего, пригласилъ пріятелей своихъ офицеровъ — и пошла пируха! Каждый день прогулки, большой обѣдъ, танцы, ужинъ, музыка, пѣніе — и такъ пропировали цѣлую недѣлю. Тутъ я увидѣлъ въ первый разъ такъ называемую *лодку*, представляемую Русскими пѣсенниками, увидѣлъ Русскую пляску, и такъ полюбилъ лихихъ Русскихъ солдатъ, что не отходилъ отъ нихъ, носилъ имъ водку, виноградное

вино, булки, пироги, и давалъ даже деньги, выпрашивая у родителей. За то и солдаты полюбили меня, и говорили пророчески: «этотъ будетъ *нашъ!*» Я бросилъ всѣ мои игрушки, и игралъ штыками и тесаками. Въ карманахъ у меня были пули, черезъ плечо золотой шарфъ Капитана Палицына. Чрезъ недѣлю, онъ, послѣ бала, продолжавшагося до утра, выступилъ съ ротою въ походъ, въ Слуцкъ, провожаемый съ музыкою всѣмъ обществомъ, верстъ за пятнадцать, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ на прощанье, а послѣ него, на третій день, выѣхали мы въ Невижъ. Передъ выѣздомъ не досчитались панны Клары. Она примкнула къ Фанагорійскому Гренадерскому Полку, но только не подъ покровительство добраго Палицына — и безъ него нашелся другой охотникъ до этой дичи!

II.

Старинный Польскій дорожный поѣздъ. — Побѣдитель Костюшки Графъ Ферзенъ. — Первое собственное оружіе. — Жизнь Русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. — Польки. — Испугъ.

Удивительно, какъ все измѣнилось въ короткое время! Въ Польшѣ было тогда какое-то молодечество, отъ котораго никто не смѣлъ уклониться. Подраться на сабляхъ значило почти то же, что чокнуться стаканами. Каждый мужчина долженствовалъ быть отличнымъ ѣздокомъ и стрѣлкомъ изъ ружья и пистолета. Погасить свѣчу пулею, попасть въ туза или убить налету, пулею, ласточку —

нынѣ причисляемое къ рѣдкостямъ, почиталось тогда дѣломъ обыкновеннымъ. Мужчина не смѣлъ ѣздить въ каретѣ или въ коляскѣ: это предоставлялось больнымъ и женщинамъ. Семидесятилѣтніе старики ѣздили верхомъ въ дальній путь, напримѣръ, съ береговъ Березины въ Варшаву. Только нѣкоторые богатые модники, возвратясь изъ изнѣженнаго Парижа, презирали старинные обычаи; но такихъ людей было весьма немного, и ихъ преслѣдовали сатирою и насмѣшками. Такимъ образомъ, какъ наше семейство ѣхало въ Нѣсвижъ, ѣзжали тогда всѣ порядочныя шляхетскія фамиліи. Роскошь магнатовъ, особенно многочисленность ихъ прислуги и лошадей, превосходила всякое вѣроятіе. Напримѣръ, Князь Карлъ Радзивилъ выѣзжалъ, иногда, въ тысячу коней!...

Маршрутъ нашъ назначенъ былъ предварительно, и бричка, въ четыре лоша-

ди, съ кухонными снарядами, съ поваромъ и поваренками, шла впереди, шестью часами передъ главнымъ поѣздомъ. На назначенныхъ мѣстахъ поваръ готовилъ обѣдъ и ужинъ. Завтракъ и полдникъ везли съ собою. Матушка съ сестрами и со мною ѣхала въ четвероместной огромной каретѣ, на *пасахъ*, (т. е. на ремняхъ, потому что рессоры тогда мало употреблялись), запряженной цугомъ, въ шесть сивыхъ лошадей, безъ форейтора. Кучеръ правилъ съ лошади, а не съ козелъ. Передъ каретою и за нею ѣхали верхомъ четыре стрѣльца съ ружьями наперевѣсъ, съ кортиками и съ охотничьими рогами; на запяткахъ стояли два огромные лакея, одѣтые по-Венгерски, съ высокими волчьими шапками. Эти лакеи назывались *гайдуками*. За каретою шла коляска, запряженная цугомъ четырьмя карими жеребцами, и кучеръ также правилъ съ лошади, безъ

форейтора. Збруя была Краковская, т. е. высокіе хомуты съ бубенчиками; но въ городѣ употребляли Англійскія шоры съ серебромъ. Въ коляскѣ сидѣлъ камердинеръ батюшки, а на запяткахъ казачекъ, бандуристъ. Потомъ ѣхалъ пикеръ (по-Польски *доъзжачій*) и его помощникъ, ведя гончихъ и борзыхъ собакъ на сворахъ. Нѣсколько брикъ (кажется три), каждая въ четыре лошади, также цугомъ, съ постелями, туалетомъ, столовымъ сервизомъ и разными вещами, шли за коляскою. Въ бричкахъ сидѣли служанки и такъ называемые *покоевцы*, т. е. комнатная прислуга, изъ молодыхъ и красивыхъ людей. При бричкахъ ѣхали, также верхомъ, офиціантъ, носившій въ Польшѣ названіе *маршалка*, и конюшій. Первый былъ то же, что въ Испаніи majordome, т. е. завѣдывалъ кухней, буфетомъ и прислугой, а второй управлялъ конюшнею и охотою. За бричкой

ѣздовой, верхомъ, велъ парадную верховую лошадь батюшки, подъ богатою попоною съ гербами, а въ замкѣ тянулись крестьянскія подводы съ съѣстными припасами, мукою, крупою, разнымъ копченымъ мясомъ, водками, ликерами, вареньями, сырами, и т. п. Отецъ мой ѣхалъ верхомъ на сѣромъ жеребцѣ, а за нимъ ѣздовой (по-Польски *лiбзакъ*, lozak) въ курткѣ съ галунами, въ шишакѣ съ перьями, съ кортикомъ; онъ везъ длинный турецкій чубукъ и весь трубочный припасъ. Весь поѣздъ ѣхалъ обыкновенно шагомъ, или, по хорошей дорогѣ (что тогда была рѣдкость), малою рысцею. Безъ этой свиты не могъ выѣхать порядочный человѣкъ, шляхтичъ, bene natus et possessionatus! Подъѣзжая къ усадьбѣ или мѣстечку, кучера хлопали бичами, ѣздовые трубили въ рога и стрѣляли на воздухъ изъ ружей и пистолетовъ, чтобъ дать знать, что ѣдетъ *панъ*.

Всѣ Польскія власти были тогда въ разбродѣ; страною управляли Русскіе генералы и поставленные ими офицеры. Начальники были ради-радешеньки, если могли ухватиться за кого-либо изъ туземцевъ, и отецъ мой, въ званіи народнаго гражданско-военнаго коммиссара (*), долженъ былъ поневолѣ исправлять обязанности маршала (предводителя дворянства), судьи и всѣхъ полицейскихъ властей. Не знаю, на какое пространство простиралась эта принужденная власть его, но офиціяльно онъ былъ коммиссаромъ Воеводства Новогрудскаго.

Польша издревле славилась безпорядками всякаго рода, особенно дурными

(*) Komisarz ciwilno-woyskowy. Это было нѣчто въ родѣ Французскаго représentant du peuple, en mission. Онъ долженствовалъ наблюдать за вооруженіемъ народа и порядкомъ въ странѣ, и дѣйствовалъ отъ имени Временнаго Правительства, учрежденнаго въ Варшавѣ.

дорогами и мостами. На этотъ счетъ существуетъ даже насмѣшливая пословица (*). Верстахъ въ двадцати отъ Нѣсвижа надлежало проѣзжать чрезъ ручей, который въ полную воду былъ довольно широкъ и быстръ. Осмотрѣвъ мостъ, люди наши увѣрились, что онъ не подниметъ кареты, а потому стали искать брода. Отецъ мой первый проѣхалъ въ бродъ, но не остался на другомъ берегу, а воротился, чтобъ распорядиться при спускѣ кареты. Карета прошла чрезъ воду благополучно, но при подъемѣ переднія лошади стали путаться, и карета нагнулась на сторону. Сестры отъ испуга закричали, и отецъ мой, ѣхавшій возлѣ кареты, далъ шпоры лошади: она рванулась на берегъ, и, не знаю какъ, осту-

(*) Польскій мостъ, Жидовскій постъ, Турецкое богомолье—все это бездѣлье. По-Польски это въ стихахъ: Polski most, Żydowski post, Tureckie nabożeństwo, to wszystko błazeństwo.

пившись или завязнувъ въ грязи, упала на бокъ. Отецъ попалъ подъ лошадь, и ударившись о камень, переломилъ ногу. Мы всѣ выскочили изъ кареты, и съ крикомъ и плачемъ подняли его; стрѣльцы перевязали ногу между двумя досками, положили въ коляску, и поскакали во весь духъ въ Нѣсвижъ. Мы также поѣхали во всю рысь....

Домъ для насъ былъ приготовленъ Магистратомъ. Когда мы пріѣхали, отецъ мой былъ уже перевязанъ искуснымъ докторомъ, и лежалъ въ постели. Докторъ успокоилъ матушку, и увѣрилъ, что чрезъ шесть недѣль отецъ мой будетъ совершенно здоровъ и встанетъ съ постели, и что не предвидится ни малѣйшей опасности.

Въ Нѣсвижѣ была тогда временная главная квартира Генерала Графа Ферзена, который побѣдою, одержанною надъ Костюшкою, и взятіемъ его въ плѣнъ

стяжалъ себѣ всемірную славу. Въ это время онъ наслаждался ею въ полной мѣрѣ, награжденъ былъ щедро Императрицею Екатериною II (*) и Союзными Дворами, и пользовался особеннымъ уваженіемъ всей Русской знати.

Нѣкоторые изъ Польскихъ офицеровъ, бывшихъ въ сраженіи подъ Маціевицами, приписываютъ однако жъ побѣду Генералу Денисову, впрочемъ весьма несправедливо, на томъ основаніи, что въ началѣ сраженія Поляки одержали верхъ въ центрѣ, гдѣ начальствовалъ самъ Генералъ Ферзенъ, который уже началъ ретироваться, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько пушекъ; но Генералъ Денисовъ, стремительно бросившись, съ своею кавалеріею,

(*) Онъ пожалованъ Графомъ (изъ Барона), получилъ чинъ Генералъ-Аншефа, Андреевскую ленту и 2-й степени Георгія, богатыя помѣстья на Украйнѣ, и отъ Австрійскаго и Прусскаго Дворовъ ордена и богатые подарки.

на лѣвый флангъ Польскій, смялъ его, обратилъ въ бѣгство, и этимъ внезапнымъ ударомъ привелъ весь корпусъ Костюшки въ разстройство. Тогда уже Генералъ Ферзенъ сталъ громить центръ Польскій своею артиллеріею, и ударилъ въ штыки. Какъ бы то ни было, но слава побѣды принадлежитъ всегда главнокомандующему. Очевидцы и иностранные писатели должны вспомнить, что безъ счастливаго движенія Генерала Десе (Desaix) Наполеонъ не одержалъ бы побѣды при Маренго, однакожъ слава принадлежитъ Наполеону. Вѣдь и Костюшку взялъ въ плѣнъ не самъ Ферзенъ, а мы должны говорить и писать, что Костюшко взятъ Ферзеномъ.

Разумѣется, въ общемъ разстройствѣ страны, при безпрерывныхъ переходахъ войскъ, продовольствіе его было сопряжено съ величайшими затрудненіями. Брали, гдѣ могли взять, и наконецъ

выбрали все, что было на виду, а между тѣмъ большая часть запасовъ сохранялась помѣщиками и крестьянами въ ямахъ, въ лѣсахъ, между неприступными болотами. Надлежало имѣть человѣка, который бы зналъ мѣстность и средства каждаго помѣстья, и умѣлъ распредѣлить такъ называемую реквизицію (контрибуцію провіантомъ и фуражемъ), справедливо, безъ излишняго отягощенія жителей и сообразно состоянію каждаго помѣщика. Для этого Ферзенъ вытребовалъ отца моего въ Нѣсвижъ, и весьма былъ огорченъ случившимся съ нимъ несчастіемъ, которое замедляло предположенное учрежденіе Временной Провіантской Коммиссіи.

Лишь только язвенная горячка (Wundfieber) у отца моего миновалась, Графъ Ферзенъ навѣстилъ его, присылая прежде ежедневно адъютанта, освѣдомляться о его здоровьѣ. Въ эту самую пору у

отца моего былъ докторъ, и потому матушка приняла Графа въ гостиной, и, по Польскому обычаю, представила ему все наше семейство. Графъ Ферзенъ, послѣ первыхъ вѣжливостей, сказалъ матушкѣ, что она, будучи матерью Русскаго воина (*), какъ Русская, имѣетъ полное право на покровительство Русскаго Правительства, и просилъ ее, чтобъ она избрала его въ предстатели предъ трономъ Великой Монархини. Матушка; разумѣется, приняла это за комплиментъ, однакожъ все наше семейство было обворожено ласковостью, хорошимъ тономъ и добродушіемъ Графа Ферзена. Замѣтивъ привязанность матушки ко мнѣ, державшей меня на колѣняхъ, Графъ Ферзенъ обратился ко мнѣ, а матушка велѣла мнѣ подойти къ Графу и привѣтствовать его. Графъ поцѣловалъ меня въ лобъ, и обѣщалъ принесть конфектовъ и

(*) См. приложеніе 7-е въ концѣ 1-й части.

игрушекъ. Я столько наслышался въ домѣ нашемъ о Графѣ Ферзенѣ, о Костюшкѣ (котораго обожали въ нашемъ семействѣ), что съ недовѣрчивостью слушалъ Графа и съ величайшимъ любопытствомъ разсматривалъ его. Графъ Ферзенъ былъ уже старъ лѣтъ шестьдесяти, но по лицу казался еще старѣе. Онъ былъ сухощавый, весь въ морщинахъ и согнутый; щурилъ глаза и закрывалъ ихъ рукою отъ свѣта. Особенно помню, что онъ весьма бѣло былъ напудренъ, и имѣлъ трость съ набалдашникомъ, осыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Посидѣвъ съ дамами съ полчаса, Графъ пошелъ въ комнату отца, гдѣ пробылъ долго, и съ другаго же дня, въ спальнѣ отца моего началъ собираться ежедневно комитетъ, составленный изъ нѣсколькихъ помѣщиковъ и Русскихъ штабъ-офицеровъ, для учрежденія земской полиціи и установленія правильнаго продовольствія войска.

Графъ Ферзенъ занималъ весь замокъ или дворецъ (pałac) Князя Радзивила, властителя Нѣсвижа, жилъ роскошно, по-царски, разумѣется, по тогдашнему обычаю, на счетъ города и помѣщика, который былъ за границею. Вся оставшаяся въ домѣ прислуга княжеская и все, что оставалось въ цѣлости — домашніе снаряды, сервизы, лошади и экипажи, находились въ распоряженіи Графа Ферзена. Дня чрезъ два послѣ своего посѣщенія, Графъ Ферзенъ снова пріѣхалъ къ намъ, просить матушку съ сестрами на вечеръ: на концертъ, балъ и ужинъ. Матушка отговаривалась всячески, и наконецъ должна была обѣщать, что будетъ, если какія особенныя обстоятельства не помѣшаютъ.

Послѣ узналъ я причину, по которой матушка не хотѣла ѣхать на вечеръ къ такому важному человѣку. Графъ Ферзенъ, не взирая на преклонныя свои лѣ-

та и хилость, былъ страстнымъ обожателемъ прекраснаго пола, и имѣлъ при себѣ трехъ юныхъ собесѣдницъ. Полекъ. Тогда былъ иной вѣкъ, и Русскіе вельможи, а за ними и ихъ подчиненные, не скрывали того, что въ наше время, если и дѣлается, то лишь тайно и съ нѣкоторыми приличіями. Русская знать все еще жила въ вѣкѣ Лудовика XV. Всѣ богатые и достаточные люди въ Россіи держали явно любовницъ, хвастали ими, какъ нынѣ хвастаютъ мебелью или лошадьми, и никто не обращалъ на это вниманія. Нѣкоторые богачи, поселившись въ деревнѣ, имѣли цѣлые хоры пѣвицъ, танцовщицъ или цѣлый заводъ кружевницъ, и все это было въ порядкѣ вещей. Въ Польшѣ, гдѣ все дворянство, исключая должностныхъ при Дворѣ, проживало большую часть года въ своихъ помѣстьяхъ, въ семейномъ кругу, между родными, соблюдалось болѣе при-

личій въ этомъ отношеніи. Любовныя интриги хотя и существовали, но тайно и благопристойнѣе, и не взирая на вольное обращеніе между полами, никто не дерзалъ похвастать тѣмъ, что имѣетъ любовницу. Женщина подозрительнаго поведенія не смѣла даже показаться въ люди.—Русскіе офицеры, *особенно пожилые*, вели себя непринужденно, разобрали по рукамъ всѣхъ хорошенькихъ служанокъ изъ шляхтянокъ, всѣхъ пригожихъ дочерей экономовъ и даже женъ многихъ шляхтичей, словомъ всѣхъ легкомысленныхъ дѣвушекъ и женщинъ, получившихъ нѣкоторую наружную образованность въ господскихъ домахъ, и умѣвшихъ искусно подражать всѣмъ манерамъ своихъ прежнихъ барынь и барышень, и жили съ ними явно, какъ съ женами. Надобно сознаться, что Польки соблазнительны! Одинъ Польскій поэтъ сравниваетъ ихъ, по граціозности, съ *мо-*

лодыми кошечками! Польки ловки, любезны, кокетки отъ природы, и умѣютъ принимать на себя всѣ оттѣнки различныхъ характеровъ, сообразно нраву того, кому хотятъ нравиться. Трудно противостать ихъ искушенію, въ чемъ сознался и великій Суворовъ! Въ противоположность этому, женская ловкость, развязность и любезность сосредоточивались тогда въ Россіи только въ высшемъ обществѣ, а въ обыкновенномъ дворянскомъ кругу женщины были манерны, застѣнчивы, неловки и старались казаться въ высшей степени чинными и степенными. Приманка въ Польшѣ была слишкомъ велика, и покорители Польши щедро вознаграждали себя за понесенные труды и за скуку съ Русскими женщинами, и жили въ Польшѣ, какъ въ Магометовомъ раю, съ тою разницею, что въ Польско-Магометовомъ раю было сверхъ всѣхъ благъ — венгерское вино!

Многія любовницы совершенно овладѣли своими обожателями, и они, повинуясь ихъ волѣ, вводили своихъ любовницъ въ порядочный кругъ, возили на балы, приглашали къ себѣ гостей, словомъ, ввели ихъ во всѣ права законныхъ женъ. Пока кипѣла война и каждый вооруженный человѣкъ былъ страшенъ, тогда все терпѣли и даже искали покровительства любовницъ; но когда громы войны замолкли и Императрица Екатерина II рѣшила присоединить къ Россіи Литву, то съ мирными и покорными жителями велѣла поступать снисходительно и ласково — и они ободрились. Къ тому же, многіе Поляки уже находились при Дворѣ Россійскомъ, и обѣщали землякамъ своимъ защиту и покровительство. И такъ, хотя страхъ Русскаго имени еще не исчезъ вовсе въ Польшѣ, но уже значительнѣйшіе изъ жителей заняли прежнія мѣста свои въ обществѣ и не покорялись слѣпо волѣ каж-

даго, носившаго Русскій мундиръ. Многія дамы не ѣздили даже въ церковь, чтобъ не встрѣчаться съ Русскими собесѣдницами, щеголявшими нарядами и экипажами. Эти собесѣдницы Русскихъ воиновъ приводили въ соблазнъ своею роскошью, и не появлялись въ люди иначе, какъ осыпанныя алмазами и жемчугомъ. И такъ, матушка моя боялась унизиться, или, какъ говорится, скомпрометироваться, попавъ въ общество этихъ собесѣдницъ, тѣмъ болѣе, что слышно было, будто и наша панна Клара разъѣзжаетъ по городу въ богатомъ экипажѣ какого-то маіора. Матушка созналась въ этомъ доктору, лечившему отца моего, а какъ этотъ докторъ, землякъ Графа Ферзена, былъ съ нимъ фамиліяренъ и пересказалъ ему справедливыя опасенія матушки, то Графъ Ферзенъ былъ такъ деликатенъ, что въ тотъ же день прислалъ матушкѣ списокъ всѣхъ званыхъ гостей. Разумѣется, что

матушка послѣ этого поѣхала съ сестрами на вечеръ, на которомъ младшая сестра, Антонина, пріобрѣла общія похвалы за отличное свое пѣніе и ловкость въ танцахъ.

Поляки, подобно Богемцамъ, народъ музыкальный — и Богемцы потому только превосходятъ въ музыкѣ всѣ Славянскія племена, что имѣютъ въ Прагѣ консерваторію, распространяющую вкусъ и образующую учителей. Въ Польшѣ также въ каждомъ шляхетскомъ домѣ занимаются музыкою. Почти каждая бѣдная шляхтяночка играла, въ то время, на Польской гитарѣ (съ семью желѣзными струнами), и во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ всѣ дамы играли на фортепіанѣ, на арфѣ и даже на гусляхъ, которыя тогда были въ большомъ употребленіи. Всѣ Польки учились пѣнію въ женскихъ монастыряхъ. Младшая сестра моя, Антонина, была одарена необыкновеннымъ та-

лантомъ къ музыкѣ, имѣла прелестный голосъ, пѣла съ удивительнымъ чувствомъ и выраженіемъ, и играла отлично на фортепіанѣ, на арфѣ, на гитарѣ и на гусляхъ. Старшая сестра, Елисавета, воспитанная, какъ и младшая, по тогдашнему обыкновенію, въ монастырѣ Сестеръ Бенедиктинокъ, въ Минскѣ, гдѣ наша родственница была настоятельницею, Елисавета, по странному вкусу, избрала для себя кларнетъ, и играла на немъ очень хорошо, участвовавъ прежде въ монастырскомъ музыкальномъ хорѣ. — Домъ нашъ сдѣлался мѣстомъ собраній всѣхъ Русскихъ офицеровъ и всѣхъ семействъ, съѣхавшихся въ Нѣсвижъ, для избѣжанія опасностей отъ мародеровъ, и почти каждый вечеръ у насъ занимались музыкою и танцами, и играли въ карты. Страшно вспомнить объ этой игрѣ! Червонцы ставили на карту не счетомъ, а *мѣрою*—стаканами! Въ офицерскихъ квар-

тирахъ, какъ разсказывалъ отецъ мой, играли также на вещи: на жемчугъ, алмазы, серебряную и золотую посуду, часы, перстни, серьги, драгоцѣнное оружіе и конскую збрую. Шайки Варшавскихъ и Виленскихъ шулеровъ разъѣзжали изъ одного штаба Русскихъ войскъ въ другой штабъ, и прибирали къ рукамъ добычу. Многіе игроки сдѣлались богачами, хотя и съ переломанными костями, безъ глаза или безъ зубовъ; нѣкоторые лишились жизни за карточнымъ столомъ. Тогда на все смотрѣли сквозь пальцы! Благоразумнѣе всѣхъ поступали Русскіе офицеры изъ Нѣмцевъ: они отправили свои сокровища домой, потомъ накупили мызъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, и вошедъ бѣдняками въ службу, оставили дѣтямъ богатое наслѣдство. Большая часть Русскихъ, что нажили въ Польшѣ, то въ ней и прожили. Славянская кровь! Почти то же было и съ Поляками въ Россіи, во

время Самозванцевъ, съ тою разницею, что Поляки проигрывали своимъ и чужеплеменникамъ.

Графъ Ферзенъ былъ ежедневнымъ нашимъ гостемъ, и полюбилъ искренно наше семейство. Я былъ его любимцемъ, ходилъ къ нему почти каждое утро завтракать, бѣгалъ по комнатамъ, игралъ съ его попугаями, моськами и съ его оружіемъ, и весьма часто оставался обѣдать. Въ шутку называлъ онъ меня своимъ полуадъютантомъ, и посылалъ чрезъ меня бумаги къ моему отцу. И онъ самъ, и собесѣдницы его, и адъютанты и даже прислуга, забавлялись мною, потому что я былъ рѣзвъ, смѣлъ, всегда веселъ, разговорчивъ, и заставлялъ ихъ часто хохотать моими дѣтскими рѣчами и простодушіемъ. Однажды, когда Графъ Ферзенъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, а я дразнилъ его попугая, грозя ему маленькимъ ятаганомъ, который

былъ у меня въ рукахъ, Графъ спросилъ: «Что ты хочешь, чтобъ я подарилъ тебѣ: попугая или эту саблю?»—Попугай мнѣ чрезвычайно нравился, но я, взглянувъ на него и на ятаганъ, сказалъ: «Дай саблю!» — «Зачѣмъ тебѣ она?» примолвилъ Графъ. — «Бить всѣхъ, кого дядя Костюшко прикажетъ!» отвѣчалъ я. Разумѣется, что я говорилъ точно такъ, какъ попугай, съ которымъ я игралъ, т. е. повторялъ то, чего наслушался дома, а въ то время только и толковъ было, что о безпредѣльномъ повиновеніи избранному вождю и неповиновеніи Королю. —«А развѣ ты не знаешь, что у тебя есть Король, и что ты долженъ слушать его, а не Костюшку?» примолвилъ Графъ. Я отвѣчалъ затверженною мною и тогда общею поговоркою: «Король Понятовскій, дуракъ по Божьей милости» (Król Poniatowski, kiep z łaski Boskiey) (*). Ферзенъ

(*) Я слышалъ, будто знаменитый Князь Карлъ

и всѣ присутствовавшіе расхохотались, и Графъ сказалъ: «Возьми же эту саблю, я дарю тебѣ ее, а попугая отнеси отъ меня матушкѣ.» Я бросился къ Графу, вспрыгнулъ къ нему на колѣни, сталъ обнимать и цѣловать, замарался весь пудрой, и сказалъ: «Тебя не убью, хоть бы дядя Костюшко велѣлъ!»—«Спасибо, очень благодаренъ», отвѣчалъ Графъ, смѣясь. Я тотчасъ попросился домой, чтобъ похвастать моею саблею, и пробѣгая рядъ комнатъ въ переднюю, не могъ удержаться, чтобъ не хватить саблей по лбу мраморнаго сатира, который стоялъ въ нишѣ, въ карикатурномъ положеніи, высунувъ языкъ. Со мною былъ мой дядька, кото-

---

Радзивилъ велѣлъ вычеканить нѣсколько сотъ червонцевъ съ изображеніемъ короля и этою надписью, и что эта монета была въ обращеніи въ Варшавѣ. Примѣръ разладицы и неустройства! Могло ли существовать государство при такомъ своеволіи!

рый разсказалъ матушкѣ все происшедшее, и она чрезвычайно испугалась, чтобъ Графъ Ферзенъ не заключилъ изъ словъ моихъ о непріязненныхъ чувствахъ нашего семейства къ настоящему порядку дѣлъ. Лакей Графа принесъ, въ слѣдъ за мною, попугая, а вечеромъ пріѣхалъ и самъ Графъ, и когда матушка начала объясняться на счетъ моихъ рѣчей, Графъ Ферзенъ, какъ она мнѣ послѣ сказывала, возразилъ: «Я самъ на вашемъ мѣстѣ думалъ бы точно такъ же. Неужели вы почитаете наше Правительство столь неблагоразумнымъ, чтобъ оно послѣ всего, что здѣсь случилось, требовало отъ васъ *внезапной* любви и вѣрности? Наша Великая Монархиня *созидаетъ дѣла вѣковыя*, и что вѣками было расторгнуто, то вѣками и соединится. Здѣсь была нѣкогда Русь — и будетъ со временемъ! Мы требуемъ только, чтобъ вы были спокойны и не порывались на невозможное, для соб-

ственнаго вашего блага. Есть Руская пословица: сила и солому ломитъ — не забывайте ее, а мы перестанемъ говорить объ этомъ.» Такъ думалъ, и, сообразно съ своими правилами, такъ поступалъ Графъ Ферзенъ; но, по несчастію, были и такіе, которые думали и поступали иначе, или не понимая видовъ Правительства Русскаго, или не исполняя ихъ изъ собственныхъ выгодъ.

Отецъ мой совершенно выздоровѣлъ, и хотя еще подпирался тростью, но выѣзжалъ со двора. Однажды, когда все семейство наше было отозвано куда-то на вечеръ, а я уже спалъ, вдругъ какой-то ужасный ревъ разбудилъ меня. Комната моя была освѣщена внѣшнимъ блескомъ. Няньки не было въ спальнѣ; я вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну, взглянулъ — и вся кровь во мнѣ застыла. Вижу, что во всю длину улицы тянутся какія-то страшилища, въ бѣлой и черной

длинной одеждѣ, по два въ рядъ съ факелами, и ревутъ во все горло, а по срединѣ, между множествомъ знаменъ, толпа этихъ же чудовищъ несетъ гробъ. (*) Няньки и служанки натолковали мнѣ прежде о вѣдьмахъ, колдунахъ, чертяхъ, мертвецахъ, и т. п.; въ моемъ разгоряченномъ воображеніи представилось что-то такое ужасное, что я не могъ двинуться съ мѣста отъ страха, упалъ за-мертво, и больше ничего не помню. Когда я пришелъ въ чувства, два гайдука качали меня на простынѣ, какъ въ койкѣ, среди комнаты. «Маменька, гдѣ ты?» спросилъ я — и она бросилась ко мнѣ со слезами и прижала къ сердцу. — «Дай мнѣ ѣсть, я голоденъ!» Матушка чуть держалась на ногахъ отъ радости. Тотчасъ послали за докторомъ и за отцемъ, котораго призвалъ къ себѣ по дѣламъ Графъ Фер-

(*) Это были похороны Настоятеля католическаго монастыря.

зенъ. Докторъ обрадовалъ родителей, сказавъ, что теперь онъ отвѣчаетъ за жизнь мою. Послѣ разсказали мнѣ, что я девять дней пролежалъ въ горячкѣ, съ бредомъ, и что всѣ лишились надежды на мое выздоровленіе. Пришедъ въ чувства, я былъ однако жъ такъ слабъ, что не только не могъ стоять на ногахъ, но и едва шевелился. Чрезъ три недѣли я съ трудомъ ходилъ по комнатѣ.

Во время моей болѣзни, Графъ Ферзенъ уѣхалъ въ Петербургъ. Лѣтомъ 1795 года началось окончательное присоединеніе бывшей Литвы, Волыніи и Подоліи къ Россіи. Генералъ-Губернаторомъ въ Литвѣ былъ Генералъ-Аншефъ Князь Репнинъ, прежній Посолъ при Польскомъ Королѣ, или правильнѣе, Правитель всей Польши; Минскимъ Губернаторомъ назначенъ былъ Генералъ-Поручикъ Тутолминъ. Главная квартира дивизіи войскъ, занимавшихъ часть Литвы, прилежащую

къ Бѣлоруссіи, переведена въ городъ Минскъ, и начальство надъ этою дивизіею поручено Генералу Денисову. Повсюду стали приводить къ присягѣ дворянство, духовенство и мѣщанъ всѣхъ исповѣданій, и въ концѣ Іюня обнародованъ Генераломъ Тутолминымъ знаменитый манифестъ Императрицы Екатерины II, подтверждающій всѣ права и привилегіи, которыми эти области пользовались прежде. Въ новоучрежденныхъ губерніяхъ, вмѣсто прежнихъ воеводствъ, вводили Русское управленіе, оставляя прежній порядокъ касательно избирательныхъ мѣстъ, но только въ казенныхъ мѣстахъ и по полицейской части опредѣляли Русскихъ чиновниковъ, и когда $^{13}/_{24}$ Октября, 1795 года, между тремя Державами рѣшено было раздѣлить между собою бывшую Польшу — въ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, уже введено было новое устройство и

принесена присяга, хотя Король Польскій, проживавшій въ Гроднѣ, подписалъ актъ отрѣченія отъ престола только $^{13}/_{28}$ Ноября того же года. При введеніи новаго порядка вещей, обязанности отца моего по званію Военно-Гражданскаго Коммиссара кончились: онъ отправился въ Минскъ, для сдачи отчетовъ Генералу Тутолмину, а семейство наше возвратилось въ деревню.

III.

Характеристическій очеркъ последней эпохи древней Польши. — Іезуиты. — Шляхетскіе анекдоты. — Попытки Спартанскаго воспитанія.

Не желаю никого оскорбить въ моихъ воспоминаніяхъ, особенно не намѣренъ задѣвать народнаго самолюбія; но надобно быть болѣе нежели несправедливымъ, надобно быть лжецомъ, чтобъ не сознаться въ томъ, что въ теченіе всего XVIII вѣка, когда всѣ Европейскія Государства возвышались и совершенствовались, Польша безпрерывно склонялась къ упадку, т. е лежала на смертномъ

одрѣ и въ пароксисмахъ ожидала смерти. Если никто не рѣшился взять Польшу, то единственно изъ уваженія къ памяти Вестфальскаго мира, обезпечившаго равновѣсіе въ Европѣ, и изъ опасенія общаго замѣшательства въ Европѣ, какъ то было въ Семилѣтнюю Войну. Нельзя раскрыть Исторію безъ сожалѣнія и негодованія. Въ XVI вѣкѣ Польша занимала одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ Христіанскомъ мірѣ, славилась учеными мужами и воинами, и на свои земныя произведенія вымѣнивая всѣ условныя сокровища, имѣла даже запасы драгоцѣнныхъ металловъ и дорогихъ каменьевъ. При вступленіи на престолъ Сигизмунда III, Польша имѣла 16,000,000 жителей, на обширномъ пространствѣ между Балтійскимъ и Чернымъ Морями, Двиною и Одеромъ. Въ XVI вѣкѣ во всей Европѣ было весьма мало регулярнаго войска, и силу государства составляло везлѣ зем-

ское ополченіе, т. е. дворяне съ своими вассалами и горожане, вооружавшіеся на время войны. Въ Польшѣ, до избирательныхъ Королей, пѣхота была наемная изъ Нѣмцевъ, Венгровъ и Шотландцевъ, а всю силу составляла конница изъ шляхты, или *общее возстаніе* (pospolite ruszenie). При Владиславѣ II, противу Ливонскихъ рыцарей 150,000 шляхты сѣло на конь; при сынѣ его, Казимирѣ, 60,000 вооружились при первомъ воззваніи къ защитѣ отечества, а при Іоаннѣ Албрехтѣ выступило въ поле 80,000 конной шляхты. Но когда всѣ государства, удостовѣрясь въ важности пѣхоты и въ необходимости содержать постоянное войско, устроили регулярныя арміи, воздвигли крѣпости, завелись артиллеріею, въ Польшѣ все оставалось по старому. Говорили много на сеймахъ и говорили хорошо, составляли умные проекты — по-напрасну, и наконецъ, едва дошли до

того, что устроили 12,000 регулярнаго войска и артиллерію! Во всемъ государствѣ не было ни одной порядочной крѣпости! Безъ денегъ самый мудрый Король не могъ ничего предпринять къ благосостоянію государства, а подати зависѣли отъ сеймовъ, на которыхъ послы (т. е. депутаты) тогда только были согласны между собою, когда надлежало произнесть veto (не позволяю) противу предложенія о податяхъ. При бѣдности государственной казны, Короли были рады, что богатое духовенство, владѣя огромными помѣстьями, приняло на себя воспитаніе юношества; но когда съ восшествіемъ на престолъ Сигизмунда III, Іезуиты овладѣли почти исключительно воспитаніемъ, прежній свѣтъ въ Польшѣ померкъ, и насталъ мракъ, въ которомъ большая часть шляхты уже не видѣла прямыхъ выгодъ государства. Іезуиты систематически истребляли истинное

просвѣщеніе, и помрачали даже здравый разсудокъ, на основаніи правила Омара, сжегшаго Александрійскую библіотеку! Они держали въ своихъ школахъ людей отъ юношескаго до зрѣлаго возраста, шпигуя ихъ память Латынью и отягчая умъ ложными понятіями о наукахъ, искажая истину, когда она не согласовалась съ ученіемъ Римской Церкви, и только тѣхъ изъ учениковъ допускали въ святилище наукъ, которые соглашались вступить въ ихъ братство. Основаніемъ Іезуитскаго воспитанія былъ самый иступленный религіозный фанатисмъ, безусловная преданность Папской власти, интолеранція (нетерпимость другихъ исповѣданій) и пропаганда, т. е. распространеніе Католицисма. Іезуиты и ихъ достойные воспитанники ненавидѣли всѣхъ Христіанъ не Римско-Католической Вѣры и не признающихъ Папы главою Церкви, и почитали ихъ ниже Мусульманъ.

Евреевъ и даже идолопоклонниковъ. Изъ этого ученія, глубоко укорененнаго въ сердцахъ, возстала Унія, лишившая Польшу главной ея подпоры — Малороссіи, и произошло отчужденіе всѣхъ не-Католиковъ отъ Польши. Почти вся Литва и лучшее Литовское шляхетство было Православнаго Греческаго Исповѣданія; но когда не только Православныхъ, но даже Уніятовъ отдалили отъ занятія всѣхъ важныхъ мѣстъ въ государствѣ, и стали приманивать въ Католическую Вѣру знатную Православную шляхту пожалованіемъ староствъ, ленныхъ и амфитеутическихъ имѣній, и когда въ присутственныя мѣста, въ школы и въ дворянскія дѣла вообще ввели Польскій языкъ, все Литовское шляхетство мало по малу перешло къ Католицизму. При Сигизмундѣ III и наша фамилія перешла въ Католическую Вѣру, и получила нѣсколько имѣній подъ различными титулами,

изъ коихъ одно, амфитеутическое имѣніе, Рудавка, возлѣ Свислочи (въ Гродненской Губерніи, Волковыскомъ Уѣздѣ) и понынѣ находится въ нашемъ родѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ существовать.

Итакъ, первая и главная, а лучше сказать единственная, радикальная причина упадка Польши была власть Іезуитовъ, истребившихъ истинное просвѣщеніе и укоренившихъ въ умахъ нетерпимость (intolérance). Вторая причина, слѣдствіе первой, была слабое правленіе избирательныхъ Королей (послѣ Ягеллонова рода), а особенно послѣднихъ Королей Саксонскаго Дома. Вольтеръ сказалъ въ шутку: «Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre!» Это сущая истина! Со времени Августа II, пьянство жестоко распространилось между шляхтой, и наконецъ Венгрія все свое вино продавала въ Польшѣ. За пшеницу, ленъ и пеньку, продаваемые въ Данцигѣ, Ригѣ и Меме-

лѣ, помѣщики покупали почти исключительно пряности и крѣпкія виноградныя вина. Псовая охота, карточная игра, попойки и рыцарскія упражненія, т. е. гарцованіе на коняхъ и поединки, составляли обыкновенное препровожденіе времени. Дворянскіе выборы въ должности (Сеймики) и въ послы, т. е. депутаты на Сеймы, и безпрерывные и безконечные процесы были единственнымъ важнымъ занятіемъ шляхты. Впрочемъ, страсть къ процесамъ происходила вовсе не отъ любостяжанія; процесы всегда почти раждались или изъ ложнаго честолюбія, или въ слѣдствіе личной ссоры. Хоть бы лишиться послѣдняго куска хлѣба, лишь бы поставить на своемъ! Кромѣ того, процесы замѣняли театръ и литературу въ провинціяхъ. Рѣчи адвокатовъ (голоса, głosy), такъ называемые манифесты, т. е. изложеніе претензій, печатались и разсылаемы были ко всѣмъ пріятелямъ. Су-

допроизводство было открытое, и привлекало въ запутанныхъ дѣлахъ, или когда тягались значительные люди, множество слушателей въ суды. Сами тяжущіеся говорили иногда рѣчи, и это занимало умы и убивало время. На выборы свозили десятками мелкую шляхту (потому что каждый шляхтичъ имѣлъ право избирать и быть избираемымъ), кормили и поили ихъ на убой, и въ случаѣ спора заставляли драться между собою. Рѣдкій шляхтичъ не имѣлъ рубцевъ на щекахъ и на головѣ. Искатели мѣстъ старались блеснуть краснорѣчіемъ, роскошью и щедростью, разорялись на пустякахъ. Приговоры суда, по процесамъ, рѣдко исполнялись безъ употребленія силы со стороны выигравшаго процесъ, и если проигравшій тяжбу защищался, тогда происходила формальная война. Иногда случалось, что по самымъ пустымъ притязаніямъ, богатый панъ, со-

бравъ пьяную шляхту, выгонялъ изъ имѣнія бѣднаго или смирнаго помѣщика, и потомъ начиналъ процесъ. Это изгнаніе называлось *заѣздомъ* (zaiazd), и случалось весьма часто. Законныя власти не въ силахъ были ни предупредить зла, ни удержать его, когда непослушный принадлежалъ къ могущественной партіи или фамиліи. Однимъ словомъ, законы въ Польшѣ были безсильны, и отъ безчисленныхъ процесовъ богатѣли одни адвокаты. Правда, во всей Польшѣ не слышно было о *взяткахъ*, и въ Польскомъ языкѣ даже нѣтъ настоящаго слова для выраженія *лихоимства*; но весьма часто случалось, что судьи судили несправедливо изъ страха, по духу партій, ради покровительства вельможъ, что выходило на одно и то же. И что значило государство безъ просвѣщенія, безъ государственной казны, безъ полиціи (въ Польшѣ никогда не допускали учрежде-

нія ея), безъ силы законовъ, безъ войска, безъ всякой промышлености? Государство, омраченное фанатисмомъ, разстроенное во всѣхъ своихъ частяхъ своеволіемъ шляхты, деспотисмомъ вельможъ и самымъ тяжкимъ рабствомъ земледѣльцевъ! Страшно подумать! Послѣдній Король, Станиславъ Августъ (Понятовскій), былъ человѣкъ умный, любезный, добродушный, даже ученый, страстный любитель литературы и художествъ, но слабаго характера – нерѣшительный и несмѣлый; нравственно онъ былъ, однакожъ, полезенъ своему несчастному отечеству. Не имѣя средствъ истребить зла, онъ, по крайней мѣрѣ, употребилъ все отъ него зависящее, чтобъ положить основаніе добру. Онъ далъ другое, сообразное съ вѣкомъ, направленіе воспитанію юношества въ Варшавскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, и имѣлъ усердпаго помощника въ аббатѣ Конарскомъ (монашескаго ордена

Піяровъ). Піярскія школы противодѣйствовали Іезуитскому воспитанію. Князь Чарторійскій (дядя Короля), основалъ учебныя заведенія въ имѣніи своемъ, Пулавахъ, для шляхты обоихъ половъ, и изъ этихъ-то школъ вышли всѣ достойные люди послѣдняго времени Польши. Литература воскресла; художества ожили; но это были только блистательныя звѣзды на мрачномъ горизонтѣ. Въ Варшавѣ и Вильнѣ была утонченность Парижа, а въ провинціяхъ, особенно въ Литвѣ и на Украйнѣ, господствовали фанатисмъ среднихъ вѣковъ, своеволіе степей Аравійскихъ и пьянство и прожорливость дикарей Америки. Тутъ было въ полномъ смыслѣ: кто кого смога, тотъ того въ рога!

Отецъ мой былъ весьма далекъ фанатисма, напротивъ, былъ сильнымъ приверженцемъ вѣротерпимости и всѣхъ нововведеній. Онъ былъ воспитанъ просвѣ-

щеннымъ католическимъ аббатомъ, родомъ изъ древней Польской Пруссіи (Варміи), Нѣмцемъ, и любилъ философское, политическое и историческое чтеніе. Отецъ мой былъ не только уменъ, но даже остроуменъ, весельчакъ въ полномъ смыслѣ слова, чрезвычайно добродушенъ, честенъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, но имѣлъ несчастный характеръ: былъ чрезвычайно вспыльчивъ, увлекался первымъ впечатлѣніемъ, и при наружной популярности былъ чрезвычайно гордъ въ душѣ. Для удовлетворенія этой гордости онъ жертвовалъ всѣмъ, и жизнью, и имѣніемъ. Онъ готовъ былъ обниматься и сидѣть рядомъ съ самымъ убогимъ шляхтичемъ, который подчинялся его волѣ, но за одинъ косой взглядъ равнаго или почитавшаго себя высшимъ, за одно слово, которое казалось ему оскорбительнымъ, вызывалъ на дуэль или мстилъ явнымъ оскорбленіемъ. Онъ былъ, какъ нынѣ гово-

рятъ, человѣкъ эксцентрическій, и поступалъ во всемъ не такъ, какъ другіе. Этотъ пагубный характеръ навязывалъ ему безпрестанно хлопоты и безпокойства, и былъ причиною его собственнаго несчастія, а отчасти и всего семейства. Щедрость его не имѣла предѣловъ: онъ дарилъ все, что нравилось его друзьямъ, и при деньгахъ сыпалъ ими безъ всякой нужды, какъ будто обладалъ неисчерпаемыми сокровищами! Роста онъ былъ высокаго, сложенія крѣпкаго, силы необыкновенной, но по лицу, какъ говорятъ всѣ знавшіе его, я живой его портретъ. Разскажу о немъ нѣсколько анекдотовъ, которые въ нынѣшнее время покажутся невѣроятными, и вмѣстѣ послужатъ характеристикой тогдашней шляхты.

Отецъ мой остался малолѣтнымъ сиротою послѣ смерти родителей, съ весьма хорошимъ состояніемъ, и опекунами

его были родной дядя и знаменитый Князь Карлъ Радзивилъ — оригиналъ, какихъ мало было на свѣтѣ, но самый добрый и благородный человѣкъ, прозванный по любимой своей поговоркѣ: *пане коханку* (panie kochanku, по-Русски почти то же что *любезнѣйшій*). Это слово повторялъ онъ безпрестанно, говоря и съ дамами, и съ Королемъ, и съ своимъ лакеемъ, и съ жидомъ! Отецъ мой, пріѣхавъ по дѣламъ своимъ въ Слуцкъ, принадлежавшій Князю Радзивилу, встрѣтилъ на улицѣ богатаго жида, содержавшаго въ городѣ винный откупъ (т. е. всѣ корчмы), торговавшаго притомъ виноградными винами, и пользовавшагося особенною милостью Князя. Жидъ этотъ хотя зналъ хорошо отца моего, но избалованный фамиліярностью другихъ помѣщиковъ, прошелъ мило, не поклонившись. Отецъ мой, вспыхнувъ, закричалъ: «Долой шапку, жидъ!» и бросился къ не-

му; но жидъ, отвѣтя грубо, скрылся въ толпѣ Радзивиловскихъ слугъ, и заперся въ домѣ. Отецъ мой велѣлъ немедленно запрячь своихъ лошадей, и поѣхалъ прямо въ Нѣсвижъ, къ Князю, который весьма любилъ его. Онъ пробылъ у него нѣсколько дней, и своими остротами и шутками привелъ Князя, большаго охотника до фарсовъ, въ самое веселое расположеніе духа. Между ими было состязаніе въ этомъ отношеніи, что весьма нравилось старому Князю. На третій день, передъ отъѣздомъ, отецъ мой сказалъ, что Князь можетъ оказать ему большую милость, но онъ не смѣетъ просить его. «Скажи, чего хочешь, я все для тебя сдѣлаю», отвѣчалъ Князь. — «Отдайте мнѣ въ аренду вашъ фольварокъ (маленькую мызу или усадьбу) въ полумилѣ отъ Слуцка,» сказалъ отецъ мой. - «Зачѣмъ тебѣ эта мелочь? Я бы и подарилъ тебѣ, еслибъ этотъ фольварокъ лежалъ на моей

границѣ, а не въ срединѣ моихъ помѣстьевъ!»—«Я началъ торговать Украинскими волами», отвѣчалъ отецъ мой (а это была выдумка), «и мнѣ нужно мѣсто подъ городомъ, для сгона разныхъ партій.» Князь расхохотался, зная, что отецъ мой вовсе неспособенъ къ торговымъ дѣламъ. «Теперь не стану ѣсть другаго мяса, какъ твоихъ воловъ,» примолвилъ Князь шутя: «однако, боюсь, что ты заставишь меня долго поститься!» Въ шуткахъ и прибауткахъ Князь подписалъ арендный контрактъ, и отецъ мой поскакалъ въ Слуцкъ, взялъ немедленно въ свое управленіе фольварокъ, поставилъ своего управителя, купилъ бочекъ сто водки, и велѣлъ продавать вполовину дешевле, чѣмъ продавали въ Слуцкѣ. Всѣ горожане стали, разумѣется, покупать водку на фольваркѣ, и въ корчмахъ продажа остановилась. Жидъ - откупщикъ былъ въ отчаяніи, но дѣлать было нече-

го, ибо отецъ мой, по Польскимъ законамъ, имѣлъ полное право продавать вино въ своемъ имѣніи, по какой угодно цѣнѣ. Чрезъ нѣсколько дней отецъ мой нарочно пріѣхалъ въ Слуцкъ, и жидъ-откупщикъ, въ сопровожденіи княжескаго управителя и почетнѣйшихъ гражданъ явился къ отцу моему съ повинною, и просилъ прощенія въ неумышленномъ оскорбленіи. Отецъ мой принялъ богатаго жида хладнокровно, безъ воспоминанія о прошломъ, не изъявляя ни малѣйшихъ признаковъ гнѣва. Тогда богатый жидъ завелъ рѣчь о дѣлѣ. «Зачѣмъ вамъ, такому пану, держать фольварокъ? Уступите мнѣ аренду, я вамъ дамъ *вдвое.*» — «Теперь не время объ этомъ толковать,» отвѣчалъ отецъ мой: «пріѣзжай ко мнѣ завтра, въ полдень, на фольварокъ, тамъ кончимъ дѣло. Я даю тебѣ слово, что уступлю аренду по моей цѣнѣ: я не хочу барышей, и мнѣ эта

шутка уже наскучила.» Жидъ обрадовался, и на другой день явился въ назначенный часъ. Контрактъ уже былъ готовъ, и оба они тотчасъ подписали его. Но отецъ мой не передалъ княжескаго контракта, а отдалъ имѣніе въ аренду отъ *своего имени*. Когда дѣло кончилось, отецъ мой хлопнулъ въ ладоши — и явились шесть дюжихъ парней. «Бери его!» закричалъ отецъ, и слуги схватили жида, растянули и влѣпили двѣсти ударовъ кожаными постромками. Жидъ едва остался живъ. Его положили замертво въ бричку, сунули контрактъ за пазуху, и отецъ мой сказалъ ему, что это только *первый* урокъ вѣжливости, а за другимъ и третьимъ уроками дѣла не станетъ, если жидъ отъ перваго урока *не исправится*. Лишь только въ Слуцкѣ разнеслась вѣсть объ этомъ поступкѣ моего отца, весь жидовскій кагалъ поскакалъ въ Нѣсвижъ, къ Князю, съ жалобою.

Князь ужасно разсердился, и клялся примѣрно отмстить моему отцу за самоуправство въ его владѣніяхъ, и послалъ къ нему нарочнаго съ приглашеніемъ въ Нѣсвижъ. Друзья умоляли отца не ѣздить къ Князю, пока гнѣвъ его не утихнетъ, и совѣтовали немедленно отправиться въ Варшаву и искать покровительства у Короля; но отецъ мой, не слушая никого, вооружился съ головы до ногъ, поѣхалъ немедленно въ Нѣсвижъ, и явился къ Князю въ пріемный часъ, при множествѣ посѣтителей. Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ и страхомъ на моего отца, предполагая, что эта исторія должна дурно кончиться. Князь, вышедъ въ пріемную залу, окинулъ взоромъ собраніе, и увидѣвъ отца моего, раскраснѣлся отъ гнѣва, и прямо пошелъ къ нему. — «Какъ вы, сударь, смѣли бить моего арендатора? воскликнулъ Князь: я пойду съ сумою по міру, но не допущу, чтобъ кто

нибудь дерзнулъ оскорблять меня такъ нагло. Или вамъ жить или мнѣ, или вамъ гнить въ тюрьмѣ или мнѣ!... Я вамъ покажу, что я значу!...» Князь отъ гнѣва не могъ болѣе говорить и запыхался, а отецъ мой прехладнокровно отвѣчалъ: «Прошу только меня выслушать, а тамъ дѣлайте что угодно! Не только я не осмѣлился бы никогда прикоснуться пальцемъ къ *вашему* арендатору, но если бъ даже кто другой тронулъ его, то я, какъ вѣрный и усердный вашъ приверженецъ, вступился бы за него, не жалѣя собственной жизни!...» — «И такъ вы не били моего арендатора?» спросилъ Князь, нѣсколько успокоившись. - «Нѣтъ, не билъ *вашего* арендатора,» возразилъ мой отецъ: «я билъ *моего* арендатора, потому что выпустилъ Мовшѣ въ аренду *мою поссесію* (т. е. временную собственность), въ чемъ удостовѣритъ васъ вотъ этотъ контрактъ, и билъ притомъ *моего* арен-

датора по принадлежащей *мнѣ* половинѣ его тѣла, а не по *вашей* половинѣ, которой я вовсе не тронулъ.» — Князь отступилъ три шага, смотрѣлъ пристально на моего отца, и требовалъ истолкованія загадки. Отецъ объяснилъ дѣло. — «Неужели все это правда, что ты говоришь?» спросилъ Князь. — «Жидъ здѣсь, прикажите справиться,» отвѣчалъ отецъ мой. Послали разспросить жида, и посланецъ объявилъ, что жидъ точно получилъ двѣсти ударовъ по одной половинѣ тѣла. Эта плохая шутка чрезвычайно понравилась Князю; онъ расхохотался и держался за бока, расхаживая по комнатѣ. Разумѣется, что и всѣ захохотали — и вмѣсто предполагаемой трагедіи, вышла комедія. — «Ахъ, ты проказникъ!» сказалъ Князь: «на тебя и сердиться нельзя; но въ наказаніе ты долженъ пробыть у меня цѣлую недѣлю въ Нѣсвижѣ. А что твои волы?» примолвилъ Князь. — «Вмѣ-

стѣ со мною такъ испугались вашего гнѣва, что отъ страха разбѣжались!» отвѣчалъ мой отецъ. — «А вмѣсто воловъ, ты поѣдешь со мною завтра ловить медвѣдей.» – Отецъ мой пробылъ у Князя не одну, а двѣ недѣли, получилъ въ подарокъ четыре жеребца; а чтобъ успокоить жида, Князь уступилъ ему на годъ, безвозмездно, всю аренду Слуцка, и тѣмъ кончилось дѣло. Отпуская домой моего отца, Князь взялъ однакожъ съ него слово не трогать жида.

Однажды отецъ мой ѣхалъ въ Минскъ изъ Глуска проселочною дорогою на Житинъ. День былъ знойный, и онъ, отдохнувъ въ полдень въ лѣсу, поздно пріѣхалъ на ночлегъ. Корчма была новая и съ виду обѣщала удобное пристанище, но по осмотрѣ оказалось, что въ конюшнѣ не было ни яслей, ни рѣшетокъ, и все жилье состояло изъ двухъ грязныхъ комнатъ. Корчма принадлежала помѣщику Пузи-

нѣ. — «Жидъ! что стоитъ твоему барину эта корчма?» спросилъ мой отецъ.—«Тысячу злотыхъ,» отвѣчалъ корчмарь. — «Гей! отсчитай сейчасъ тысячу злотыхъ жиду!» сказалъ отецъ своему камердинеру. Жидъ не понималъ, что это значитъ, и не хотѣлъ брать денегъ, но принужденъ былъ взять, когда отецъ мой прикрикнулъ на него. — «Прибавь еще пятьсотъ злотыхъ,» примолвилъ отецъ, обращаясь къ камердинеру, у котораго хранились ключи отъ шкатулки: «а ты, жидъ, отнеси эти деньги къ своему пану; скажи ему, чтобъ онъ выстроилъ на нихъ корчму поудобнѣе, и между тѣмъ выноси всѣ свои вещи, потому что сейчасъ не будетъ твоей корчмы. Ребята, поджигай корчму съ другаго конца!» сказалъ отецъ мой своимъ людямъ, которые, зная, что надлежало повиноваться безусловно, зажгли немедленно корчму и бросились выносить вещи жида.

Чрезъ часъ не было корчмы, и только дымились ея остатки. Отецъ мой расположился бивакомъ, и легъ спать въ коляскѣ, а жидъ побѣжалъ на господскій дворъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ. Чрезъ нѣсколько времени прискакалъ отъ пана Пузины посланецъ, съ письмомъ, въ которомъ сказано было, что онъ не принимаетъ денегъ, но намѣренъ расправиться съ отцемъ моимъ въ уголовномъ судѣ, какъ съ разбойникомъ.—«Сѣдлай коней!» закричалъ мой отецъ, и поскакалъ съ нѣсколькими удалыми стрѣльцами прямо во дворъ къ пану Пузинѣ. Всѣ уже спали въ домѣ, но отецъ мой заставилъ отпереть себѣ двери, угрожая, что зажжетъ домъ. Панъ Пузина выбѣжалъ въ шлафрокѣ, и протестовалъ противу насилія; но отецъ мой положилъ на столъ два пистолета, и сказалъ Пузинѣ, что онъ долженъ непремѣнно стрѣляться съ нимъ сію же минуту, чтобъ смыть

обиду, въ противномъ случаѣ, отецъ грозилъ застрѣлить его, какъ медвѣдя. Панъ Пузина не имѣлъ вовсе охоты стрѣляться, и зная характеръ моего отца, старался его успокоить. Прибѣжали дамы, жена и дочери пана Пузины, стали упрашивать отца моего, чтобъ онъ помирился, и отецъ мой сдался, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ панъ Пузина взялъ деньги за свою корчму, выстроилъ новую, удобную, и отказался отъ всѣхъ претензіи на моего отца. Все это немедленно написалъ и подписалъ панъ Пузина, и отецъ мой, не взирая на усильныя просьбы Пузины, чтобъ переночевать въ его домѣ, возвратился на свой бивакъ, къ экипажамъ, и отправляясь утромъ въ путь, подарилъ жиду пятьсотъ злотыхъ, въ вознагражденіе за хлопоты. Жидъ остался очень доволенъ!

Во время пребыванія отца моего въ Варшавѣ, отправился онъ однажды, на

большой лодкѣ на фейерверкъ. Въ лодкѣ было много разнаго народа, и между прочими двѣ миловидныя дѣвушки, съ пожилою женщиною. Два молодые франта, одѣтые по-Польски, начали приставать къ дѣвицамъ съ пошлыми комплиментами и наконецъ съ дерзкими насмѣшками, и до того оскорбили ихъ, что молодыя дѣвушки заплакали. Отецъ мой былъ на другомъ концѣ лодки, но услышавъ о происходящемъ, закричалъ: «Тотъ безчестенъ, кто оскорбляетъ женщину, кто бы она ни была!» — «А ты что за указъ намъ?» отвѣчалъ одинъ изъ фанфароновъ: «сиди смирно, если не хочешь выкупаться въ Вислѣ!» — Отецъ мой какъ тигръ бросился къ дерзкому молодому человѣку, недалъ ему опомниться и схвативъ одною рукою за поясъ, а другою за воротъ, перебросилъ черезъ бортъ, какъ щенку. Гребцы хотѣли помочь утопающему. — «Греби, и впередъ!» закричалъ

отецъ мой, обнаживъ саблю, и гребцы повиновались. Другаго фанфарона отецъ мой заставилъ просить прощенія, на колѣняхъ, у оскорбленныхъ имъ дамъ, угрожая также выбросить за бортъ въ случаѣ сопротивленія. Тотъ безпрекословно повиновался. По счастію, выброшенный въ воду молодой человѣкъ умѣлъ хорошо плавать. Онъ держался на водѣ нѣсколько минутъ, пока другая лодка не подоспѣла къ нему на помощь. Выброшенный въ Вислу молодой человѣкъ былъ сынъ какого-то важнаго городскаго чиновника, который подалъ на отца моего жалобу. Завязался уголовный процесъ, кончившійся, однакожъ, въ пользу моего отца, потому что онъ дѣйствовалъ для охраненія беззащитныхъ женщинъ. Иначе и судить было нельзя въ странѣ, гдѣ не было ни какой полиціи.

Бѣдный шляхтичъ пришелъ просить покровительства и защиты у моего отца,

противу богатаго еврея, жившаго въ мѣстечкѣ (кажется въ Уздѣ), принадлежавшемъ Генералу Завишѣ, сосѣду нашему въ Перышевѣ и родственнику моей матери. Этотъ богатый еврей купилъ у шляхтича пару лошадей, далъ задатокъ, и уѣхалъ на нихъ въ Вильну, а испортивъ лошадей въ дорогѣ, не хотѣлъ платить условленной суммы, и отослалъ лошадей обратно шляхтичу. Отецъ мой написалъ письмо къ Генералу Завишѣ, прося принудить жида удовлетворить шляхтича, но Завиша отвѣчалъ, что не хочетъ вовсе вмѣшиваться въ это дѣло. Мимо Перышева пролегаетъ дорога, по которой ѣздятъ на ярмарку въ какое-то другое мѣстечко. Отецъ мой велѣлъ стеречь жида, обидѣвшаго шляхтича, остановить на дорогѣ и привесть къ себѣ. Но жидъ остался дома, отпустивъ на ярмарку жену: Товаръ высланъ былъ впередъ. Жидовка ѣхала въ бричкѣ, съ дѣть-

ми и прикащикомъ своимъ. Ее остановили стрѣльцы наши на дорогѣ, и привели къ отцу моему. Она была въ жемчугахъ, въ турбанѣ изъ богатой шали, въ атласѣ и бархатѣ. — «Заплати сейчасъ шляхтичу за лошадей, если не хочешь, чтобъ тебѣ было худо,» сказалъ мой отецъ. — «Это не мое дѣло, а моего мужа,» отвѣчала жидовка. — «Хорошо, пусть же мужъ заплатитъ, а до тѣхъ поръ ты просидишь у меня въ свиномъ хлѣву!» Жидовка думала, что отецъ мой шутитъ, но бѣдную жидовку въ самомъ дѣлѣ потащили въ свиной хлѣвъ и заперли, а прикащику велѣно возвратиться къ хозяину и разсказать видѣнное, объявивъ притомъ, что жидовка до тѣхъ поръ будетъ въ этомъ мѣстѣ, пока шляхтичъ не получитъ своихъ денегъ, а жидъ не возьметъ обратно лошадей. Дѣтей жидовскихъ отецъ отослалъ въ корчму, и приказалъ содержать ихъ какъ можно лучше. Къ ночи возвра-

тился прикащикъ съ деньгами, и жидовку выпустили на волю. Вся шляхта изъ селенія (околицы) пришла благодарить моего отца, но Генералъ Завиша оскорбился, и позвалъ отца моего въ судъ. Дѣло, по аппеляціи, перешло въ Литовскій Трибуналъ, котораго маршаломъ былъ тогда двоюродный братъ отца моего, Павелъ Булгаринъ ([10]). Разумѣется, маршалъ по родству не судилъ дѣла, въ которомъ со стороны Завиши употреблены были всевозможныя искательства (по Польски forsy), чтобъ унизить гордаго противника. Завиша требовалъ не только заключенія отца моего въ тюрьму, за самоуправство, но и вознагражденія жида и издержекъ процеса, что составляло, по его счету, нѣсколько тысячъ червонцевъ. Трибуналъ имѣлъ засѣданіе въ Гроднѣ, куда съѣхалось множество любопытныхъ, чтобъ увидѣть, чѣмъ кончится эта тяжба. Туда же прибыли и депутаты изъ

шляхетскаго селенія, котораго почетный житель былъ причиною процеса. Одинъ изъ этихъ депутатовъ, одаренный отъ природы краснорѣчіемъ, произнесъ предъ Трибуналомъ рѣчь, которая тронула всѣхъ судей. Онъ изобразилъ несчастное положеніе беззащитнаго человѣка въ Польшѣ, угнетаемаго не только богатыми панами, но и жидами; исчислилъ всѣ оскорбленія и обиды, нанесенныя ихъ селенію не только Генераломъ Завишей, но и его слугами, и представилъ безкорыстный поступокъ моего отца въ самомъ блистательномъ видѣ, провозглашая его защитникомъ несчастныхъ и безсильныхъ. По краткомъ разсужденіи, судьи объявили моего отца *безвиннымъ*, и присудили Завишу заплатить ему за тяжебныя издержки три тысячи червонцевъ. Многіе изъ членовъ нашей фамиліи были тогда въ Гроднѣ, и жили всѣ въ самомъ тѣсномъ союзѣ между собою(11). Всѣ они

торжествовали побѣду своего родственника обѣдами и балами, на которыхъ Венгерское вино лилось рѣкой. Но для отца моего этого было недостаточно. Объявленіями, прибитыми къ наружнымъ стѣнамъ костеловъ и на перекресткахъ, онъ запросилъ *весь городъ* на полдникъ. Присужденное взысканіе съ Генерала Завиши отецъ мой передалъ какому-то ростовщику за тысячу червонцевъ, и на эти деньги (а по тогдашней дешевизнѣ это была большая сумма) накупилъ разныхъ напитковъ, нѣсколькихъ быковъ, барановъ, множество домашней птицы и дичи, велѣлъ изжарить и напечь пироговъ и хлѣбовъ, и въ назначенный день уложить на телѣги. Дядя мой, Павелъ Булгаринъ, разсказывалъ мнѣ объ этомъ угощеніи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Началось торжественнымъ шествіемъ, или процессіей. Впереди шли музыканты, какихъ только можно было достать въ

Гроднѣ и въ окрестностяхъ, Христіане и жиды, и раздѣлясь на хоры, играли поочередно. За ними стрѣльцы, въ ливреѣ, ѣхали верхомъ за гербовыми знаменами. Потомъ ѣхали (верхомъ же) отецъ мой, всѣ его родные и друзья, а въ замкѣ тянулись телѣги, украшенныя флагами, съ съѣстными припасами и бочками виноградного вина, водки, пива и меда. Прошедъ по главнымъ улицамъ, процессія остановилась на площади, и по данному знаку началось угощеніе. Раздавали каждому, что кто хотѣлъ. Народа собралось множество, но все происходило чинно (какъ сказывалъ дядя), пока площадные гости не перепились. Тогда уже разобрали насильно остальное, разбили бочки — и пиръ кончился, какъ водится, дракою. Но отецъ мой не хотѣлъ быть свидѣтелемъ послѣдствій этого угощенія: экипажи его и свита уже отправлены были въ путь, и онъ, простясь съ друзьями, ускакалъ изъ города верхомъ.

Въ послѣдствіи отецъ мой помирился съ Генераломъ Завишей, и отказался отъ полученія присужденныхъ съ него тяжебныхъ издержекъ, заплативъ ростовщику, изъ собственныхъ денегъ, взятую у него сумму.

Вотъ какъ жили и проматывали имѣніе отцы наши! Теперь посмотримъ, какъ отецъ мой воспитывалъ меня. Это также весьма оригинально.

Отецъ мой весьма часто отлучался изъ дома, любя присутствовать на всѣхъ сеймикахъ, на судахъ, участвовать въ большихъ охотахъ, словомъ бывать вездѣ, гдѣ собиралось много помѣщиковъ. Онъ также навѣщалъ часто стараго Князя Радзивилла, который весьма любилъ его общество. Послѣдняя моя болѣзнь отъ испуга возбудила въ отцѣ моемъ мысль *закалить* меня. Ни слезы матушки, ни совѣты докторовъ и друзей не могли смягчить его на этотъ счетъ: не пости-

гаю, какъ я остался живъ, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ мною испытаній! Напримѣръ, онъ будилъ меня отъ сна или ружейными выстрѣлами надъ самою моею кроватью, или холодною водою, выливаемою на меня во снѣ. Сказавъ мнѣ однажды, что только бабы и глупцы вѣрятъ въ чертей, колдуновъ, вѣдьмъ и бродящихъ мертвецовъ, онъ посылалъ меня одного въ полночь, зимою и осенью, на гумно, приказывая принесть пукъ колосьевъ или горсть зерна. Надобно знать, что за нашимъ гумномъ было сельское кладбище, съ ветхою Уніятскою деревянною церковью. Одинъ взглядъ отца заставлялъ меня безмолвно повиноваться. Слезъ онъ терпѣть не могъ, и отговорокъ не слушалъ. Съ перваго раза, когда меня облили въ постелѣ холодною водою, я заболѣлъ лихорадкою, и отъ перваго ружейнаго выстрѣла надъ головою едва не лишился употребленія языка, но въ пол-

года привыкъ ко всему, и съ радостію бѣгалъ въ темную ночь на гумно, забавляясь страхомъ матушки и сестеръ. При этомъ отецъ пріучалъ меня къ самой грубой пищѣ; бралъ съ собою на охоту, на которой мы проводили иногда по нѣскольку дней въ лѣсу, и, будучи только семи лѣтъ отъ роду, я галопировалъ за нимъ на маленькой лошаденкѣ, и даже стрѣлялъ изъ ружья, нарочно для меня сдѣланнаго. Сперва я былъ весьма слабъ и изнѣженъ, боялся *всего*, не могъ вынести малѣйшей простуды, и даже кусокъ чернаго хлѣба разстроивалъ мой желудокъ, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ Спартанскаго воспитанія, я чрезвычайно укрѣпился; лакомился чернымъ хлѣбомъ съ лукомъ или рѣдькой, предпочиталъ капусту и кашу, изготовляемыя для прислуги, всѣмъ сливочнымъ кашкамъ и бульонамъ, которыми прежде кормили меня, и вмѣсто кофе и чаю, пилъ или ста-

канъ молока, или ключевой холодной воды; бѣгалъ по лужамъ, а на охотѣ по болоту, не чувствуя ни какихъ послѣдствій отъ замоченія ногъ. Отецъ мой торжествовалъ, а матушка каждый день боялась за жизнь мою, и со слезами повиновалась ему. Онъ страстно любилъ матушку, но въ волѣ своей былъ непреклоненъ. Хотя эта внезапная перемѣна въ моемъ физическомъ воспитаніи, не только не повредила мнѣ, а напротивъ послужила въ пользу, я, однако жъ, самъ не слѣдовалъ этой системѣ, да и никому не совѣтую слѣдовать. Гораздо лучше *закаливать* дѣтей *постепенно* и сообразно съ ихъ сложеніемъ. Мы живемъ не въ Спартѣ, и въ наше время *голова* важнѣе *туловища!*

При мнѣ былъ учитель, который обучалъ меня читать и писать по-Польски, по-Французски, по-Нѣмецки, по-Латыни и первымъ четыремъ правиламъ ариѳме-

тики. Младшая сестра моя, Антонина, обучала меня играть на фортепіанѣ и на гитарѣ и пѣть. Наконецъ, въ слѣдующемъ году разразилась гроза надъ нашимъ семействомъ, и оно разбрелось – *навсегда*!...

IV.

Внезапное и неожиданное бѣдствіе. — Странное сватовство. — Взглядъ на тогдашнюю природу и состояніе тогдашней Литвы. — Освобожденіе. — Заѣздъ, или expulsia et violentia. — Изгнанники.

Отецъ мой уѣхалъ, въ Сентябрѣ 1796 года, въ Вильну по своимъ дѣламъ, кажется, для свиданія съ бывшимъ Польскимъ Генераломъ Вендорфомъ, которому онъ продалъ часть имѣнія своего Грицевичъ. Недѣли черезъ двѣ, матушка получила извѣстіе, что отецъ мой взятъ подъ стражу.

Вотъ что разсказывала мнѣ, въ послѣдствіи, матушка объ этомъ событіи.

Въ Минскѣ былъ адвокатъ Герсдорфъ, родомъ Полякъ, изъ старинныхъ Лифляндскихъ выходцевъ. Онъ участвовалъ въ народномъ возстаніи, и послѣ взятія въ плѣнъ Костюшки, ушелъ въ Турцію, принялъ Магометанскую Вѣру, и получилъ какое-то важное званіе въ Турецкой артиллеріи. Слыхалъ я, будто этотъ ренегатъ былъ въ послѣдствіи трехбунчужнымъ пашею, и что одинъ изъ Литовскихъ уроженцевъ въ Русской службѣ, будучи посланъ парламентеромъ въ Турецкую армію, въ послѣднюю войну при Императорѣ Александрѣ I, явившись къ Пашѣ, удивился, когда онъ, спросивъ его о прозваніи, заговорилъ съ нимъ по-Польски, сказавъ, что зналъ его родныхъ, и сталъ распрашивать о старинныхъ своихъ пріятеляхъ въ Литвѣ. Не знаю, правда ли это, но то вѣрно, что Герсдорфъ принялъ Магометанство и былъ въ Турецкой военной службѣ. Этотъ

Герсдорфъ, человѣкъ необыкновеннаго ума, былъ, по словамъ знавшихъ его, веселаго нрава, пріятнаго обхожденія, и потому былъ принимаемъ съ удовольствіемъ въ лучшихъ обществахъ. Онъ обучался вмѣстѣ съ отцемъ моимъ въ Новогрудскихъ школахъ, и они съ дѣтства подружились. Дружба эта продолжалась и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и Герсдорфъ, предъ отъѣздомъ въ армію къ Костюшкѣ, занялъ нѣсколько сотъ червонцевъ изъ монастырскихъ суммъ какого-то Католическаго монастыря, въ Минскѣ, подъ порукою отца моего. Почитая Герсдорфа погибшимъ, отецъ мой далъ на себя заемное письмо монастырю, и никогда не надѣялся на возвращеніе этихъ денегъ, какъ вдругъ, въ Вильнѣ, явился къ нему Грекъ, пріѣхавшій изъ Константинополя съ товарами (Турецкимъ табакомъ, бакаліями, чубуками, и т. п.), сталъ распрашивать всѣхъ объ

отцѣ моемъ, и узнавъ, что онъ въ Вильнѣ, отдалъ письмо отъ Герсдорфа и должныя деньги. Герсдорфъ въ письмѣ благодарилъ отца моего за поручительство, увѣрялъ въ вѣчной дружбѣ, описывалъ свое положеніе самыми блистательными красками, и просилъ усердно навѣстить его въ Константинополѣ, въ его гаремѣ, говоря, что теперь въ столицѣ Турціи много Поляковъ, что важнѣйшіе сановники Порты принимаютъ ихъ очень хорошо, и что они живутъ весело и независимо. Вѣроятно, въ письмѣ Герсдорфа были разсужденія на счетъ тогдашняго политическаго состоянія Европы, выходки противъ Россіи и какіе нибудь намеки на положеніе Польши, потому что нельзя предполагать, чтобъ такой отчаянный патріотъ, какимъ былъ Герсдорфъ, воздержался отъ толковъ о политикѣ, которая въ то время кружила всѣмъ голову. Отцу моему надлежало или сжечь письмо

и тѣмъ прекратить всѣ сношенія съ ренегатомъ, или отдать письмо начальству, объяснивъ дѣло. Но умъ и благоразуміе не одно и то же. Отецъ мой сталъ показывать письмо всѣмъ пріятелямъ, забавлялся на счетъ блаженства, которое, по словамъ Герсдорфа, нашелъ бы въ Константинополѣ, говорилъ въ шутку, что хочетъ навѣстить его въ гаремѣ, и т. п. Однажды отецъ мой хотѣлъ кому-то прочитать письмо, и не нашелъ его. Перерылъ всѣ бумаги, искалъ въ своихъ карманахъ, и не отыскавъ подумалъ, что выронилъ гдѣ нибудь нечаянно, и вовсе объ этомъ не безпокоился.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда отецъ мой былъ гдѣ-то на вечерѣ, камердинеръ его далъ ему знать, что какой-то незнакомый господинъ ожидаетъ его въ квартирѣ, *по весьма важному дѣлу*, и проситъ повидаться съ нимъ немедленно. Возвратясь въ квартиру, отецъ

мой, вмѣсто *одного* незнакомаго, нашелъ нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ, занимающихся укладкою всѣхъ его бумагъ и вещей, и офицера съ командою. На дворѣ расставлены были часовые, и стояли двѣ кибитки съ почтовыми лошадьми. На вопросъ отца моего, что это значитъ, ему отвѣчали, что они ничего не знаютъ, но что получено приказанiе доставить его въ Гродно, со всѣми бумагами. Въ одну кибитку сѣлъ отецъ мой, съ офицеромъ и солдатомъ, а въ другую полицейскiй чиновникъ съ двумя солдатами, и помчались во всю конскую прыть. По прибытiи въ Гродно, отца моего помѣстили въ Католическомъ монастырѣ, подъ стражу.

Мѣра эта извиняется тогдашними обстоятельствами. Всѣ дѣла должно вести послѣдовательно (il faut être conséquent). Взявъ Польшу, надлежало водворить въ ней порядокъ и спокойствiе, и слѣдова-

тельно должно было лишить безпокойныхъ людей возможности къ возмущенію народа, и быть строгимъ съ тѣми, которые не хотѣли покориться добровольно. Одно проистекаетъ изъ другаго. Въ это время въ Парижѣ, Лондонѣ и въ Константинополѣ было много Польскихъ эмигрантовъ значительныхъ фамилій, старавшихся возбудить Правительства къ войнѣ противу Россіи, и какъ Порта, не смотря на мирный трактатъ, сохраняла вражду къ Россіи за понесенныя потери въ послѣднюю войну, и, побуждаемая другими Дворами, надѣялась загладить побѣдами свое уничиженіе, то Польскіе эмигранты старались раздувать искры этой тайной злобы, и обѣщали взволновать всю Польшу, при первомъ вторженіи Турокъ въ Русскіе предѣлы. Русское Правительство знало обо всѣхъ интригахъ въ Константинополѣ, и наблюдало въ Польшѣ большую осторожность, устра-

няя всѣ сношенія эмигрантовъ съ жителями присоединенныхъ областей. Но помѣщики присоединеннаго края тогда еще не знали подлинно ни законовъ Русскихъ, ни порядка Русскаго, ни обязанности властей и подчиненныхъ, а если и знали кое-что, то не торопились исполнять, привыкнувъ къ прежнему своеволію. Отецъ мой, почитая это письмо ничтожнымъ, полагалъ, что и всѣ должны такъ думать, и былъ, какъ говорится, безъ вины виноватъ. Впрочемъ, и послѣ даже его бы не задержали, еслибъ онъ самъ не навязалъ себѣ бѣды. При допросахъ онъ то шутилъ не кстати, то горячился, и безъ всякой надобности входилъ въ политическія разсужденія. По рѣчамъ сочли его опаснымъ — и упрятали!... Душевно сожалѣю о несчастіи, постигнувшемъ моего родителя, и готовъ былъ бы собственною кровью искупить его страданія; но, по справедливости и для при-

мѣра другимъ, не могу оправдывать его тогдашняго поведенія. Надлежало поступать хладнокровно, объяснить дѣло, доказать свою неприкосновенность къ заграничнымъ интригамъ и не пренебрегать властью. Конечно, надобно принять въ соображеніе тогдашнія обстоятельства. Съ одной стороны патріоты воспламеняли умы, а съ другой нѣкоторые изъ Поляковъ оскорбляли человѣческое чувство неслыханною низостью! .. Трудно было сохранить хладнокровіе честному и прямодушному человѣку, одаренному пылкимъ характеромъ! Эти пылкіе люди, въ каждомъ потрясеніи гибнутъ первые, гонялсь за правдою и честью, гибнутъ какъ бабочки, принявъ зажженную свѣчу за солнечный свѣтъ... Одинъ возжигаетъ пламя, а тысячи гибнутъ въ немъ. Поздно приходитъ разочарованіе и раскаяніе! При этомъ позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Честный ремесленникъ въ Англіи, Самуилъ Бемфордъ (Bamford), бывшій однимъ изъ главныхъ начальниковъ революціонныхъ движеній, обезпокоивавшихъ Англію отъ 1816 до 1821 года, издалъ недавно описаніе важнѣйшихъ своихъ приключеній, подъ названіемъ: *Записки радикала* (Mémoires d'un radical), разборъ которыхъ и извлеченіе изъ нихъ я читалъ въ Revue Britannique, 1845 года. и счелъ кстати, уже при печатаніи моихъ *Воспоминаній*, привесть здѣсь правила Бемфорда, внушенныя ему опытностію и благоразуміемъ. Честолюбцы и эгоисты, употребляя Бемфорда какъ орудіе, для достиженія своихъ личныхъ выгодъ, до тѣхъ поръ льстили ему и обнадеживали его помощью, представляя въ будущемъ блистательную участь, пока онъ имъ былъ нуженъ; а потомъ бросили съ презрѣніемъ, какъ выжатый лимонъ. Это общая участь честныхъ людей въ ре-

волюціяхъ! Хорошо еще, что Бемфордъ этимъ отдѣлался. Французская революція рѣзала все честное и благородное. Разсказавъ всѣ низости начальниковъ революціонныхъ партій, Бемфордъ составилъ себѣ слѣдующій политическій катихизисъ, который бы надлежало учить наизустъ юношеству, особенно въ западной Европѣ.

« Трудолюбивый и небогатый человѣкъ не можетъ лучше служить отечеству, какъ исполняя обязанности къ своему семейству, и онъ не въ состояніи оказать болѣе дѣйствительной пользы, какъ приготовляя для отечества достойныхъ гражданъ. Участіе каждаго гражданина въ правленіи есть повиновеніе законамъ и управленіе, съ любовью и добродушіемъ, своимъ семействомъ, которое должно быть его царствомъ. Лучшая и единственная реформа, которою онъ можетъ заняться, это усовершенствованія въ своемъ домашнемъ быту. Самые

полезные митинги (meetings), т. е. народныя собранія, суть тѣ, которыя отбываются въ семейномъ кругу, а лучшія рѣчи (speech) тѣ, которыя клонятся къ водворенію спокойствія, мира, любви и снисхожденія къ человѣчеству. Лучшія прошенія (petitions) суть тѣ, которыя возносятся съ сокрушеннымъ сердцемъ къ Царю Небесному, не презирающему гласа смиренія, и тѣ, которыя представляются сильнымъ земли, для исходатайствованія у нихъ, миролюбивымъ путемъ, улучшеній для страждущихъ собратій. Кто хочетъ успѣха, долженъ научиться страдать. Кто хочетъ быть героемъ, долженъ умѣть управлять собою. Кто хочетъ управлять, пусть научится повиноваться» (12).

Сколько людей съ умомъ, съ дарованіями, съ добрымъ сердцемъ были бы спасены отъ гибели, если бъ эти правила укоренены были въ нихъ съ юности!

Матушка, получивъ печальное извѣстіе, немедленно выѣхала въ Минскъ со всѣмъ семействомъ, и явилась къ Генералу Тутолмину, просить совѣта и покровительства. Тутолминъ жаловалъ моего отца, соболѣзновалъ о его участи, но совѣтовалъ подождать, пока пройдетъ первый жаръ, обѣщая за него вступиться и даже писать въ Петербургъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе о смерти Императрицы Екатерины II (скончавшейся 5 Ноября 1796 года) и восшествіи на Престолъ Императора Павла Петровича. Многіе изъ значительнѣйшихъ чиновниковъ и генераловъ Русскихъ уѣхали въ Петербургъ, и въ томъ числѣ Тутолминъ, и матушка рѣшилась подождать его возвращенія въ Минскѣ, гдѣ у насъ былъ собственный домъ, или, какъ тогда называли, юрисдикція, т. е. домъ съ мѣстомъ, подчиненные не городской власти, а своей, шляхетской . . .

Не помню, наканунѣ какого большаго праздника матушка взяла меня въ церковь, къ вечернѣ. Народу была въ церкви бездна, и въ тѣснотѣ меня какъ-то оттерли отъ матушки и вытолкнули за двери. Я обрадовался, что выбрался изъ удушливой тѣсноты, въ которой едва не задохнулся, и вознамѣрился возвратиться домой; но, не зная улицъ, забрелъ въ конецъ города, блуждалъ въ темнотѣ, не встрѣчая ни одной души, и наконецъ, не зная что дѣлать, принялся плакать. Фонарей тогда не было на улицахъ, какъ теперь, и я шелъ наобумъ, попоясъ въ снѣгу, содрогаясь отъ лая собакъ. Вдругъ, при поворотѣ, вижу вдали огонь. Я побѣжалъ туда изъ всѣхъ силъ, и попалъ на гауптвахту! Часовой вызвалъ унтеръ-офицера, который проводилъ меня въ офицерскую комнату. Я разсказалъ офицеру мое приключеніе, назвалъ мою фамилію, но не умѣлъ наименовать улицы,

на которой находился нашъ домъ. Офицеръ совѣтовалъ мнѣ прилечь на скамьѣ, обѣщая на другой день отыскать нашъ домъ и отвѣсть меня къ матери. Нечего было дѣлать, я согласился. Въ это время вошелъ молодой человѣкъ въ губернскомъ мундирѣ. «Я дежурный чиновникъ губернаторской канцеляріи,» сказалъ онъ офицеру: «и пришелъ просить васъ о смѣнѣ часоваго у кассы, который заболѣлъ ужаснымъ колотьемъ въ бокахъ, такъ что не можетъ дышать.» Пока офицеръ распоряжался, чтобъ выслать людей за больнымъ солдатомъ и очереднаго на смѣну, молодой чиновникъ спросилъ меня, кто я таковъ и что здѣсь дѣлаю. Я разсказалъ ему мое приключеніе. Чиновникъ сказалъ офицеру, что знаетъ нашъ домъ, и взялся отвезть меня немедленно. Мы сѣли въ сани, и чрезъ нѣсколько минутъ я уже находился въ объятіяхъ матери, которая была въ

ужасномъ отчаяніи, воображая, что меня украли жиды! Тогда еще вѣрили въ Литвѣ, что жиды употребляютъ Христіанскую кровь для печенія опресноковъ (т. е. мацы) въ праздникъ Пасхи. Можно себѣ представить, какъ благодарна была матушка чиновнику и какъ его приняла. Было уже около одиннадцати часовъ ночи, и потому гостя не удерживали, но матушка запросила чиновника, на другой день къ обѣду; онъ явился — и съ этого дня сталъ безвыходнымъ нашимъ гостемъ и другомъ семейства, а черезъ четыре мѣсяца женился на старшей сестрѣ моей, Елисаветѣ, которая прожила съ нимъ счастливо лѣтъ тридцать ([13]). Зять мой въ послѣдствіи называлъ меня, въ шутку, *сватомъ*.

Тутолминъ не возвращался. Матушка однако жъ не была въ бездѣйствіи; она писала письма къ братьямъ своимъ въ Бѣлоруссію, въ Петербургъ къ сыну и ко

всѣмъ, кого только знала; писала и къ Графу Ферзену. Въ концѣ Февраля, матушка нарочно выѣхала въ деревню, чтобъ не быть на съѣздѣ дворянства, на контрактахъ. Подъѣзжаемъ къ дому, и на крыльцѣ встрѣчаетъ насъ — отецъ мой! Онъ возвратился наканунѣ; въ четыре мѣсяца онъ ужасно перемѣнился: похудѣлъ, постарѣлъ десятью годами и посѣдѣлъ. Всѣ мы расплакались! Съ этой поры отецъ не отпускалъ меня отъ себя ни на минуту. Онъ, какъ дядька, ходилъ за мною, игралъ со мною, и я даже спалъ въ его комнатѣ.... Кажется, онъ предчувствовалъ нашу вѣчную разлуку и мое сиротство. Съ удивленіемъ и горестью замѣтили всѣ въ домѣ, что отецъ мой перемѣнился столько же въ нравственномъ, сколько и въ физическомъ отношеніи. Веселость его исчезла; онъ не шутилъ уже, и не занималъ своего семейства бесѣдою, но былъ молчаливъ и мраченъ, никуда не

выѣзжалъ и никого не принималъ, прячась отъ людей, и если не игралъ со мною, то ходилъ одинъ, съ ружьемъ, вокругъ дома или по опушкѣ лѣса. Матушка втайнѣ плакала, видя такую печальную перемѣну въ нравѣ отца моего, и опасалась, чтобъ это не было предвѣстникомъ тяжкой болѣзни. Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, начала развиваться какая-то желчная болѣзнь, которая навела на него меланхолію и привила къ душѣ мизантропію. Матушка сказывала мнѣ, что замѣтила это по одной чертѣ. Пришелъ къ намъ проситься въ службу стрѣлецъ, и привелъ съ собою отличную охотничью собаку; отецъ мой отвѣчалъ: «человѣка не надобно, а собаку куплю: собаки не измѣняютъ и не торгуютъ своею породой!»

Съ 7 Марта (въ день Св. Іосифа) начинались, такъ называемые, *контракты* въ Минскѣ. Самое названіе означаетъ, что

контракты есть время, назначенное для различныхъ *сдѣлокъ*. Въ это время покупали, продавали и брали въ аренду имѣнія, занимали и отдавали въ займы деньги, платили долги и проценты. Вмѣстѣ съ тѣмъ была тогда же и ярмарка и время увеселеній. Купцы пріѣзжали съ товарами изъ всѣхъ большихъ городовъ и изъ-за границы. Каждый вечеръ бывали театральныя представленія, концерты, частные и публичные балы, а кромѣ того богатые помѣщики давали обѣды. Это было дѣловое и веселое время. И теперь существуютъ контракты, но это уже тѣнь прежнихъ; теперь уже знаютъ въ западныхъ губерніяхъ, что такое кредитныя установленія въ Россіи, банки и ломбардъ; но тогда всѣ денежные обороты происходили въ провинціи: брали деньги у частныхъ лицъ, и отдавали капиталы на проценты въ частныя же руки; слѣдовательно, весьма немногіе помѣ-

щики не имѣли надобности быть на контрактахъ, тѣмъ болѣе, что тутъ заключались условія на поставку въ Ригу хлѣба, корабельнаго лѣса, пеньки, льна, сѣмени льнянаго, и т. п. Тогда Англія, Швеція, Голландія и даже Америка вывозили хлѣбъ, большею частію, изъ Россіи и Польши, и земледѣліе не было за границей въ такомъ состояніи, какъ теперь. Что тамъ произведено усиліями и наукою, то у насъ разсыпала щедрою рукою природа. Всѣ замѣчаютъ, однако жъ, что въ теченіе полувѣка не только климатъ, но даже почва и наружный видъ земли во многихъ странахъ весьма перемѣнились, особенно въ Восточной Европѣ, т. е. въ Польшѣ и Россіи. Многія озера, рѣчки и ручьи изсякли, большія судоходныя рѣки мельчаютъ, особенно при устьяхъ. Почва истощилась, и лѣса или уже исчезли, или исчезаютъ. Человѣкъ долженъ непремѣнно всегда бороться съ природою

или содѣйствовать ей, удерживать воду или спускать ее, углублять рѣки, разводить лѣса или очищать ихъ, изсушать болота и удобрять землю, иначе природа въ заселенныхъ мѣстахъ непремѣнно истощится, а съ нею обнищаютъ и люди. Не знаю, какъ теперь, но я еще помню, когда Минская Губернія была богата и плодородна. Пшеница росла въ ростъ человѣка, рожь и яровые хлѣба давали всегда обильную жатву. Рѣки и озера изобиловали рыбою; на берегахъ Березины и впадающихъ въ нее рѣчекъ водились бобры (которые теперь вовсе исчезли). Гастрономы, особенно католическіе монахи, лакомились бобровымъ хвостомъ, состоящимъ изъ одного нѣжнаго и хрупкаго жира, но боброваго мяса не употребляли въ пищу. Замѣчательно, что жирный бобровый хвостъ почитался *постною пищею*, какъ будто бобръ рыба! На болотахъ водились, такъ называемыя,

земноводныя черепахи, которыхъ мясо сохраняло запахъ душистыхъ травъ, особенно майрана. Это также была лакомая пища. Дичи была бездна въ обширныхъ лѣсахъ. Кабановъ ловили, за одинъ разъ по нѣскольку десятковъ, западнями; лосей, оленей, дикихъ козъ вездѣ было множество. Пчеловодство процвѣтало, и Бобруйскій Уѣздъ производилъ торговлю медомъ-липцемъ (бѣлымъ) и воскомъ. Дубы отправляли въ Ригу, сосну въ Кременчугъ. Плодовыя деревья не требовали ни какого хожденія за ними, и произращали превосходные плоды. Въ лѣсахъ и на межахъ росли дикія груши и яблоки, изъ которыхъ дѣлали превкусное питье. Сверхъ всего этого, щедрая природа, безъ всякаго воздѣлыванія, производила *манну* на болотахъ; она походитъ стеблемъ и колосомъ на просо, только меньше и мельче. Женщины, въ концѣ лѣта, выходили на зарѣ на болото,

пока еще роса держалась на колосьяхъ, и сбивали зерно въ рѣшето; изъ этого зерна дѣлали крупу, вовсе не похожую вкусомъ на ту крупу, которую нынѣ продаютъ подъ именемъ *манны*; за настоящую манну дорого платили въ Ригѣ. Собирали также большое количество вольнорастущаго на лугахъ тмина. Даже шпанскія мухи водились во множествѣ, и доставляли доходъ, равно какъ и *червецъ*, или такъ называемая Польская кошениль. И такъ, и безъ раціональнаго хозяйства, встарину было во всемъ изобиліе, и хлѣбъ былъ въ запасѣ и у помѣщика и у хорошаго крестьянина. Не даромъ въ Русскомъ народѣ велась поговорка: «въ Польшѣ хлѣба больше.» Посѣтивъ этотъ край въ 1807 году, я уже нашелъ во всемъ большую перемѣну; но хорошее осталось въ памяти туземцевъ.

Зимы были постоянны, и весна въ Бо-

бруйскомъ и сосѣднемъ Мозырскомъ Уѣздѣ начиналась рано. Въ полѣ работали въ Мартѣ, а въ Апрѣлѣ все уже цвѣло. Припоминаю всѣ происшествія, потому что это была послѣдняя весна, проведенная мною въ семействѣ, при отцѣ и матери. Ни какое блаженство въ жизни не вознаградитъ ласкъ родителей! Помню, какъ въ этомъ году, отецъ самъ устраивалъ для меня лубокъ, съ котораго я скатывалъ на траву красныя пасхальныя яйца, въ Свѣтлый Праздникъ! Я жилъ или въ полѣ или въ саду, и былъ вполнѣ счастливъ. Всѣ меня любили, ласкали, нѣжили, какъ обыкновенно бываетъ съ младшимъ въ семьѣ.—Весна обѣщала урожайный годъ.

Въ одно утро, отецъ мой выѣхалъ верхомъ въ поле, вмѣстѣ со мною. Мы ѣхали шагомъ по дорогѣ, какъ вдругъ послышался за рощицей звукъ колокольчика... Отецъ мой быстро поворотилъ коня, и поскакалъ домой, я за нимъ....

Едва мы успѣли слѣзть съ коней и войти въ комнаты, на дворъ нагрянула цѣлая ватага. На тройкѣ подъѣхалъ къ крыльцу Засѣдатель, съ своимъ писаремъ и какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ, въ Польскомъ платьѣ; на другой тройкѣ въѣхалъ на дворъ унтеръ-офицеръ и двое солдатъ земской полиціи (она тогда имѣла небольшую команду изъ солдатъ выслужившихъ срокъ); на нѣсколькихъ крестьянскихъ подводахъ притащили, такъ называемые, понятые, т. е. старосты деревень, съ бляхой на груди. Разумѣется, все семейство наше испугалось, думая, что снова пріѣхали брать подъ стражу отца моего. Онъ стоялъ неподвижно у окна, и помню, что былъ блѣденъ, какъ полотно. Наконецъ вошелъ въ комнату Засѣдатель, влача за собою огромный, брянчащій палашище. За нимъ вошелъ незнакомый намъ шляхтичъ. Засѣдатель, не поклонившись ни

кому, хотя матушка и сестры прибѣжали къ отцу моему и ухватились за него, спросилъ по-Русски: «кто здѣсь хозяинъ?» — Отецъ разсказывалъ намъ послѣ, что этотъ самый человѣкъ служилъ провентовымъ писаремъ (т. е. по части винокуренія и продажи водки) у Князя Карла Радзивила, въ Слуцкѣ, и просился къ нему въ службу. - «Развѣ вы не знаете меня?» отвѣчалъ хладнокровно отецъ мой. Засѣдатель былъ крѣпко навеселѣ. «Я никого не знаю, и знать не хочу,» отвѣчалъ онъ гордо: «а вы должны знать, кто я! Объявляю вамъ, что вы должны сейчасъ выбираться изъ Маковищъ и сдать имѣніе повѣренному пана Дашкевича — и вотъ указъ.» При этомъ онъ одною рукою указалъ на шляхтича, а другою подалъ отцу моему бумагу. Это было предписаніе Земскаго Суда Нижнему Земскому Суду ввести немедленно пана Дашкевича во владѣніе его родовымъ имѣніемъ,

Маковищъ, потому что сумма, за кототорую оно заложено, уже внесена въ Судъ на контрактахъ, и какъ послѣ трехъ извѣщеній (сомацій) никто не явился для полученія денегъ, то Судъ, на основаніи законовъ, велитъ исполнительной власти возвратить вотчиннику его собственность. Тутъ я долженъ пояснить дѣло.

Деньги, данныя пану Дашкевичу подъ залогъ имѣнія, принадлежали исключительно матушкѣ, и закладная сдѣлана была на ея имя. По желанію отца моего, имѣвшаго свое собственное имѣніе и притомъ свои собственные долги, въ закладную внесенъ былъ особый пунктъ, что панъ Дашкевичъ долженъ выкупить имѣніе *наличными деньгами*, не скупая никакихъ долговъ (bez nabycia wlowkow). Вопреки этому, панъ Дашкевичъ выдалъ отъ себя заемныя письма кредиторамъ отца моего, а его заемныя письма пере-

велъ на свое имя, и съ частью наличныхъ денегъ представилъ въ Судъ, требуя возврата имѣнія. Судъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, пропустилъ важный пунктъ въ закладной, и предписалъ отдать имѣніе вотчиннику, не взирая на протестацію нашего повѣреннаго. Имѣя въ рукахъ рѣшеніе Суда и предписаніе Нижнему Земскому Суду къ исполненію его, панъ Дашковичъ не обратилъ вниманія на протестъ нашего повѣреннаго и на позывъ въ Судъ, и рѣшился, по *старопольскому* обычаю, на *наѣздъ*, т. е. на *изгнаніе насъ насильно изъ имѣнія*. Онъ забылъ, что времена перемѣнились, и что Русское Правительство употребляло всѣ усилія, чтобъ истребить прежнее своеволіе и прежніе безпорядки. Панъ Дашкевичъ думалъ, что объявленная неприкосновенность прежнихъ правъ и привилегій долженствовала состоять въ сохраненіи всего, что дѣлалось во время Поль-

скаго правленія, правильнѣе *неуправленія*. Ему не мудрено было подговорить Засѣдателя, который, кромѣ того, что былъ человѣкъ сомнительной нравственности и придерживался чарочки, жестоко сердился на моего отца. Встрѣтясь въ Глускѣ на улицѣ, при нѣсколькихъ помѣщикахъ, Засѣдатель фамиліярно протянулъ руку моему отцу, какъ старому знакомому, чтобъ поздороваться; но отецъ мой, измѣривъ его взглядомъ, не далъ руки, и сказалъ хладнокровно: «я не танцую на улицѣ!» Теперь Засѣдатель нашелъ случай отметить за оказанное ему презрѣніе. Да и вообще при началѣ учрежденія Русскаго управленія въ новыхъ областяхъ, Губернаторы, желая угодить помѣщикамъ составленіемъ Земской Полиціи изъ туземцевъ, невольно произвели противное дѣйствіе. Изъ людей порядочныхъ, изъ помѣщиковъ уважаемыхъ, не было охотниковъ къ занятію

полицейских должностей, и потому брали въ Засѣдатели мелкую шляхту, а въ Капитанъ-Исправники выбирали людей большею частію изъ Бѣлоруссіи, уже находившихся въ Русской службѣ. Выборъ рѣдко соотвѣтствовалъ ожиданію — и эта часть администраціи не пользовалась тогда уваженіемъ помѣщиковъ.

«Изъ Маковищъ я не выберусь,» сказалъ мой отецъ: «потому что мы подали позывъ пану Дашкевичу о неисполненіи условія, и будемъ ждать рѣшенія высшаго суда.» — «Что вы мнѣ толкуете о вашихъ позывахъ!» сказалъ Засѣдатель: «не выберетесь добровольно, такъ мы выгонимъ насильно!...» Я видѣлъ, что матушка и сестры держали за руки отца моего, и наконецъ матушка повиела у него на шеѣ, и что-то шептала на ухо. Страшно было смотрѣть на моего отца! Посинѣлыя губы его дрожали, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, видно было, что онъ ужас-

наши семейства были весьма дружны между собою. Мы отправились къ нему пѣшкомъ. Слуги и служанки догнали насъ, и сказали, что они не оставятъ насъ, развѣ ихъ убьютъ на мѣстѣ. Моя нянька съ крикомъ бросилась ко мнѣ, и взявъ на руки обливала слезами. Отецъ приказалъ только двумъ человѣкамъ и нѣсколькимъ служанкамъ слѣдовать за нами, а прочихъ отослалъ въ Глускъ, къ пріятелю, пану Ржимовскому, сказавъ, что онъ распорядится послѣ. Отецъ мой шелъ впереди съ ружьемъ на плечѣ, и молчалъ.

Мы прошли съ пять верстъ, какъ вдругъ за нами поднялась пыль. Бричка въ три лошади мчалась быстро по дорогѣ. Женщины испугались. — «Они хотятъ убить насъ!» воскликнула матушка. Отецъ, не говоря ни слова, только взвелъ курокъ своего ружья и осмотрѣлъ полку. Бричка приближалась, и отецъ мой остано-

вился и велѣлъ всѣмъ стать позади Наконецъ бричка поравнялась съ нами — въ ней сидѣлъ нашъ корчмарь Іосель!.... Онъ выпрыгнулъ изъ брички, бросился къ ногамъ моихъ родителей, и зарыдалъ. —«Ты добрый человѣкъ, Іосель!» сказалъ отецъ мой отворотившись, чтобъ не видали слезъ его. Іосель не могъ промолвить слова: онъ рыдалъ, и только знаками показывалъ, чтобъ мы садились въ бричку. Мы усѣлись, простившись съ Іоселемъ, и слуга его, также Еврей, погналъ лошадей. Слуги и служанки наши продолжали путь пѣшкомъ.

Можно себѣ представить, какъ удивилось семейство пана Струмилы, когда увидѣло насъ въ этомъ экипажѣ! Выслушавъ разсказъ объ этомъ происшествіи, панъ Струмило благодарилъ отца за довѣренность къ нему, и отвелъ намъ нѣсколько комнатъ. Мы вышли изъ дому передъ обѣдомъ, и семейство пана Стру-

милы уже пообѣдало. Для насъ состряпали обѣдъ, за которымъ отецъ мой былъ такъ спокоенъ, какъ дома. Матушка и сестры были ужасно разстроены и почти больны отъ испуга; онѣ не прикасались къ кушанью. Панъ Струмило не могъ надивиться хладнокровію моего отца, зная его характеръ — и я слышалъ, какъ онъ, въ его отсутствіи, говорилъ матушкѣ, что надобно непремѣнно посовѣтоваться съ докторомъ, потому что нѣтъ сомнѣнія, что отецъ мой страждетъ какою-то необыкновенною болѣзнію.... На другой день панъ Струмило послалъ въ Глускъ за докторомъ, а между тѣмъ почти всю ночь онъ провелъ съ моими родителями въ совѣщаніяхъ. Въ слѣдствіе общаго совѣта, отецъ мой написалъ просьбу къ Губернатору и другую въ Судъ, опираясь на важнѣйшій пунктъ Польскаго законодательства: Ex-

pulsio et violentia. На другой день выслали нарочнаго въ Минскъ, къ нашему повѣренному.

V.

Старина.—Разсказъ современницы о Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ. — Знаменитый гарнецъ жемчуга. — Переселеніе въ Бѣлоруссію. — Дань благодарности первому учителю —Переселеніе въ Петербургъ.

Не стану описывать подробностей процеса, продолжавшагося слишкомъ двѣнадцать лѣтъ во всѣхъ инстанціяхъ, и кончившагося въ нашу пользу. Это было бы и длинно и для многихъ скучно. Процесъ этотъ надѣлалъ, въ свое время, много шума въ Литвѣ и въ Петербургскомъ юридическомъ мірѣ, и важенъ тѣмъ, что представилъ Сенату совершенно новые вопросы, и произвелъ въ новоприсоеди-

ненныхъ областяхъ благодѣтельное впечатлѣніе, убѣдивъ, что въ Россіи *есть правосудіе*. Этому дотолѣ тамъ не вѣрили, воображая, что судъ и расправа продаются съ молотка! Разскажу только обстоятельства, предшествовавшія важнѣйшему событію въ моей жизни, имѣвшему вліяніе на всю мою участь, а именно: переселенію въ Петербургъ.

Недѣли чрезъ полторы, мы отправились, въ экипажахъ пана Струмилы, въ Минскъ; но прежде заѣхали въ Русиновичи, имѣніе бабушки моего отца (т. е. родной сестры его дѣда, grand' tante), пани Онюховской. Эта почтенная дама представляла собою живой историческій памятникъ важнѣйшихъ событій въ краѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняла остатки старопольскихъ обычаевъ первой половины XVIII вѣка. Такіе люди рѣдко встрѣчаются, и я долженъ поговорить о ней.

Бабушка отца моего родилась въ 1697 году, слѣдовательно, въ это время ей было ровно *сто лѣтъ*. Скажу предварительно, что она умерла скоропостижно отъ испуга, въ 1812 году, т. е. ста пятнадцати лѣтъ отъ рожденія, когда партія казаковъ внезапно и съ шумомъ въѣхала ночью въ ея дворъ. Она была необыкновенно высокаго роста, держалась всегда прямо и носила шнуровку до послѣдней минуты, и всю жизнь управляла сама хозяйствомъ, вела переписку, не употребляя очковъ. Во всю жизнь свою она никогда не была до того больна, чтобъ лежать въ постелѣ. Имѣя весьма порядочное состояніе и будучи вдовою Президента Гродскаго (т. е. уголовнаго) Суда, она занимала почетное мѣсто въ обществѣ, но въ теченіе почти сорока лѣтъ только однажды, и то по важному дѣлу, выѣзжала изъ своей деревни, охотно принимая гостей и даже славясь радушіемъ и госте-

пріимствомъ. Въ домѣ ея все устроено было на старинную ногу, и многіе ѣздили къ ней нарочно, чтобъ насмотрѣться на старопольскіе обычаи, отъ которыхъ она не отступала ни на волосъ. Она не перемѣняла никогда покроя своей одежды, и одѣвалась такъ, какъ одѣвались Польскія дамы въ началѣ XVIII вѣка, т. е. въ длинную бѣлую кофту (въ обыкновенные дни канифасную, а въ праздники каленкоровую) до колѣнъ, съ фалборками и съ узкими рукавами. Корсажъ состоялъ изъ шнуровки, съ черными лентами накрестъ, какъ въ Швейцарскомъ женскомъ костюмѣ. Бѣлая верхняя исподница до колѣнъ, была обшита фалборками, и между ими одною широкою черною лентою. На головѣ носила она высокій чепецъ, перевязанный широкою черною лентою (въ знакъ вдовства). Черныя башмаки были съ пряжками и высокими красными каблуками. Она всегда имѣ-

ла въ рукахъ высокую трость съ золотымъ набалдашникомъ, на которомъ вырѣзано было изображеніе Богоматери. При встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ или при какой нибудь опасности, она крестилась и цѣловала это изображеніе. Взглядъ ея былъ серіозный, голосъ громкій и нѣсколько грубый. За нею, въ родѣ вѣстоваго, ходила всегда любимая ея служанка, съ ключами и съ мѣшкомъ, въ которомъ были куски сахара, пряники, мелкія серебряныя деньги для раздачи дѣтямъ слугъ и сиротамъ, воспитываемымъ въ ея домѣ. У нея былъ одинъ только сынъ (давно уже скончавшійся), который извѣстенъ былъ во всей провинціи подъ именемъ *короля*, потому что мать не называла его иначе, какъ *мой король* (mόy królu). Она баловала своего *короля* до такой степени, что онъ былъ гораздо счастливѣе настоящаго Короля Станислава Августа, хотя и былъ предметомъ шу-

токъ и, такъ сказать, притчей во языцѣхъ въ цѣлой Литвѣ. Мать обходилась съ нимъ до старости какъ съ малолѣтнымъ. Природа дала ему и умъ, и доброе сердце, и вообще онъ былъ любимъ всѣми, кто зналъ его близко. Мать не дала ему ни какого воспитанія, опасаясь науками повредить здоровью, и онъ едва зналъ грамотѣ. Самоучкой и по слуху онъ игралъ на фортепіанѣ, и даже весьма пріятно, съ чувствомъ и выраженіемъ. За *королемъ* ухаживали безпрестанно нѣсколько лакеевъ и молодыхъ служанокъ, и должны были забавлять его. Для него варили ежедневно болѣе десяти кушаньевъ, въ малыхъ кастрюлькахъ и горшечкахъ, чтобъ угодить его вкусу по внезапному желанію и требованію. Сама мать не употребляла ни какого лекарства, но разстроила здоровье своего *короля*, подчивая его безъ нужды всякаго рода медикаментами, и держа почти круг-

лый годъ въ заперти, чтобъ не подвергнуть простудѣ. Во всѣхъ дѣлахъ женщина умная, она, отъ излишней и дурно постигнутой материнской нѣжности, была причиною и тѣлесной слабости, и умственнаго закоснѣнія единственнаго своего сына, и сдѣлала его даже смѣшнымъ. Когда Король Польскій былъ въ Нѣсвижѣ въ гостяхъ у Князя Карла Радзивила, то наслышался такъ много изъ разсказовъ объ этомъ *королѣ*, что для шутки велѣлъ представить себѣ, какъ онъ говорилъ, *своего товарища*. Мать выслала своего *короля* въ Нѣсвижъ съ родственникомъ, паномъ Гораиномъ (отпустивъ его отъ себя въ первый разъ въ жизни), и снарядила такъ великолѣпно, что онъ явился, точно какъ удѣльный принцъ. Польскій Король принялъ его очень милостиво, убѣдившись, что смѣха достоинъ не онъ, а что смѣшна мать его, и онъ смѣшонъ только при ней. Онъ даже

нашелся передъ Королемъ. «Привѣтствую (witam) васъ, какъ равнаго!» сказалъ Король, при первой встрѣчѣ.—«Наияснѣйшій Король,» отвѣчалъ Онюховскій: «по шляхетству мы *были* равны, и по смерти *будемъ* равны, а теперь я царствую (króluie) только въ сердцѣ моей матери!» Всѣ удивились этому отвѣту. Но я уже сказалъ, что онъ былъ уменъ отъ природы, и умъ его былъ только угнетенъ тяжестью материнскихъ предразсудковъ и предубѣжденій.

Прабабушка моя, пани Онюховская, одарена была удивительною, рѣдкою, непостижимою памятью, и помнила не только все происходившее въ ея дѣтствѣ и молодости, но даже и то, что произвело на нее сильное впечатлѣніе въ теченіе всей жизни. Она была по двѣнадцатому году отъ рожденія, когда Шведскій Король Карлъ XII проходилъ съ войскомъ изъ Сморгонь въ Борисовъ, въ 1708 го-

ду (*). Ровно черезъ *сто* лѣтъ послѣ этого событія, когда я былъ у нее въ 1807 году, она разсказывала мнѣ про Карла XII, который нѣсколько дней квартировалъ въ домѣ ея родителей, какъ будто она видѣла его наканунѣ. Вотъ разсказъ ея, хотя и не слово въ слово.

«Когда родители мои узнали, что Шведское войско идетъ въ Россію на Молодечно, они хотѣли выѣхать внутрь края, и выслать всѣ дорогія вещи, потому что имѣніе наше лежало на большой дорогѣ въ Борисовъ, а Шведы были ужасные грабители. Въ манифестахъ Шведы называли себя нашими *пріятелями* и защитниками, а обдирали до послѣдней нитки. Руссkіе также называли себя нашими друзьями и защитниками, и тоже не щадили насъ. Наши Поляки,

(*) Этимъ самымъ путемъ проходилъ Наполеонъ, съ своимъ несчастнымъ войскомъ, отъ Березины до Вильны, въ 1812 году.

придерживаясь то партіи Станислава Лещинскаго, то партіи Августа II, т. е. то Шведа, то Москаля, разоряли насъ не хуже чужихъ. Время было тяжелое, и только благость Божія удержала тогда отъ погибели край, открытый для всѣхъ и каждаго, какъ заѣздная корчма! Всѣ наши дорогія вещи уже уложены были на фуры, и мы ждали только извѣстія о приближеніи Шведовъ, чтобъ выѣхать, оставивъ домъ напроизволъ судьбы. Пріятель отца моего, панъ Волловичъ, находившійся при Королѣ Шведскомъ, прислалъ нарочнаго съ извѣстіемъ, что въ нашемъ домѣ назначена квартира для Карла XII. — «Король, вѣрно, не ограбитъ насъ,» сказалъ мой отецъ, «а напротивъ, защититъ. Зачѣмъ намъ таскаться по чужимъ домамъ: останемся!» Мать моя согласилась, и мы остались. Родители мои приготовили комнаты, велѣли даже обить мебель въ двухъ комна-

тахъ новымъ бархатомъ и адамашкомъ (старинною шелковою тканью, весьма прочною), запаслись лучшими съѣстными припасами и винами, и ждали гостя, хотя и не весьма спокойно. Наконецъ, намъ дали знать, что Шведы уже приближаются, и къ вечеру пріѣхали къ намъ двадцать четыре человѣка трабантовъ съ офицеромъ, который поставилъ у воротъ двухъ конныхъ часовыхъ, а на воротахъ вывѣсилъ большой желтый флагъ съ Шведскимъ гербомъ, въ знакъ того, что здѣсь королевская квартира. Для трабантовъ и офицера отвели комнаты во флигелѣ, но Шведы не хотѣли занять ихъ, и провели ночь среди двора, возлѣ огня, и даже не разсѣдлывали лошадей, хотя ночи были еще довольно холодны, потому что это было въ половинѣ Марта, а зима того года была продолжительная. Всю ночь вокругъ дома и по дорогѣ безпрестанно разъѣзжали трабанты и подавали сигна-

лы, крича изъ всей силы, не давая намъ уснуть. Со свѣтомъ потянулось войско Шведское мимо нашего дома, и при видѣ королевскаго знамени били въ барабаны. Полка два пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ конницы остановились за нашимъ гумномъ лагеремъ, а въ самомъ гумнѣ помѣстились офицеры. Матушка, я и двѣ покойныя мои сестры принарядились; отецъ надѣлъ свой парадный кунтушъ, и мы не отходили отъ окна, чтобъ встрѣтить Короля у крыльца. Около полудня въѣхали во дворъ два Шведскіе офицера, а за ними конный солдатъ. «Неужели это адъютанты Шведскаго Короля, такъ бѣдно одѣтые?» замѣтилъ отецъ мой. Офицеры слѣзли съ лошадей и вошли въ переднюю, а потомъ въ залу, окнами въ садъ; ихъ встрѣтилъ маршалекъ нашего дома (мажоръ-домъ), потому что всѣ мы были въ столовой, окнами на дворъ. Маршалекъ доложилъ батюш-

кѣ, что офицеры спрашиваютъ хозяина дома. Мы всѣ перешли въ залу, приказавъ служанкѣ дать знать, когда Король въѣдетъ въ ворота.—«Вы ли хозяинъ дома?» спросилъ вѣжливо, по-Нѣмецки, офицеръ помоложе другаго. — «Къ вашимъ услугамъ; что вамъ угодно?» отвѣчалъ отецъ. — «Здѣсь королевская квартира: укажите, пожалуйста, комнаты Короля,» примолвилъ офицеръ. «Весь мой домъ и все, что въ немъ, къ услугамъ Его Величества,» возразилъ мой отецъ.— «Для него довольно и одной комнаты,» отвѣчалъ офицеръ; «а комнаты двѣ прошу я для канцеляріи, для королевскаго министра и для двухъ адъютантовъ.» — «Распоряжайтесь какъ вы знаете — весь домъ мой принадлежитъ Его Величеству!» отвѣчалъ батюшка. «Но позвольте узнать, скоро ли Король прибудетъ, чтобъ встрѣтить его, какъ подобаетъ, у крыльца?» Офицеръ улыбнулся: «Вы уже его встрѣ-

тили, и гораздо покойнѣе для васъ и для него — я Король!» — Мы остолбенѣли. Отецъ мой хотѣлъ извиниться, но не нашелъ словъ, и только кланяясь провелъ его въ парадныя комнаты. Какъ теперь вижу его передъ собою, этого страшнаго Короля, о которомъ написали столько книгъ! Въ три дня я насмотрѣлась на него въ волю. Онъ напугалъ весь свѣтъ, а самъ былъ смиренъ, какъ ягненокъ, скроменъ, какъ монахиня. Онъ былъ довольно высокаго роста, тонокъ и поджаръ. Лице у него было маленькое, совсѣмъ не соразмѣрное цѣлому туловищу и даже головѣ. Красавцемъ онъ не былъ; нельзя однакожъ сказать, чтобъ онъ былъ дуренъ лицемъ, хотя былъ рябоватъ. За то темноголубые глаза блестѣли какъ алмазы. Тогда всѣ, носившіе Нѣмецкое платье, покрывали голову огромными париками, что нашимъ Полякамъ казалось и смѣшно, и неприлично;

но Король Шведскій не носилъ парика. Волосы у него были каштановаго цвѣта (*), легко напудренные, остриженные коротко и взбитые или взъерошенные вверхъ, а съ тыла связанные въ небольшую косу. Онъ казался очень моложавымъ (**). Онъ всегда былъ въ синемъ мундирѣ съ желтымъ подбоемъ и краснымъ воротникомъ, въ желтомъ лосинномъ нижнемъ платьѣ и огромныхъ сапожищахъ съ пребольшими шпорами. Палашъ его, лосинныя перчатки, доходившія до локтей, сапоги и шпоры были

(*) На многихъ портретахъ и въ кабинетахъ восковыхъ фигуръ, Карла XII изображаютъ *бѣлокурымъ* и небольшаго роста. Оставляю въ подлинникѣ разсказъ прабабушки, въ справедливости котораго удостовѣрился, во время путешествія моего въ Швецію. Въ домѣ Графа Брагге я видѣлъ портретъ Карла XII съ каштановыми волосами.

(**) Ему тогда былъ 26-й годъ отъ роду; родился онъ въ 1682 году, въ Іюнѣ.

вовсе не по его росту, и мы, дѣвицы, насмѣхались надъ этимъ Голіаѳовскимъ вооруженіемъ. Шляпу носилъ онъ маленькую, безъ галуна, да и во всемъ его нарядѣ не было на одинъ шелягъ золота или серебра. Родители мои безпрестанно говорили намъ: «Разсматривайте Короля! Это великій мужъ, какъ наши Янъ Собіескій и Стефанъ Батори!» Отецъ мой, не любя Нѣмцевъ, весьма уважалъ Карла XII за то, что онъ выгналъ Короля Августа II изъ Польши, и посадилъ на престолъ шляхтича, Станислава Лещинскаго.

«Чрезъ часъ пріѣхали двѣ коляски и двѣ крытыя фуры съ людьми королевскими. Съ этимъ обозомъ прибыли королевскій министръ (*) и другой адъютантъ. Между королевскими людьми былъ

(*) Графъ Пиперъ, попавшійся въ плѣнъ въ сраженіи подъ Полтавой.

и переводчикъ, и мать моя чрезъ него стала распрашивать камердинера, какое кушанье Король болѣе любитъ. — «Всякое жареное мясо, свинину и дичь, отвѣчалъ камердинеръ; изъ зелени шпинатъ, а изъ приправъ *петрушку и руту*. Свѣжихъ фруктовъ теперь нѣтъ, но если у васъ есть лимоны, положите передъ нимъ на столъ: Король очень любитъ ихъ.» — «А какое вино пьетъ Король?» спросила матушка. – «Ни какого!» отвѣчалъ камердинеръ: «Король не пьетъ даже пива; онъ пьетъ одну воду.» — У насъ всего было въ запасѣ; матушка умѣла даже сохранять цѣлый годъ свѣжіе яблоки.—Обѣдъ былъ готовъ въ два часа, и матушка спросила у камердинера, на сколько особъ прикажетъ Король накрывать столъ. Камердинеръ доложилъ Королю, и потомъ объявилъ матушкѣ, что Король будетъ кушать за однимъ столомъ со всѣмъ нашимъ семействомъ.

Это всѣхъ насъ обрадовало, и отецъ сожалѣлъ, что братьевъ моихъ не было дома; они тогда были въ Вильнѣ, въ школѣ. Я не спускала глазъ съ Короля во время стола. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ, и особенно ему понравилась голова дикаго кабана (la hure) въ студенѣ. Онъ ѣлъ охотнѣе *жирное*, и вообще употреблялъ *много хлѣба.* Во время обѣда, онъ расспрашивалъ батюшку о положеніи края, и сказалъ, между прочимъ, что война скоро кончится, и онъ дастъ средства Королю Станиславу Лещинскому вознаградить Польшу за все, ею претерпѣнное. — Передъ обѣдомъ пріѣхали къ Королю три генерала, которыхъ батюшка упросилъ остаться съ нами откушать, и они также помѣстились за общимъ столомъ. Всѣ Шведы порядочно пили вино, похваливали его, и нисколько не стѣснялись присутствіемъ Короля. Но онъ пилъ одну воду, жевалъ безпрестанно хлѣбъ,

и не обращалъ на другихъ вниманія. Съ нами, т. е. съ женщинами, онъ не промолвилъ ни словечка, и только сказалъ комплиментъ матушкѣ, на счетъ ея хозяйства, когда узналъ, что яблоки изъ нашего сада. На другой день камердинеръ сказалъ матушкѣ, что Король всѣмъ очень доволенъ, но проситъ, чтобъ за столомъ было не болѣе четырехъ блюдъ, и чтобъ обѣдъ продолжался не больше четверти часа. На ужинъ Король пилъ стаканъ сладкаго молока, *примѣшавъ въ него соли*, и съѣдалъ большой кусокъ хлѣба. – Все утро онъ проводилъ за бумагами. Камердинеръ сказалъ намъ, что Король для того только и остановился у насъ на трое сутокъ, чтобъ написать бумаги, которыя съ нарочнымъ должно отослать въ Швецію. Послѣ обѣда онъ прогуливался въ саду, по большой аллеѣ, съ своимъ министромъ, а мы разсматривали его изъ бесѣдки. – Отъѣз-

жая, Король изъ своихъ рукъ подарилъ отцу моему золотую табакерку съ своимъ вензелемъ изъ алмазовъ, и велѣлъ заплатить за все забранное для его людей и лошадей. Отецъ мой обидѣлся этимъ, и сказалъ адъютанту, что онъ шляхтичъ, а не трактирщикъ, и *угощаетъ* Короля, а *не торгуетъ* съѣстными припасами и фуражемъ. — Когда мы узнали о несчастіи Карла подъ Полтавой, мы душевно сожалѣли о немъ, хотя и не теряли надежды, что онъ еще поправится, а когда къ намъ пришло извѣстіе о его смерти — мы всѣ плакали!»

«Видала я также и соперника Карла, Московскаго Царя Петра, примолвила прабабушка: «это было въ 1711 году, также въ половинѣ Марта. Въ Слуцкѣ стоялъ Русскій Фельдмаршалъ Шереметевъ (прабабушка называла его *Шереметъ*), и мы пріѣхали со всѣмъ семействомъ въ Слуцкъ, чтобъ просить у него

залоги, потому что его казаки и разные дикіе народы, Башкиры и Калмыки, производили страшные грабежи. Въ это время разнеслась вѣсть, что самъ Царь будетъ въ Слуцкѣ, вмѣстѣ съ женою своею, которую тогда *впервые* назвали Царицею. — Въ Польшѣ говорили, что новая Царица родомъ Польская шляхтянка, изъ фамиліи, оставшейся въ Лифляндіи отъ времени Сигизмунда, и въ послѣдствіи обѣднѣвшей. Всѣ наши дамы весьма любопытствовали видѣть Царицу, и подговорили мужей своихъ дать балъ для Царя. Для этого убрали огромную залу на Радзивиловской поясной фабрикѣ. (*) и приготовили великолѣпное угощеніе. Царь прибылъ съ Царицею и своими генералами и офицерами. Онъ

(*) Эта фабрика Польскихъ поясовъ давно уничтожена. Такой разноцвѣтной парчи я не видывалъ нигдѣ, какую выдѣлывали на этой фабрикѣ. Мастеръ былъ родомъ изъ Турціи.

былъ великанъ ростомъ, молодецъ собою и красавецъ, съ черными усами и орлинымъ взглядомъ, только огромный парикъ весьма вредилъ его красотѣ. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, и казался ловокъ и развязенъ. Говорилъ онъ громко, шутилъ и смѣялся. Ему было уже подъ сорокъ лѣтъ, но по лицу онъ казался моложе. Меня весьма удивило, что и у Царя, точно какъ и у его соперника, Карла, лице, по росту, казалось *несоразмѣрно малымъ*. Царица была очень недурна собою, съ большими черными глазами и прелестными плечами, бѣлыми какъ снѣгъ. Она была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ малиновымъ бархатнымъ верхомъ, впереди разстегнутымъ и съ шлейфомъ, и вся въ алмазахъ и въ жемчугахъ. Волосы были напудрены, и надъ высокою прическою была маленькая алмазная корона. Она говорила изрядно по-Польски, хотя и примѣшивала Рус-

скія слова, но по-Нѣмецки объяснялась хорошо. Царь Петръ, увидѣвъ меня, подошелъ ко мнѣ, и похваливъ мой ростъ, спросилъ, сколько мнѣ лѣтъ, а потомъ примолвилъ, что если я хочу итти замужъ, то онъ доставитъ мнѣ жениха по моему росту. Потомъ подозвалъ гренадерскаго офицера, такого же великана, какъ и онъ самъ, и представилъ его мнѣ. Понимая шутку, я отвѣчала, что напротивъ, я хочу маленькаго мужа. – «Чтобъ держать въ рукахъ. не правда ли?» сказалъ Царь улыбаясь. «Ой, вы, Польки!» - Съ этимъ онъ оставилъ меня. — Царь и Царица танцовали польскій и остались ужинать. За столомъ Царь пилъ вино изъ большаго покала, за здравіе Короля Польскаго Августа II и за благоденствіе республики, называя себя другомъ ея, и былъ весьма фамиліаренъ съ Поляками. Наши пили за здоровье Царя, Царицы и Русскаго войска. Одинъ изъ

нашей шляхты, выпивъ порядкомъ, сказалъ, что если бъ онъ дожилъ до выборовъ, то далъ бы голосъ на избранiе Царя въ Короли Польскiе, что весьма ему понравилось, и онъ провозгласилъ тостъ за здоровье Польской шляхты. Потомъ провозглашены были тосты за здоровье дамъ, и наконецъ нашъ знаменитый народный тостъ: *kochaymy sie* (*). — Когда всѣ встали при этомъ, по старинному обычаю, и начали обниматься и цѣловаться, Царь также цѣловался и обнимался со всѣми. Разъѣхались по домамъ поздно, и всѣ мужчины уже порядочно навеселѣ. Наши Поляки весьма полюбили Царя за его популярность, что̀ именно въ нашемъ народномъ духѣ, и жаловались ему на любимца его, Князя Меньшикова, который не отличался безкорыстiемъ, и забралъ всѣ драгоцѣнно-

(*) т. е. будемъ любить другъ друга, или будемъ дружны.

сти даже у Пани Огинской, тетки Пана Огинскаго, самаго сильнаго Царскаго приверженца, воевавшаго за него противу Шведовъ. Царь сказалъ, что все зло дѣлается противъ его воли, и что Меньшикову не пройдетъ это даромъ, а Пани Огинская получитъ обратно все у нея взятое. — Царь съ Царицею пробыли въ Слуцкѣ пять дней, и я видѣла его ежедневно на улицахъ и въ домѣ Пана Хлевинскаго. Безъ большаго парика онъ былъ красавецъ. Онъ узналъ меня при первой встрѣчѣ, послѣ бала, и повторилъ свою шутку, утверждая, что я должна быть непремѣнно его гренадершей, т. е. женою его исполинскаго капитана. Но все же скромный и задумчивый Карлъ мнѣ больше нравился!...»

Хотя Петру Великому и не удалось выдать замужъ моей прабабушки за саженнаго гренадера, но въ домѣ ея была настоящая гренадерская субординація.

Она страстно любила вышиваніе по канвѣ и въ тамбурѣ, и будучи уже не въ состояніи сама работать, находила наслажденіе въ руководствѣ работами, и имѣла въ домѣ своемъ родъ мануфактуры. Болѣе двадцати крѣпостныхъ дѣвушекъ, съ полдюжины сиротъ и воспитанницъ и нѣсколько бѣдныхъ шляхтяночекъ ежедневно занимались вышиваніемъ ковровъ и обоевъ. Всѣ стѣны и всѣ мебели въ ея домѣ обиты были превосходнѣйшимъ шитьемъ, едва ли уступающимъ Гобеленовымъ обоямъ. Этихъ ковровъ и обоевъ она никогда не продавала, но не только роднымъ, а даже и значительнымъ людямъ, не по ихъ силѣ, а по ея выбору, и самому Королю Польскому посылала она въ подарокъ свои издѣлія, которыя высоко цѣнились знатоками. На выписываніе рисунковъ она не жалѣла денегъ. На большихъ стѣнныхъ коврахъ рисунки изображали бит-

вы, охоту; фигуры были въ натуральный ростъ. На старинныхъ массивныхъ мебеляхъ, надъ дверьми, надъ окнами и даже на печахъ и на всей домашней посудѣ и утвари были вырѣзаны или нарисованы гербы нашей фамиліи. Въ портретной залѣ была коллекція портретовъ нашихъ предковъ съ XVI вѣка. Словомъ, это былъ въ полномъ смыслѣ домъ историческій, и еслибъ Литва имѣла своего Вальтеръ-Скотта, то Русиновичи и вотчинница этого имѣнія непремѣнно играли бы роли въ историческомъ романѣ.

Обычаи въ Русиновичахъ также принадлежали къ исторіи. Русское: *бью челомъ* и Польское: padam do nog (т. е. *упадаю къ ногамъ вашимъ*) не суть пустыя выраженія, или одни комплименты. Вездѣ, встарину, бѣдный и слабый бросались къ ногамъ богатаго и сильнаго, и *били предъ ними челомъ въ землю, какъ*

это и до сихъ поръ ведется на Востокѣ и между крестьянами въ Россіи и Польшѣ. И теперь еще, даже у богатыхъ купцевъ и дворянъ Русскихъ, придерживающихся старины, молодая пара, передъ вѣнцемъ, бросается въ ноги родителямъ, и проситъ благословенія. Въ Польшѣ, въ прошломъ вѣкѣ, всѣ родные *въ нисходящей линіи* должны были падать на колѣни предъ старшими родными, и цѣловать ноги родителей. У моей прабабушки, пани Онюховской, этотъ обычай велся до ея смерти. Когда мы пріѣхали къ ней, она сидѣла въ большихъ креслахъ. Мои родители и сестра пали къ ногамъ ея, заставивъ и меня сдѣлать то же, и она протянула ногу, которую мы поцѣловали. Потомъ она приказала намъ встать, и дала обѣ руки для облобызанія, и уже послѣ этой операціи приподнялась съ креселъ, поцѣловала всѣхъ насъ въ лице, благословила и ве-

лѣла родителямъ моимъ сѣсть, а мнѣ и сестрѣ стать возлѣ ея кресełъ.

Отецъ мой разсказалъ ей обо всемъ случившемся съ нами, не забывъ и того, что всѣ вещи наши остались въ рукахъ наѣздниковъ, и что мы имѣемъ только то, что на насъ. Прабабушка не сказала въ отвѣтъ ни слова, а только покачала головою. Мы пріѣхали утромъ. — «Ступайте же въ ваши комнаты, и отдохните,» сказала прабабушка: «а я займусь хозяйствомъ.» Любимая ея дѣвка отвела насъ въ назначенныя намъ комнаты, и тотчасъ явился поваръ, чтобъ распросить о любимыхъ блюдахъ каждаго изъ насъ. Чрезъ часъ лакеи внесли къ намъ кипы. Тутъ былъ холстъ, батистъ, шелковыя матеріи въ кускахъ, кружева, платки, даже сукно. Не забыты были и ковры. По старопольскому обычаю, все это надлежало имѣть въ запасѣ въ порядочномъ домѣ. При каждой покупкѣ земныхъ про-

изведеній у помѣщика, купецъ, по обычаю, долженъ былъ дарить хозяйку и, кромѣ того, на каждой ярмаркѣ покупались новые товары, хотя безъ нужды, чтобъ только купить что нибудь, и оттого кладовыя въ домахъ были полны. По счастію, во время послѣдней войны, начальникъ войскъ Русскихъ, человѣкъ образованный, узнавъ, что моя прабабушка лично знала Петра Великаго, нарочно ѣздилъ къ ней, и изъ уваженія къ памяти великаго мужа, хотѣвшаго сдѣлать ее своею гренадершею, далъ ей залогу и охранительный листъ, и домъ ея остался неприкосновеннымъ. Любимая служанка прабабушки объявила, что барыня проситъ насъ принять все это *на первый случай*.

Мнѣ ужасно хотѣлось побѣгать въ саду, но отецъ мой сказалъ, что здѣсь нельзя гулять въ саду безъ особаго позволенія хозяйки. Всѣ находившіеся подъ кры-

шею дома должны были сообразоваться съ волею хозяйки; таковъ былъ старинный обычай! Пей, ѣшь, спи и прогуливайся не когда хочешь, а когда велятъ! Каждый былъ въ своемъ домѣ властелиномъ, а въ чужомъ домѣ подданнымъ.

Насъ позвали къ обѣду, и родители мои снова хотѣли повторить обрядъ колѣнопреклоненія, но прабабушка не допустила до этого; довольно было и одного раза! Изъявленіе благодарности моихъ родителей она выслушала хладнокровно, и отвѣчала только пословицею, соотвѣтствующею Русской поговоркѣ: «свой своему поневолѣ другъ.» Всѣ кушанья стояли на столѣ, по старинному обычаю. Обыкновенныя кушанья, для всѣхъ, были въ серебряныхъ крытыхъ блюдахъ, а кромѣ того передъ каждымъ гостемъ и передъ сыномъ прабабушки, *королемъ*, стояли маленькіе красивые гор-

шечки и кастрюльки съ отборнымъ кушаньемъ, по вкусу каждаго. Прабабушка сама указала намъ мѣста: по правую руку посадила матушку, по лѣвую своего *короля*, за матушкою меня и сестру, а возлѣ своего *короля* отца моего. Далѣе сидѣли панны (т. е. шляхтянки, служащія въ домѣ) и поживальницы или резидентки, коммиссаръ, экономъ и нѣсколько бѣдныхъ шляхтичей, пріѣхавшихъ съ почтеніемъ или за дѣломъ. Передъ мужчинами стояли кружки съ пивомъ. При концѣ обѣда, лакей поднесъ отцу моему бокалъ Венгерскаго вина. За столомъ всѣ молчали и только отвѣчали на вопросы хозяйки. Послѣ обѣда я пошелъ гулять въ садъ, съ *королемъ*. Онъ хотя уже тогда былъ въ возрастѣ, однако жъ игралъ со мною какъ ребенокъ, и пускалъ воздушный змѣй. Онъ былъ близорукъ, оттого что въ дѣтствѣ его держали въ комнатахъ, закрытыхъ занавѣсами, чтобъ

не испортить зрѣнія; притомъ онъ сильно заикался.

Пріѣхалъ нашъ адвокатъ изъ Минска, и сказалъ, что при просьбѣ надлежало представить списокъ всѣмъ вещамъ, оставленнымъ въ Маковищахъ, т. е. всей движимости, съ примѣрною оцѣнкою ея. Родители мои и сестра Антонина занялись этимъ, и на другой день отъ всѣхъ представлены были адвокату списки, изъ которыхъ онъ долженъ былъ сдѣлать общій сводъ. Къ общей повѣркѣ списковъ призваны были наши слуги и служанки. Не могу забыть сцены, когда адвокатъ, начавъ читать списокъ, поданный матушкою, вдругъ бросилъ его на столъ съ своими очками, вскочилъ со стула и, отступивъ на шагъ, поднялъ руки съ удивленіемъ, воскликнувъ: «*гарнецъ жемчуга!*» — «Что это значитъ?» спросилъ батюшка. — «Тутъ написано, что у вашей супруги былъ *цѣлый гарнецъ жемчуга*,

не въ дѣлѣ, а просто какъ горохъ въ мѣшкѣ!» сказалъ адвокатъ. — Отецъ мой посмотрѣлъ съ удивленіемъ на матушку, и сказалъ: «Объ этомъ я ничего не знаю, и теперь впервые слышу!» - «Потому, что я объ этомъ никому не говорила, и хранила этотъ жемчугъ, какъ послѣднюю помощь, въ случаѣ несчастія. Анна!» примолвила матушка, обращаясь къ моей нянькѣ, (самой вѣрной изъ всѣхъ слугъ и ея молочной сестрѣ, т. е. дочери ея кормилицы): «помнишь ли тотъ мѣшокъ, который мы зарывали съ тобою въ землю, ночью, подъ большимъ дубомъ, возлѣ пруда, когда разнеслись вѣсти, что наши снова будутъ воевать съ Русскими?» — «Какъ не помнить, сударыня,» отвѣчала нянька: «вѣдь это было въ третьемъ году; мѣшокъ былъ желтый, сафьянный, точно такой, въ какихъ для барина привозятъ курительный табакъ, а вырыли мы его только нынѣшнею весною.»—

«Это былъ мѣшокъ съ моимъ жемчугомъ, даннымъ мнѣ братьями моими въ приданое, при второмъ моемъ замужствѣ,» сказала матушка. – Адвокатъ покачалъ головою, и возразилъ: «Помните, что въ этомъ вы должны *присягнуть.*» — «Присяга не страшна въ правомъ дѣлѣ; я и братья мои присягнемъ, что у меня былъ *цѣлый гарнецъ жемчуги!*» — «Какъ угодно,» сказалъ адвокатъ, сѣвъ на свое мѣсто. Отецъ мой надѣлъ шапку, и вышелъ на крыльцо, взявъ меня за руку. Онъ смотрѣлъ вверхъ и посвистывалъ, а это означало, что онъ недоволенъ. Онъ не сомнѣвался въ истинѣ показанія матушки, но ему досадно было, что она передъ нимъ скрывала это.

Когда прабабушка узнала объ этомъ *гарнцѣ жемчуга*, она ни мало не усомнилась, и сказала: «Если бъ изъ дома Бучинскихъ данъ былъ и цѣлый корецъ жемчуга, то я бы не удивилась, зная, что

этотъ домъ изстари славился богатствомъ и порядкомъ, а что Анѣля (имя моей матушки) не сказала объ этомъ моему пану Венедикту, за это похваляю ее. Знаю я хорошо его девизъ: день мой—вѣкъ мой, сегодня жить, а завтра гнить!» — Въ самомъ дѣлѣ, отецъ мой повторялъ это, когда его упрекали въ излишней щедрости и хлѣбосольствѣ.

Проживъ нѣсколько дней въ Русиновичахъ, мы отправились въ Минскъ. Передъ отъѣздомъ повторились колѣнопреклоненіе, цѣлованіе въ ногу и въ руки и благословенія. Прабабушка дала моей матери кожаный мѣшечекъ со ста червонцами, завязанный и запечатанный; сестрѣ подарила десять червонцевъ, а мнѣ одинъ червонецъ, на конфекты. Отца моего она только погладила по головѣ, и сказала: «Живи скромнѣе!» — Когда мы усѣлись въ коляску, отецъ ощупалъ подъ ногами мѣшокъ; онъ приподнялъ его;

мѣшокъ былъ съ рублями и съ надписью: «500 рублей.»

Мои родители не могли надивиться щедрости прабабушки: она весьма рѣдко дарила деньгами родныхъ, и подарокъ ея никогда не превышалъ ста злотыхъ Польскихъ. Видя насъ въ несчастномъ положеніи, она отступила отъ своего правила. Фамильная гордость восторжествовала надъ всѣми чувствами и правилами. Она даже не одобряла смиренія отца моего, и сказала, что надлежало пустить пулю въ лобъ дерзкому, осмѣлившемуся безпокоить шляхтича въ его домѣ! Таковы были Польскія женщины встарину. Онѣ поджигали мужей и сыновей своихъ на битвы.

Прибывъ въ Минскъ, матушка подала просьбу, съ приложеніемъ инвентаря оставшихся въ Маковищахъ вещей, и чрезъ недѣлю уѣхала со мною и съ сестрою въ Бѣлоруссію, къ своимъ род-

нымъ, а отецъ мой остался лечиться у доктора Марбурга, въ Минскѣ.

Въ Могилевской Губерніи, въ Оршанскомъ Уѣздѣ, жилъ близкій родственникъ матушки, Викентій Кукевичъ, Маршалъ (Дворянскій Предводитель) Оршанскій, въ имѣніи своемъ, называемомъ *Высокое* (принадлежащемъ нынѣ Князю Любомирскому). Кукевичъ былъ холостъ и уже болѣе нежели въ среднемъ возрастѣ. Это былъ самый честный и благородный человѣкъ, какой только можетъ быть между людьми, но имѣлъ нѣкоторыя непостижимыя странности. Онъ любилъ уединеніе, и проводилъ большую часть дня или въ своей комнатѣ, или въ полѣ, въ лѣсу, *въ разговорахъ съ самимъ собою*. Мы нѣсколько разъ смотрѣли съ сестрою въ замочную скважину, чтобъ узнать, чѣмъ онъ занимается. Онъ ходилъ по комнатѣ сперва тихо, потомъ шибко, говорилъ громко, щелкалъ паль-

цами, смѣялся, хохоталъ взявшись за бока, садился, кланялся, шаркалъ, потомъ пѣлъ и наконецъ, уставъ, ложился, а отдохнувъ, являлся въ общество, какъ будто ничего не бывало; былъ чрезвычайно любезенъ, снисходителенъ и вѣжливъ со всѣми. Онъ былъ въ одно время опекуномъ Князей Любомирскихъ и племянницы своей, богатой сироты Куровской, которая и воспитывалась въ его домѣ. Рѣшено было, чтобъ сестра моя и я остались въ домѣ Кукевича, сестра для бесѣды и надзора за родственницею Куровскою, а я для моего воспитанія. Отецъ мой, хотя неохотно, но согласился на это, намѣреваясь пріѣхать къ намъ. Въ домѣ Кукевича проживало цѣлое семейство филолога, занимавшагося воспитаніемъ дѣтей въ домахъ. Онъ назывался Цыхра. Старикъ былъ человѣкъ ученый и превосходный музыкантъ, нрава кроткаго, характера веселаго. Сынъ его Лудо-

викъ, немного старѣе меня, былъ въ послѣдствіи знаменитымъ виртуозомъ на гитарѣ. Старшій сынъ преподавалъ уроки исторіи, географіи и ариѳметики. Старикъ Цыхра, человѣкъ чрезвычайно добрый и ласковый, полюбилъ меня какъ родное дитя, и умѣлъ возбудить во мнѣ, мало сказать охоту, нѣтъ, страсть къ ученію. Подъ его руководствомъ и чтобъ ему нравиться, я оказывалъ удивительные успѣхи въ языкахъ и въ музыкѣ, а исторію и географію полюбилъ до того, что меня надлежало силою отрывать отъ книгъ, географическихъ картъ и глобусовъ. Много, весьма много, чтобъ не сказать *все*, зависитъ отъ учителя, отъ его усердія, отъ его характера и отъ обращенія съ дѣтьми. Глубокая ученость въ учителѣ не принесетъ пользы, если онъ не обладаетъ искусствомъ передавать своихъ познаній, дѣлать ихъ понятными для дѣтей, и если не умѣетъ при-

вязать къ себѣ дѣтей, не можетъ заставить ихъ полюбить науку, возбудить въ нихъ жажду познаній, представить науку въ занимательномъ видѣ. Хорошихъ учителей весьма мало на свѣтѣ, и оттого такъ мало успѣховъ въ наукахъ, вообще во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Обучаютъ по должности, учатся по-неволѣ, Учитель будто стыдится своего званія, чуждается своихъ занятій, и требуетъ, чтобъ его почитали чиновникомъ; ученики помышляютъ не о наукахъ, а объ экзаменѣ и чиновничествѣ!... Добрый мой Цыхра! Прими и за гробомъ дань моей благодарности. Ты былъ образецъ учителей, учитель, какихъ я мало встрѣчалъ въ жизни!... Боюсь сказать, что вовсе не встрѣчалъ. Все твое честолюбіе, почтенный мой наставникъ, и наслажденіе сосредоточивались въ успѣхахъ, которые дѣлали въ наукахъ и музыкѣ дѣти твои и мы, твои воспитанники...

Между тѣмъ процесъ кипѣлъ въ Минскѣ. — Отецъ мой былъ нелюбимъ многими, изъ такъ называемыхъ, *выскочекъ* (parvenus) и новыхъ богачей, составившихъ себѣ состояніе карточною игрою, торговлею совѣсти, грабежемъ народнаго достоянія въ общемъ замѣшательствѣ края, или обкрадываніемъ Польскихъ вельможъ, при управленіи ихъ дѣлами и вотчинами. Особенно оскорбилъ онъ одного новаго богача, на послѣднихъ сеймикахъ (дворянскихъ выборахъ), желавшаго быть дворянскимъ маршаломъ.— «Если вы выкопаете изъ могилы его дѣда, сказалъ отецъ мой шляхтѣ: «то на его черепѣ еще найдете *ермолку*!» — Я уже сказывалъ о снятомъ парикѣ. — Нѣкто, разбогатѣвшій въ службѣ Князя Карла Радзивила, игралъ уже важную роль и занималъ какое-то мѣсто въ службѣ. Онъ обошелся слишкомъ фамиліярно съ отцемъ моимъ, въ большомъ обще-

ствѣ, въ присутствіи Губернатора Тутолмина. — «Мы часто видались съ вами въ домѣ Князя Карла Радзивила,» сказалъ свысока, отцу моему, новый богачъ. — «Правда,» отвѣчалъ отецъ мой: «присматриваясь къ порядку въ домѣ Князя Радзивила, я иногда заглядывалъ и въ кухню, и въ конюшню, и въ лакейскую!» Этого не могъ никогда забыть оскорбленный выскочка! Словомъ, отецъ мой часто говорилъ горькія истины въ глаза, и за чванство наказывалъ жестокими эпиграмами. Теперь все это обрушилось на него, и за него — на матушку! — Процесъ принялъ дурное направленіе, особенно послѣ отъѣзда въ Петербургъ Тутолмина. На его мѣсто назначенъ Губернаторомъ въ Минскъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ К***, человѣкъ добрый и правосудный, но не знавшій ни Польскаго языка, ни Польскихъ законовъ, ни Польскаго порядка сдѣлокъ. На

первыхъ порахъ онъ невольно долженъ былъ увлечься, какъ говорится, теченіемъ, которому новые люди, прильнувшіе къ Правительству, давали направленіе. — *Гарнецъ жемчуга*, о которомъ никто не зналъ въ домѣ, ни мужъ, ни дѣти, послужилъ предметомъ къ шуткамъ, насмѣшкамъ и наконецъ къ обвиненію матушки въ *кривоприсяжествѣ!* Ее отдали подъ уголовный судъ, и къ дому ея приставили часовыхъ. Примѣръ единственный и небывалый съ Польскою дамою!

Лишь только сестра Антонина узнала это, немедленно отправилась къ дядямъ нашимъ, роднымъ братьямъ матушки, Крайчему и Президенту Главнаго Витебскаго Суда Бучинскому, и объявила намѣреніе свое ѣхать немедленно въ Петербургъ, броситься къ ногамъ Государя и просить правосудія. Дяди снабдили ее деньгами, а Кукевичъ вызвался прово-

жать ее. Они немедленно пустились въ дорогу, а я остался въ Высокомъ.

Черезъ два мѣсяца сестра моя прискакала на почтовыхъ въ Минскъ, съ указомъ объ освобожденіи матушки изъ-подъ ареста, и о возвращеніи ей Маковищъ въ закладное владѣніе, до разсмотрѣнія дѣла формою суда. Отецъ мой остался въ деревнѣ, для новаго устройства хозяйства, а матушка съ сестрою пріѣхали въ Высокое, навѣстили дядей, и взявъ меня съ собою, отправились въ Петербургъ, просить удовлетворенія за незаконный арестъ безъ выслушанія свидѣтелей и безъ разсмотрѣнія доказательствъ на счетъ *гарнца жемчуга*, и за несправедливое обвиненіе въ *клятвопреступствѣ*.

Никогда я такъ не плакалъ и не грустилъ, какъ разставаясь съ учителемъ моимъ Цыхрою. Насильно вырвали меня изъ его объятій и посадили, почти безъ

чувствъ, въ экипажъ. Старикъ также проливалъ слезы. Меня успокоили только обѣщаніемъ, что мы скоро возвратимся въ Высокое, и что я куплю въ городѣ новую трубку для Цыхры. — Родители, особенно матушка, нѣжили и баловали меня, угождая даже моимъ прихотямъ; но Цыхра умѣлъ занять мой умъ и овладѣть душею. Мнѣ хотѣлось *все* знать, и я безпрестанно мучилъ его вопросами: это зачѣмъ, это что такое — и старикъ объяснялъ мнѣ съ величайшимъ терпѣніемъ, сообразуясь съ моими лѣтами и понятіями; онъ никогда не показывалъ, что я ему надоѣдаю моею неотвязчивостью, а напротивъ, чрезъ нѣсколько дней спрашивалъ меня, помню ли я, что онъ мнѣ разсказывалъ и повторялъ объясненіе свое, если замѣчалъ, что я сбивался. Гдѣ вы найдете такого гувернера? Я прежде игралъ игрушками, а съ Цыхрой игралъ *наукою*, и пристрастился къ этой забавѣ.

Два впечатлѣнія остались въ моей памяти изъ нашего путешествія въ Петербургъ. Въ какомъ-то городишкѣ, кажется въ Суражѣ, гдѣ мы пробыли двое сутокъ, ожидая возвращенія человѣка, посланнаго съ письмомъ къ какому-то родственнику, квартировалъ полкъ или баталіонъ. Я видѣлъ ученье. На выгонѣ, за самою заставою, выстроенъ былъ баталіонъ въ одну шеренгу, и дѣлалъ ружьемъ пріемы, по флигельману, который *стоялъ на крышѣ* небольшаго сарая или бани. Для флигельмана устроена была платформа изъ досокъ. Полковникъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ фрунта въ креслахъ, и курилъ трубку. Нѣсколько офицеровъ стояли возлѣ него, и разговаривали съ нимъ, а Маіоръ командовалъ. Это остатки воинской дисциплины Екатерининскихъ временъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, уже никто не увидитъ. Въ Могилевѣ, гдѣ мы прожили цѣлую

недѣлю, потому что братья матушки пріѣхали къ ней нарочно для свиданія и совѣщанія, одинъ родственникъ повелъ меня въ Іезуитскую школу. Я удивился, увидя усатыхъ школьниковъ. Одного изъ этихъ усачей, профессоръ (какъ называли себя Іезуитскіе учители) поставилъ на колѣни. Возвратясь домой, я сказалъ матушкѣ: «Если ты отдашь меня къ Іезуитамъ — я убѣгу.» — «Куда?» спросила она. — «Въ Высокое, къ Цыхрѣ!» — «А если онъ тебя не приметъ?» — «Пойду въ солдаты,» отвѣчалъ я рѣшительно.

Въ Петербургѣ мы остановились у Осипа Антоповича Козловскаго, друга нашей фамиліи, бывшаго директоромъ театральной музыки. Онъ жилъ въ домѣ Льва Александровича Нарышкина, на Мойкѣ, противу Новой Голландіи, рядомъ съ домомъ, который занималъ самъ Левъ Александровичъ, гдѣ нынѣ Демидовскій Домъ Трудящихся. Тогда этотъ

домъ былъ храмомъ роскоши, гостепріимства и благотворенія, и какъ будто въ память прежняго благодѣтельнаго хозяина превращенъ въ богоугодное заведеніе! Разумѣется, у тогдашнихъ Русскихъ вельможъ въ домахъ не отдавались квартиры въ наемъ, и Осипъ Антоновичъ жилъ въ домѣ Нарышкина безвозмездно, занимая цѣлый этажъ.

VI.

Петербургъ за полвѣка предъ симъ — Наружный видъ столицы.—Общество.—Вельможи Двора Императрицы Екатерины II. — Быстрыя перемѣны и преобразованія въ Царствованіе Императора Павла Петровича. — Поляки въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ.— Опредѣленіе мое въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ.

Со времени кончины Императрицы Екатерины II, Петербургъ совершенне измѣнился, и въ наружномъ своемъ видѣ, и во внутреннемъ устройствѣ, и въ нравахъ и въ обычаяхъ. Только нѣкоторые памятники зодчества припоминаютъ прежнее — все прочее *новое* или *возобно-*

вленное. Все великолѣпіе города, за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, сосредоточивалось на набережной Невы и въ центрѣ его, въ окрестностяхъ Зимняго Дворца; но и въ этой части города было весьма немного высокихъ домовъ. Почти всѣ каменные домы были или двухъ-этажные или одно-этажные съ подземельемъ, т. е. жильемъ, углубленнымъ въ землю. Только на Невскомъ Проспектѣ, между Полицейскимъ и Аничковымъ мостами, въ двухъ Морскихъ и двухъ Милліонныхъ не было вовсе деревянныхъ домовъ, а во всѣхъ прочихъ улицахъ деревянные домы перемѣшаны были съ каменными, и вообще едва ли только не десятая часть домовъ были каменные. Но и прежніе каменные домы, въ теченіе этого времени, почти всѣ или перестроены, или надстроены, такъ что ихъ нельзя узнать. Многіе прежніе домы, почитавшіеся великолѣпными, вовсе сломаны, и на ихъ мѣ-

стѣ воздвигнуты новыя, огромныя зданія. Теперь на Невскомъ Проспектѣ изъ старыхъ домовъ остались въ прежнемъ видѣ: домъ Васильчикова, гдѣ Англійскій магазинъ (существующій на одномъ мѣстѣ болѣе полувѣка), домъ Коссиковскаго, у Полицейскаго Моста (бывшій домъ, *тогда новый*, Князя Куракина), домъ (pallazo) Графовъ Строгоновыхъ, домы Католической Церкви, Гг. Лубье и Меньшиковыхъ и Гостиный Дворъ. Всѣ прочіе домы приняли другой видъ или сломаны. На Италіянской Улицѣ, противу Михайловской Площади, съ одной стороны (съ правой), были частію каменные, а частію деревянные домы, а съ другой стороны улицы, во всю ея длину, была каменная стѣна (заборъ), ограждавшая дворцовый огородъ, принадлежавшій къ Лѣтнему Саду. На Литейной, во Владимірской, въ Конюшенныхъ, Троицкомъ Переулкѣ, въ Моховой и въ окружаю-

щихъ ихъ улицахъ, равно какъ въ Малой и Средней Мѣщанскихъ, въ Подьяческихъ, на Вознесенскомъ Проспектѣ, Екатерингофскомъ Проспектѣ и прилежащихъ къ нимъ улицахъ, большая часть домовъ были деревянные. Части города, называемыя Московскою, Рождественскою, Коломнею, были почти исключительно обстроены деревянными домами, и большая часть улицъ въ нихъ не имѣла мостовой. Козье-болото, въ Коломнѣ, было настоящее болото, непроходимое и смрадное, покрытое зеленою тиною. Такихъ болотъ было тогда много въ мѣстахъ, нынѣ превосходно застроенныхъ, какъ, напримѣръ, по Лиговкѣ, въ Грязной, на Новыхъ Мѣстахъ и за каретнымъ рядомъ. Еще и до сихъ поръ остались образцы прежнихъ Петербургскихъ домовъ, а именно: на Невскомъ Проспектѣ, за Аничковымъ Мостомъ, по правой сторонѣ (считая отъ Невы). Васильевскій

Островъ только на набережной Невы и по Первой и Кадетской Линіямъ походилъ на столичный городъ, но далѣе застроенъ былъ почти исключительно деревянными домами. Пески, Выборгская и Петербургская Стороны, съ лучшими улицами, походили на плохіе уѣздные городишки, а Ямская была настоящая деревня. Даже Православныхъ Церквей было не много каменныхъ, а великолѣпная одна только, именно Александроневская Лавра. Казанскій Соборъ былъ деревянный, низкій, съ высокою деревянною колокольнею, и выкрашенъ желтою краскою. Исакіевскій Соборъ, достроенный въ царствованіе Императора Павла I, представлялъ какую-то мрачную массу, безъ всякой архитектуры. Адмиралтейскій шпицъ существовалъ, но башня не была окружена колоннами и статуями, а зданіе Адмиралтейства было низко, не оштукатурено, и не вмѣщало въ

себѣ жилья, а служило единственно для склада кораблестроительныхъ матеріяловъ. Съ трехъ сторонъ Адмиралтейство обнесено было тремя фасами (въ прямыхъ линіяхъ) земляного вала и водянымъ рвомъ. Гдѣ нынѣ находится Инженерный Замокъ, тамъ стоялъ деревянный лѣтній дворецъ Императрицы Елисаветы Петровны, и на мѣстѣ его, Императоръ Павелъ I воздвигнулъ Свое Царское жилище, названное тогда Михайловскимъ Дворцемъ. Этотъ дворецъ какъ бы волшебствомъ возникъ въ годъ, съ небольшимъ, времени. Онъ тогда окруженъ былъ валомъ, вооруженнымъ пушками и водянымъ рвомъ, съ подъемными мостами, и имѣлъ видъ крѣпости. Желѣзныхъ мостовъ вовсе не было; каменные мосты были только на Фонтанкѣ и на Екатерининскомъ Каналѣ, а на Мойкѣ мосты Полицейскій, Синій, Красный и Поцѣлуевъ были деревянные. Нынѣшній

Александринскій Театръ, тогда называвшійся *Малымъ*, не имѣлъ ни какой внѣшней архитектуры: это было низкое и безобразное зданіе, родъ сарая. Большой Театръ былъ безъ портика и гораздо ниже, и походилъ болѣе на магазинъ, чѣмъ на храмъ искусства. Дворцовая Площадь окружена была тогда частными домами, между которыми отличался домъ Кушелева (на мѣстѣ нынѣшняго Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества), выстроенный полукругомъ, отъ угловаго дома бывшаго Вольнаго Экономическаго Общества до нынѣшней арки, тогда не существовавшей. Домъ Кушелева для Петербурга былъ то же, что Пале-Рояль для Парижа, только въ миніатюрѣ. Тутъ были и лавки, и трактиры, и маскарадныя залы, и театръ, на которомъ играли Нѣмецкіе актеры. Гдѣ теперь Ордонансгаузъ и промежутокъ у Пѣвческаго Моста, тутъ были домы музыканта Булана

и Бѣлорусскаго дворянина Древновскаго. Помню эти домы потому, что въ нихъ жили мои знакомые. Тротуаровъ вовсе не было въ городѣ. О нынѣшней чистотѣ не имѣли даже понятія. Многія улицы весною и осенью были почти вовсе непроходимы, на другихъ все лѣто стояли лужи. Въ отдаленныхъ частяхъ города (нынѣ великолѣпныхъ), на улицахъ паслись коровы и расхаживали свиньи. Ночью собаки цѣлыми стаями бродили возлѣ рынковъ, и лай ихъ и вытье раздавались далёко. Отъ оборванныхъ мальчишекъ, игравшихъ въ бабки и въ городки на улицахъ, не было прохода внѣ центра города, и отъ нихъ надлежало откупаться, чтобъ не быть забрызганнымъ грязью. На поворотѣ съ Невскаго Проспекта во Владимірскую, былъ такъ называемый *Обжорный Рядъ* (перенесенный послѣ къ Каменному Мосту, въ Апраксинъ Переулокъ). Тутъ сидѣли рядами

бабы съ хлѣбомъ, пирогами, жаренымъ и вареным мясомъ или рыбою — и весь рабочій народъ толпился тутъ два раза въ сутки. У Синяго Моста стояли толпы людей обоего пола и различнаго возраста, съ дворецкими и прикащиками. Здѣсь нанимали работниковъ, слугъ, служанокъ, и даже покупали въ вѣчное и потомственное владѣніе. Тогда это было позволено, что можно видѣть изъ объявленій въ единственной тогда газетѣ, С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Можно смѣло сказать, что только вокругъ Зимняго Дворца, на Невскомъ Проспектѣ до Аничкова Моста, въ двухъ Морскихъ и въ двухъ Милліонныхъ была Европа; далѣе повсюду выглядывала Азія и старинная *предпетровская* Русь, съ своею полудикостью и полуварварствомъ.

Здѣсь мнѣ приходитъ на мысль разговоръ, который я имѣлъ съ однимъ просвѣщеннымъ и ученымъ вельможей (Гра-

фомъ Е. Ф. Канкринымъ) на счетъ Русской Исторіи, лѣтъ за десять предъ симъ. «Если разсудить, то мы, по справедливости, вмѣсто того чтобъ называться *Русскими*, должны прозываться *Петровцами*,» сказалъ Графъ Егоръ Францовичъ.—«Что сдѣлали для насъ *Варяго-Руссы*, въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ Петръ Великій? При Варяго-Русскихъ правителяхъ мы были варварами, Азіятцами, и какъ встарину Монголы покорили Россію, такъ въ теченіе времени растерзали бы ее наши Европейскіе сосѣди, если бъ не родился Петръ! Всѣмъ: славою, силою, довольствомъ и просвѣщеніемъ обязаны мы роду Романовыхъ, и изъ благодарности должны были бы перемѣнить наше общеплеменное названіе *Славянъ* на имя творца Имперіи и ея благоденствія. Россія должна называться *Петровіей*, а мы *Петровцами*, или, Имперія — *Романовой*, а мы *Романовцами*.» — Идея

оригинальная, а въ существѣ справедливая! Всевышній, сотворивъ землю, опредѣлилъ на вѣки вѣковъ мѣсто ея во вселенной и ходъ въ небесномъ пространствѣ; Петръ Великій, создавъ Имперію, назначилъ ей мѣсто въ политическомъ мірѣ, и далъ направленіе, по которому ей должно слѣдовать, для достиженія высочайшей степени славы и могущества. Присоединеніе къ Россіи старинныхъ Русскихъ Княжествъ и Литвы, пріобрѣтеніе Курляндіи, завоеваніе Тавриды, утвержденіе Русскихъ границъ на Дунаѣ, пріобрѣтеніе береговъ Каспійскаго Моря, населеніе Новороссійскихъ степей; каналы, дороги; усиленіе флота и войска — все это есть только исполненіе предначертаній Петровыхъ, слѣдствія направленія, даннаго имъ своей Имперіи. Все, что было сдѣлано въ слѣдствіе этого направленія—велико и полезно, все, сдѣланное вопреки его видамъ, упало само собою!

Отъ кончины Петра Великаго (въ 1725 году) до восшествія на престолъ Императора Павла Петровича (въ 1796 году), почти шестьдесятъ восемь лѣтъ сряду, царствовали въ Россіи женщины. Два Императора Петръ II и Петръ III не занимали престола и четырехъ полныхъ лѣтъ. Перевороты, бывшіе при утвержденіи власти за Правительницею Анною Леопольдовною, при восшествіи на престолъ Императрицъ: Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II, возносили ихъ приверженцевъ и участниковъ переворота почти надъ обыкновенною сферою подданныхъ, и съ ними возвышались ихъ родные, друзья и прислужники. Всѣ хотѣли управлять по своей волѣ, и изъ видовъ честолюбія и корыстолюбія образовались партіи. Правленіе приняло олигархическія формы.

Въ краткое регентство Правительницы Анны Леопольдовны, въ царствованіе

Императрицѣ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны партіи явно боролись между собою, и, вредя себѣ взаимно, наносили вредъ Государству. Отъ кончины Петра Великаго до половины царствованія Екатерины II все еще существовала сильная партія, противная быстрому ходу нововведеній, партія, составленная изъ людей, вздыхавшихъ по старинѣ и ненавидѣвшихъ чужеземцевъ. За эти чувствованія Волынскій заплатилъ жизнью при Аннѣ Іоанновнѣ, но воспоминаніе о Биронѣ въ послѣдствіи еще болѣе укоренило эту ненависть. Императрица Екатерина II, будучи Великою Княгинею, изучила характеръ Двора и Русскаго народа, и привязала къ себѣ сердца изъявленіемъ особенной любви ко всему Русскому, народному. Въ ея царствованіе разцвѣла Русская Словесность, изъ сѣмянъ, насажденныхъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; появились Русскіе

художники, Русскіе ученые, и всѣ первыя мѣста въ Государствѣ были заняты природными Русскими. Русскіе полководцы водили наши войска къ побѣдамъ, Русскіе сановники управляли всѣми частями государственнаго механисма. Всѣ новыя учрежденія и всѣ званія получали Русскія наименованія, извлеченныя изъ духа Русскаго языка. Вездѣ вводимо было однообразное Русское управленіе, и Остзейскія Провинціи и Финляндія, вмѣсто своихъ феодальныхъ, устарѣлыхъ правъ, получили Русскіе законы. Сама Государыня казалась Русскою въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ жизни: одѣвалась по-Русски, говорила всегда народнымъ языкомъ съ Русскими, и даже участвовала своими трудами въ Русской Литературѣ. Все это льстило народному самолюбію, ободряло народъ Русскій, и онъ обожалъ ее и не называлъ иначе, какъ *матушкой*. Это слово было нераздѣльно съ именемъ Го-

сударыни. Царствованіе ея было, въ полномъ значеніи слова, блистательное и славное! Пріобрѣтены новыя и богатыя области, во всемъ мірѣ гремѣли побѣды, одержанныя Русскими, на сушѣ и на морѣ; построены новые города и старые украшены; дано движеніе промышлености и торговлѣ, словомъ, Россія сіяла, какъ солнце, но и это блистательное положеніе не было изъято отъ недостатковъ. Такова участь всѣхъ дѣлъ человѣческихъ! Многое еще оставалось довершить, усовершенствовать, исправить.....

Императоръ Павелъ Петровичъ, будучи еще Великимъ Княземъ, видѣлъ это и соболѣзновалъ, а вступивъ на престолъ, оказалъ великое благодѣяніе отечеству водвореніемъ новой дисциплины въ войскѣ, отчетливости въ управленіи казною и строгаго правосудія въ судахъ. Чувство правосудія въ душѣ Императора Павла Петровича преобладало надъ всѣми дру-

гими чувствованіями, и даже одинъ изъ непріязненныхъ Россіи писателей сказалъ о немъ: «Онъ былъ справедливъ даже въ политикѣ!» — Если онъ ошибался, то явно сознавался въ ошибкѣ, и исправлялъ ее по-Царски, но не прощалъ обмана, криводушія, лихоимства, непослушанія. Государь началъ улучшенія съ войска. Всѣ, такъ называемые тогда, *лежни*, т. е. матушкины сынки и бабушкины внучки, *записанные* въ военную службу и получавшіе чины, не видавъ съ роду своего полка, были исключены изъ службы. Кто хотѣлъ служить, тотъ долженъ былъ явиться въ полкъ и исполнять всѣ предписанія военной дисциплины, нести всѣ обязанности службы, не смотря ни на связи, ни на породу. Это возвысило духъ въ войскѣ. Каждое неправосудіе, каждое отступленіе отъ законовъ и отъ законнаго порядка въ гражданскихъ дѣлахъ, подвергалось не-

медленно наказанію, и каждое своевольное или безотчетное употребленіе казенныхъ денегъ влекло за собою взысканіе и отвѣтственность. Всѣ подданные сдѣлались равными предъ Престоломъ, и ни знатность, ни высокіе чины, ни сильное родство не могли избавить виновнаго отъ наказанія за самоуправство, злоупотребленіе власти и ослушаніе. Россія быстро встрепенулась, и это движеніе было для нее спасительно въ послѣдствіи. Не мое дѣло разбирать всѣ подробности царствованія Императора Павла Петровича; но я убѣжденъ въ душѣ, что въ этомъ отношеніи оно было чрезвычайно благодѣтельно, и что постепенностью невозможно было бы излечить Россіи отъ нѣкоторыхъ ея недуговъ. Въ быстромъ измѣненіи прежняго порядка Императоромъ Павломъ Петровичемъ вижу много добра. Вельможи, сановники, даже дамы, въ прежнія времена, не стыди-

лись дежурить въ передней временщиковъ и ихъ любимцевъ, и расточать передъ ними лесть и непростительную снисходительность, перенося терпѣливо грубости или небрежность, а между тѣмъ, не отдавали надлежащей почести тѣмъ, которые имѣли на то полное право, и потому Государь учредилъ новый этикетъ. Прежніе офицеры рѣдко надѣвали мундиръ, и еще рѣже появлялись передъ фронтомъ. Государь приказалъ всѣмъ офицерамъ ежедневно появляться на вновь учрежденныхъ вахтпарадахъ, т. е. на разводѣ карауловъ, передъ которымъ было ученье. — Одежда придворныхъ и вообще людей, посѣщавшихъ общества, разоряла цѣлыя семейства множествомъ алмазовъ (на пряжкахъ, пуговицахъ, орденахъ, ефесахъ шпагъ, и т. п.), кружевъ и дорогихъ тканей, выписываемыхъ изъ-за границы — и Государь предписалъ для чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ

мундиры, уничтоживъ одежду якобинцевъ и террористовъ, фраки и круглыя шляпы. Самъ Государь не хотѣлъ говорить языкомъ, на которомъ произнесенъ былъ смертный приговоръ несчастному Лудовику XVI и его безвинному семейству, и при Дворѣ перестали говорить по-Французски, а въ слѣдствіе этого исчезли и всѣ Французскія наименованія. На вывѣскахъ, вмѣсто *магазинъ*, написано было: *лавка*. — Развратъ и пьянство обуяли мелкихъ чиновниковъ и вообще среднее сословіе. Цѣлую ночь раздавались въ трактирахъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ пѣсни, звуки музыки и стакановъ и неистовые вопли пирующихъ; слѣдствіемъ этого бывали драки, даже смертоубійства, пожары (при множествѣ деревянныхъ домовъ), и наконецъ употребленіе непозволенныхъ средствъ на пріобрѣтеніе денегъ. Государь приказалъ, чтобъ по пробитіи вечерней

зари, всѣ огни въ частныхъ домахъ были погашены, всѣ трактиры заперты, чтобъ въ трактирахъ не было ни какой карточной игры, и чтобъ женщинъ не впускать вовсе въ трактиры. Азардныя карточныя игры, какъ въ публичныхъ заведеніяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ, строжайше были запрещены во всемъ государствѣ. Балы и всякія вечернія семейныя собранія были позволены, но надлежало впередъ давать знать полиціи, чтобъ она могла распорядиться немедленно, въ случаѣ какого-нибудь нечаяннаго происшествія. — Каждый человѣкъ имѣетъ свой собственный вкусъ, и то хорошо, что кому нравится. Государь одѣлъ войско по образцу войска Фридриха Великаго: въ длинные зеленые мундиры съ отворотами, открытые отъ груди, въ короткое нижнее платье желтаго или бѣлаго цвѣта, въ суконные черные штиблеты, за колѣни, зимою, и бѣлые холщевые лѣ-

томъ. Мушкетеры имѣли шляпы, гренадеры каски (какъ нынѣ Лейбъ-Гвардіи въ Павловскомъ Полку). Офицеры и солдаты должны были пудриться, носить длинныя косы и пукли (прежде пудрились и носили пукли и косы или кошельки одни офицеры). Во фрунтѣ офицеры и унтеръ-офицеры вооружены были эспантонами (родъ алебардъ). Полки, исключая гвардейскихъ, назывались по именамъ своихъ шефовъ. Кирасиры и драгуны носили куртки, первые бѣлыя, вторые зеленыя, лосинное исподнее платье и шляпы съ бѣлыми султанами. Латъ не было. Гусары одѣты были по-Венгерски: гвардейскіе имѣли мѣховыя шапки, армейскіе кивера съ крыломъ, и носили длинныя косы и локоны, висѣвшіе до плечъ по вискамъ.

Дѣла вообще приняли быстрый ходъ. Все исполнялось скоро, безъ малѣйшаго отлагательства, а между тѣмъ и обще-

ство Петербургское, при всеобщемъ преобразованіи, приняло совершенно другой видъ. Многіе изъ вельможъ Двора Императрицы Екатерины II и обогатившіеся дѣльцы уѣхали за границу, или поселились въ деревняхъ и въ Москвѣ. Рядомъ съ старою знатью и съ вельможами, созданными Екатериною, водворилась новая знать изъ старыхъ слугъ Государя. – Изъ старинныхъ коренныхъ вельможъ, представителей блистательнаго вѣка и Двора Екатерины II, остались въ прежнемъ положеніи Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Изъ дѣловыхъ людей, возвышенныхъ Императрицею Екатериною въ званіе Государственнаго Сановника, пользовался милостію Государя Графъ Безбородко, а изъ новыхъ, вовсе до того неизвѣстныхъ людей, Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ и Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Графъ Ростопчинъ,

бывшій каммергеромъ при Дворѣ Императрицы Екатерины II, и часто дежурившій при Великомъ Князѣ, въ Гатчинѣ, имѣлъ счастье заслужить его благосклонное вниманіе, и также пользовался особенною милостью Государя Императора. Государь Наслѣдникъ Александръ Павловичъ былъ назначенъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ (*) Петербурга.

(*) Царственный Военный Генералъ-Губернаторъ былъ ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ и угнѣтенныхъ, и жилъ только для добра. Бывшій при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ камердинеромъ Геслеръ разсказывалъ мнѣ, въ послѣдствіи, что онъ, подъ своимъ именемъ, нанималъ двѣ комнаты въ трактирѣ, имѣвшемъ названіе *Благопристойность* (на Гороховой, на углу, у Каменнаго Моста, въ домѣ, бывшемъ Калмыкова, гдѣ нынѣ зеленныя лавки и Русскій трактиръ). Въ этихъ комнатахъ царственный Военный Генералъ-Губернаторъ назначалъ свиданіе просителямъ, которыхъ не хотѣлъ распрашивать при свидѣтеляхъ, утѣшалъ ихъ, помогалъ имъ и ходатайствовалъ за нихъ. Истинно ангельская душа!

Это мѣсто занимали послѣ Графъ Аракчеевъ, а потомъ Графъ Паленъ. Первымъ Оберъ-Полиціймейстеромъ въ царствованіе Императора Павла былъ Генералъ Архаровъ, знаменитый заведеніемъ въ Москвѣ полицейскаго порядка при Императрицѣ Екатеринѣ II, и очищеніемъ древней столицы отъ множества накопившихся въ ней воровъ и разбойниковъ. — Съ начала дозволено было каждому подавать лично прошеніе Государю. Но неотвязность просителей, заступавшихъ вездѣ дорогу Государю, заставила его отмѣнить это постановленіе, и въ одной комнатѣ Зимняго Дворца устроенъ былъ ящикъ, для принятія прошеній, которыя разсматривались Статсъ-Секретарями, для доклада Государю. Это было первымъ основаніемъ учрежденной въ послѣдствіи Коммиссіи Прошеній. Рѣшенія Государя Императора печатались въ Вѣдомостяхъ, чрезъ нѣсколько дней

послѣ подачи просьбы. За несправедливые доносы или жалобы подвергались наказанію просители, а по правдивымъ жалобамъ подвергались наказанію злоупотребители власти и законопреступные судьи. Послѣ отрѣшенія отъ мѣста нѣсколькихъ губернаторовъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, всѣ стали осторожнѣе и внимательнѣе къ дѣламъ. Прошеніе, поданное сестрою моею, поступило къ Государю чрезъ Статсъ-Секретаря Нелединскаго-Мелецкаго, бывшаго въ послѣдствіи Сенаторомъ, и оставившаго почетную память по себѣ въ Русской Литературѣ, какъ поэта эротическаго, творца прелестныхъ въ свое время Русскихъ пѣсенъ. Чрезъ него же доставлено было и рѣшеніе Осипу Антоновичу Козловскому, для передачи просительницѣ.

Образъ жизни вельможъ Двора Императрицы Екатерины II теперь принадлежитъ къ области вымысла, къ романамъ

и повѣстямъ! Кто не видалъ, какъ жили Русскіе вельможи, тотъ не повѣритъ! Я уже засталъ это сіяніе на закатѣ, и видѣлъ послѣдніе его лучи. Въ коренномъ скомъ вельможѣ было соединеніе всѣхъ утонченностей, всѣхъ общежительныхъ качествъ, весь блескъ ума и остроумія, все благородство маноровъ вѣка Лудовика XIV и вся вольность нравовъ эпохи Лудовика XV; вся щедрость и пышность Польскихъ магнатовъ, и все хлѣбосольство, радушіе и благодѣтельность старинныхъ Русскихъ бояръ. Цѣль жизни состояла въ томъ, чтобъ наслаждаться жизнію и доставлять наслажденія, какъ можно большему числу людей, не имѣющихъ къ тому собственныхъ средствъ, и чтобъ среди наслажденій дѣлать какъ возможно болѣе добра, и своею силою поддерживать дарованія и заслугу. Въ домѣ Льва Александровича Нарышкина принимаемы были не однѣ лица, имѣю-

щіе пріѣздъ ко Двору или принадлежащіе къ высшему кругу по праву рожденія или счастливою случайностію. Каждый дворянинъ хорошаго поведенія, каждый заслуженый офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ Л. А. Нарышкину, и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. Литераторовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ музыкантовъ, художниковъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ самъ отыскивалъ, чтобъ украсить ими свое общество. Въ 9 часовъ утра можно было узнать отъ швейцара обѣдаетъ ли Левъ Александровичъ дома, и что будетъ вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія являться къ нему. Но на вечера пріѣзжали только хорошо знакомые въ домѣ. Ежедневно столъ накрывался на пятьдесятъ и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по

фамиліи, и всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ. Кто умѣлъ блеснуть остроуміемъ, или при случаѣ выказалъ свой умъ и познанія, тотъ пользовался особенною милостію хозяина, и того онъ уже помнилъ. На вечерахъ была музыка, танцы, les petits jeux, т. е. игры общества, но карточной игры вовсе не было. На парадные обѣды и балы были приглашенія, и тогда уже званы были гости только по назначенію хозяина. На этихъ балахъ расточаема была Азіятская роскошь, подчиненная Европейскому вкусу, и званые обѣды удовлетворяли требованіямъ самой причудливой гастрономіи; но въ обыкновенные дни столъ былъ самый простой. Обѣдъ состоялъ изъ шести блюдъ, а ужинъ изъ четырехъ. — Съ первымъ зимнимъ путемъ приходили къ богатымъ людямъ огромные обозы изъ ихъ деревень, съ провизіей: мясомъ, домашними птицами, ветчиною, солони-

ною, масломъ, всякою крупою и мукою, съ медами и наливками—и все это было съѣдаемо и выпиваемо до весны. На обыкновенныхъ обѣдахъ кушанье стряпалось, большею частію, изъ домашней провизіи; на столѣ стояли кувшины съ кислыми щами, пивомъ и медомъ, а вино (обыкновенно францвейнъ или франконское) разливали лакеи, обходя вокругъ стола, два раза во время обѣда. Рѣдкія и дорогія вина подавали только на *парадныхъ* обѣдахъ или на малыхъ *званыхъ*. У Графа Александра Сергѣевича Строгонова было то же, съ тою разницею, что къ столу его имѣли право являться только тѣ, которыхъ онъ именно приглашалъ, и онъ въ этомъ отношеніи былъ разборчивѣе, приглашая только тѣхъ, *разъ навсегда*, которые ему особенно нравились. На дачѣ Льва Александровича Нарышкина, называвшейся *Га, га!* (*) (на Петергофской

(*) Дача эта, находившаяся противу большой дачи

дорогѣ) и на дачѣ Графа А. С. Строгонова (на Выборгской Сторонѣ, за Малой Невкой) въ каждый праздничный день былъ фейерверкъ, играла музыка, и если хозяева были дома, то всѣхъ гуляющихъ угощали чаемъ, фруктами, мороженымъ. На дачѣ Строгонова даже танцовали въ большомъ павильонѣ не званые гости, а пріѣзжіе изъ города повеселиться на дачѣ—и эти танцоры привлекали особенное благоволеніе Графа А. С. Строгонова, и были угощаемы. Кромѣ того, отъ имени Нарышкина и Графа

Нарышкиныхъ, Левенталя, получила это прозваніе отъ восклицанія Императрицы Екатерины II, удивившейся, что дача построена въ такое короткое время и съ такимъ вкусомъ. Въ ознаменованіе посѣщенія Государыни воздвигнутъ былъ передъ Левентальскимъ домомъ памятникъ – мраморная колонна съ вензеловымъ именемъ Императрицы на верху. Не знаю, кому принадлежитъ теперь эта дача, но колонна уже не существуетъ. Тогда на Петергофской дорогѣ были аристократическія лѣтнія жилища, принадлежащія теперь огородникамъ, трактирщикамъ, купцамъ и счастливымъ чиновникамъ.

А. С. Строгонова ежедневно раздавали милостыню убогимъ деньгами и провизіей и пособіе нуждающимся. Множество бѣдныхъ семействъ получали отъ нихъ пенсіоны. Домы Графа А. С. Строгонова и Л А. Нарышкина вмѣщали въ себѣ рѣдкое собраніе картинъ, богатыя библіотеки, горы серебряной и золотой посуды, множество драгоцѣнныхъ камней и всякихъ рѣдкостей. Императрица Екатерина II въ шутку часто говорила: «Два человѣка у меня дѣлаютъ все возможное, чтобъ разориться, и никакъ не могутъ!» И точно, и Л. А. Нарышкинъ и Графъ А. С. Строгоновъ оставили послѣ своей смерти огромное состояніе и весьма незначительные долги относительно къ имѣнію, долги, которыхъ итогъ *въ наше время* не почитался бы даже долгомъ! Никогда я не слыхалъ, чтобъ Л. А. Нарышкинъ пользовался щедротами Государыни, но знаю навѣрное, что Графъ

А. С. Строгоновъ не бралъ никогда ничего, довольствуясь одною царскою милостію.

Съ того времени, какъ Станиславъ Понятовскій (въ послѣдствіи Король Польскій) былъ Посломъ Польской Республики при Россійскомъ Дворѣ, Польская знать и съ нею лучшая шляхта стали посѣщать Петербургъ, и находили отличный пріемъ и при Дворѣ и въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ. Пріѣзжали въ Петербургъ Поляки образованные, богатые, или по крайней мѣрѣ тароватые, путешествовавшіе въ чужихъ краяхъ, видѣвшіе свѣтъ, люди отличные. Въ послѣдствіи, когда политическія партіи, при Королѣ Станиславѣ Понятовскомъ, начали въ чужѣ искать помощи для пріобрѣтенія первенства и уничтоженія своихъ противниковъ, и когда Императрица Екатерина II стала управлять дѣлами Польши, въ Петербургъ стекались всѣ Польскіе честолюбцы и всѣ интриганты,

для снисканія покровительства и милости Государыни. Пріѣзжали также люди честные и благородные, съ намѣреніемъ склонить Государыню на перемѣну стариннаго Польскаго безтолковаго правленія и введеніе улучшеній, сообразно съ вѣкомъ. Многіе изъ знатныхъ Поляковъ имѣли Русскіе военные, гражданскіе и придворные чины, и уже по званію занимали почетныя мѣста въ обществѣ. Послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Имперіи, нѣкоторые Польскіе вельможи, какъ то: Князь Карлъ Радзивилъ, Михаилъ Огинскій и др., отреклись отъ своихъ имѣній, чтобъ не присягать на вѣрноподданство, а большую часть богатыхъ Бѣлорусскихъ помѣщиковъ Государыня привлекла въ Петербургъ своими милостями, и посредствомъ браковъ старалась укрѣпить соединеніе единоплеменниковъ. Браки Русскихъ съ Польками, а Поляковъ съ Русскими дѣвицами были особенно покрови-

тельствуемы Государынею. Соллогубъ (Графъ), Князь Любомирскій и Князь Понинскій женились на трехъ дочеряхъ Л. А. Нарышкина. Графъ Віельгорскій женился на Графинѣ Матюшкиной, дочери Графа Михаила Дмитріевича и Княжны Гагариной, бывшей фрейлины Императрицы Екатерины II. Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ женился на Княжнѣ Маріи Антоновнѣ Четвертинской, Графъ Валеріянъ Александровичъ Зубовъ на Потоцкой (бывшей потомъ въ замужствѣ за Генералъ-Адъютантомъ Уваровымъ), и кромѣ того множество генераловъ и высшихъ чиновниковъ и Польскихъ помѣщиковъ (которыхъ именъ не упомню), вошли въ кровные союзы съ Русскими фамиліями. Родителямъ предоставлено было на волю избирать вѣроисповѣданіе для ихъ дѣтей, въ той увѣренности, что въ третьемъ поколѣніи дѣти отъ Русскихъ отцевъ или матерей примутъ Православную Вѣру, что и испол-

нилось почти безъ исключеній. Сынъ Графа Соллогуба былъ католикъ, а внукъ его, нынѣшній писатель, уже Православный, равно какъ и Князья Любомирскіе. На первыхъ порахъ, когда умирающая Польша еще имѣла союзницами Францію, Швецію и Турцію, надлежало дѣйствовать осторожно и съ предусмотрительностью, и Императрица Екатерина II старалась составить сильную Русскую партію въ самой Польшѣ, въ чемъ и успѣла совершенно. По уничтоженіи Польской Республики и присоединеніи къ Россіи, на вѣчныя времена, Литвы и старинныхъ Русскихъ Княжествъ на западѣ и югѣ Россіи, множество Польскихъ дворянъ, особенно изъ фамилій знатныхъ, но не богатыхъ, бросились въ Петербургъ искать счастія — и всѣ получили мѣста при Дворѣ, въ гвардіи или въ гражданскомъ вѣдомствѣ, съ значительнымъ содержаніемъ. При учрежденіи

Третьяго Департамента въ Сенатѣ, для Польскихъ дѣлъ, нѣкоторые извѣстные люди изъ Поляковъ получили званіе Сенаторовъ. Однимъ словомъ, Поляковъ ласкали вездѣ, принимали и покровительствовали. Императоръ Павелъ Петровичъ также былъ особенно милостивъ къ Полякамъ. Немедленно по восшествіи на престолъ, Государь далъ свободу всѣмъ Польскимъ узникамъ (*), заключеннымъ въ Петропавловской Крѣпости, и лично объявилъ эту милость Генералу Костюшкѣ. Главныя лица изъ Поляковъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, были: Иллинскій (Графъ),

(*) Нѣмцевичу и Фишеру, бывшимъ адъютантами Костюшки, Закржевскому, бывшему Президенту Варшавы, Игнатію Потоцкому, бывшему Маршалу послѣдняго Сейма, Мостовскому, бывшему каштеляну Раціонжскому, Вавржецкому, Главнокомандующему въ Польшѣ послѣ Костюшки, Сокольницкому (бывшему послѣ генераломъ), Килинскому, Полковнику Варшавской Народной Гвардіи, Капостасу, и другимъ

бывшій при Наслѣдникѣ Престола безсмѣнным дежурнымъ каммергеромъ, въ Гатчинѣ. Онъ находился въ Петербургѣ во время кончины Императрицы, и отправившись немедленно въ Гатчину, первый поздравилъ Наслѣдника Престола Императоромъ. За усердіе и приверженность, оказанныя при этомъ случаѣ, Иллинскій получилъ отъ Государя нѣсколько тысячъ душъ. Въ послѣдствіи онъ былъ Сенаторомъ. Это былъ чрезвычайно добрый и благородный человѣкъ, весьма набожный, но холодный и нѣсколько надменный съ низшими. Онъ былъ необыкновенно высокаго роста, сухощавъ, держался всегда прямо, и отъ этого казался неловокъ. Онъ много дѣлалъ добра Полякамъ, и при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, и при Александрѣ Павловичѣ, въ началѣ его царствованія. О немъ я буду говорить въ послѣдствіи. Северинъ Осиповичъ Потоцкій (Графъ) остался бѣ-

денъ послѣ отца своего, лишившагося огромнаго состоянія на спекуляціяхъ. Северинъ Осиповичъ прибылъ въ молодыхъ лѣтахъ въ Петербургъ искать счастія, и нашелъ его (*). Съ начала онъ былъ Каммергеромъ, потомъ Сенаторомъ и Попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа. — Северинъ Осиповичъ былъ человѣкъ честный и благородный, отличнаго ума и образованія, прилежно занимался

(*) Графъ А. С. Ржевускій разсказывалъ мнѣ, что онъ, возвращаясь домой изъ Петербурга, встрѣтилъ на станціи Графа Северина Потоцкаго, ѣхавшаго въ Петербургъ. Это было въ началѣ Польской революціи, въ 1793 году. Они были пріятели, и Ржевускій спросилъ его: зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ? — «Въ Польшѣ у меня ничего не осталось,» отвѣчалъ Потоцкій: «а теперь единственная пора, что человѣкъ съ *именемъ* можетъ все пріобрѣсть при Русскомъ Дворѣ. Ѣду *за всѣмъ!*» примолвилъ онъ, смѣясь. Графъ Северинъ Осиповичъ служилъ отлично, и пріобрѣлъ отъ Монаршихъ щедротъ значительное состояніе.

всегда дѣлами сенатскими, и возвысилъ Харьковскій Университетъ своимъ управленіемъ. За что только онъ ни брался, исполнялъ усердно и совѣстливо. - Въ частной жизни онъ былъ весьма оригиналенъ. Онъ никогда не заводился домомъ и не принималъ гостей, но жилъ на холостую ногу, въ трактирѣ, и вечера проводилъ въ гостяхъ. Лѣтъ двадцать сряду прожилъ онъ на Екатерининскомъ каналѣ, въ домѣ Варварина. Въ обществѣ онъ былъ пріятенъ и остроуменъ, но въ своемъ домѣ капризенъ и брюзга. Онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Северинъ Осиповичъ былъ въ молодости красавцемъ, а подъ старость чрезвычайно худощавъ, но всегда бодръ и свѣжъ.— Графъ Віельгорскій пользовался особенною милостью Императрицы Екатерины и Императора Павла Петровича. Онъ отличался познаніями, тонкостью ума и свѣтскостью. Я только два раза видѣлъ

его. Графъ Адамъ Станиславовичъ Ржевускій (бывшій потомъ Сенаторомъ), принадлежитъ къ числу самыхъ отличныхъ, самыхъ благородныхъ людей (*), которыхъ я зналъ въ жизни. Умный, просвѣщенный, добродушный, честный и благородный во всѣхъ дѣлахъ своихъ, онъ былъ, кромѣ того, чрезвычайно пріятенъ въ обществѣ, а въ короткой бесѣдѣ увлекателенъ. — Князья Адамъ и Константинъ Чарторійскіе служили въ гвардіи при Императрицѣ Екатеринѣ, и были Каммергерами Двора. Въ началѣ царство-

(*) Изъ трехъ сыновей его, Генрихъ Адамовичъ, историческими и нравоописательными романами пріобрѣлъ прозваніе Польскаго Вальтеръ-Скотта. Картины Польскихъ нравовъ XVIII вѣка, подъ заглавіемъ: *Записки Соплицы* по истинѣ chef d'oeuvre. Адамъ Адамовичъ служитъ Генералъ-Маіоромъ въ Свитѣ его Императорскаго Величества, а Эрнстъ Адамовичъ исполняетъ обязанности по выборамъ дворянства. Дѣти, достойные отца!

ванія Императора Павла Петровича, Константинъ уѣхалъ къ родителямъ, а Адамъ, будучи Посланникомъ при Сардинскомъ Дворѣ, возвратился въ Петербургъ при восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, и занималъ званіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Князь Понинскій, прекрасный мужчина, особенно когда онъ былъ въ своемъ красномъ Мальтійскомъ мундирѣ; Графъ Соллогубъ, также весьма пріятной наружности и чрезвычайно обходительный и вѣжливый; Князья Любомирскіе, Князья Четвертинскіе, все люди высшаго образованія, ежедневно посѣщали домъ Нарышкина. Въ началѣ царствованія Императора Александра Павловича, прибылъ въ Петербургъ Михаилъ Огинскій (сперва Графъ, потомъ Князь и Сенаторъ). Онъ былъ въ началѣ революціи отчаяннымъ патріотомъ, и участвовалъ въ возстаніи, подъ начальствомъ Костюшки; потомъ

скитался по чужимъ краямъ, тщетно испрашивая вмѣшательства въ дѣла Польскія у Порты, у Англіи и Франціи, и удостовѣрясь, что онъ гоняется за привидѣніемъ, обратился къ великодушію Императора Александра, который позволилъ ему возвратиться въ отечество. Онъ появился на родинѣ обремененный долгами и безъ гроша денегъ. Огромное имѣніе, сперва конфискованное, было ему возвращено, и по просьбѣ его учреждена коммиссія, для приведенія въ порядокъ дѣлъ его и уплаты долговъ. Милость Государя чрезвычайно тронула его, и онъ былъ, до конца своей жизни, искренно преданъ Императору Александру Павловичу. Огинскій былъ одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей своего времени: остроумный, веселый, полный дарованій. Въ музыкѣ онъ былъ истинный знатокъ, и многія изъ его легкихъ композицій, полныхъ чувства и мелодіи, до сихъ поръ имѣютъ высокое

достоинство. Кто не знаетъ *полонеза* Огинскаго? На счетъ этого полонеза написаны были, въ чужихъ краяхъ, длинные разсказы, въ которыхъ предполагалось, что полонезъ сочиненъ несчастнымъ, умертвившимъ себя отъ любви къ высокой особѣ! Огинскій зналъ давно О. А. Козловскаго, и любовь къ музыкѣ сдѣлала ихъ друзьями. Огинскій ежедневно бывалъ въ домѣ Козловскаго, (*) и весьма часто навѣщалъ Л. А. Нарышкина. Съ Михаиломъ Огинскимъ пріѣхалъ племян-

(*) Здѣсь кстати замѣтить, что едва ли кто писалъ лучшіе полонезы, какъ оба Огинскіе: Сенаторъ и его дядя, Великій Кухмистръ Литовскій, нѣкогда владѣтель Слонима, въ которомъ онъ имѣлъ очаровательный дворецъ, и содержалъ огромный оркестръ и Италіянскую Оперу. Рядомъ съ ними стоитъ О. А. Козловскій. Кто не зналъ, въ свое время, его полонеза съ хорами, сочиненнаго на торжество, данное Княземъ Потемкинымъ, въ честь Государыни, въ Таврическомъ Дворцѣ:

«Громъ побѣды раздавайся,»
Веселися храбрый Россъ!» и проч.?

никъ его, Габріель, молодой человѣкъ отличной образованности; онъ былъ въ большой дружбѣ съ внукомъ Л. А. Нарышкина, Графомъ Соллогубомъ, отцемъ нынѣшняго писателя. Графъ Соллогубъ (отецъ нынѣшняго) почитался въ свое время первымъ танцоромъ въ обществахъ, игралъ превосходно на домашнемъ театрѣ, пѣлъ очень хорошо, и былъ вообще однимъ изъ блистательнѣйшихъ молодыхъ людей. Прекрасный ха-

Говорили что слова сочинялъ Державинъ. Въ этомъ полонезѣ есть стихи:

«Воды грознаго Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ!
Славься симъ Екатерина,» и проч.

Эти стихи тогда были только *предсказаніемъ*, потому что *воды грознаго Дуная* попали въ наши руки уже при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, начертавшемъ предѣлы Россіи по устье Дуная. О. А. Козловскій сочинилъ также полонезъ: «*Александръ Елисавета, восхищаете вы насъ!*» и мн. др. Вообще въ его полонезахъ настоящій духъ этого рода музыки.

рактеръ и доброта душевная еще болѣе возвышали его пріятныя дарованія. Въ домѣ Нарышкина всегда было множество дѣвицъ, родственницъ, воспитанницъ, поживальницъ, и молодежь, въ то время, обходилась между собою свободно, безъ педантства и кокетства. Дѣвицы и молодые люди шутили между собою, дѣлали другъ другу разныя проказы, мистификаціи, чтобъ послѣ похохотать вмѣстѣ, и меня часто употребляли обѣ стороны, какъ орудіе для своихъ проказъ. Сколько я помню, въ то время только Графъ Иллинскій и пожилая Княгиня Четвертинская, имѣвшая значеніе при Дворѣ, жили домами и принимали у себя гостей. Прочіе Поляки жили на холостую ногу, исключая, однако жъ, стараго Графа Сологуба, который часто проводилъ въ столицѣ всю зиму, а иногда и лѣто. Какъ два драгоцѣнные алмаза въ богатомъ ожерельѣ, блистали въ высшемъ обще-

ствѣ двѣ Польки - красавицы, Марія Антоновна Нарышкина и Графиня Зубова (супруга Валеріяна Александровича), между множествомъ Русскихъ красавицъ, какъ, напримѣръ, Графиней Вѣрой Николаевной Заводовской, Графиней Самойловой, Графиней Прасковьей Семеновной Потемкиной и другими. Видалъ я въ жизни множество красавицъ, но не видалъ такихъ прелестныхъ женщинъ, какія были Марія Антоновна Нарышкина и сестра Наполеона, Элиза. Это безспорно были двѣ первыя красавицы своего вѣка. Но что всего привлекательнѣе было въ Маріи Антоновнѣ — это ея сердечная доброта, которая отражалась и во взорахъ, и въ голосѣ, и въ каждомъ ея пріемѣ. Она дѣлала столько добра, сколько могла, и безпрестанно хлопотала за бѣдныхъ и несчастныхъ. Графиня Зубова была небольшаго роста, живая, веселая, имѣла въ своемъ характерѣ много

амазонскаго, и отличалась быстрымъ умомъ. — Между мужчинами никто не могъ сравняться съ старикомъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ и его сыновьями, Александромъ и Дмитріемъ Львовичами. Старикъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но держался всегда прямо, одѣвался щегольски, и никогда не казался усталымъ. Онъ почитался первымъ острякомъ при Дворѣ Императрицы Екатерины II, гдѣ въ умѣ не было недостатка, и это остроуміе перешло къ старшему сыну его, Александру Львовичу, котораго острыя слова и эпиграмы повторялись и въ Петербургѣ и въ Парижѣ. Оба брата были прекрасные мужчины, истинно аристократической наружности. Съ перваго взгляда виденъ былъ вельможа! Родъ Нарышкиныхъ отличался и красотою тѣлесною, и добродушіемъ, и популярностію. У всѣхъ ихъ была какая-то врожденная наклонность къ изящ-

ному, и каждый талантъ находилъ у нихъ пріютъ. Въ этомъ же родѣ былъ и Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, старичекъ небольшаго роста, всегда веселый, всегда привѣтливый, охотникъ до шутокъ и остротъ, покровитель всѣхъ дарованій и обожатель всякой красоты. Всѣ они принимали и покровительствовали мою матушку и сестру, которая своимъ музыкальнымъ дарованіемъ, ловкостью и пріятнымъ обхожденіемъ обращала на себя общее вниманіе. Левъ Александровичъ Нарышкинъ, для шутки, убѣдилъ мою матушку одѣть меня по-Польски, въ кунтушъ и жупанъ, и я, не будучи застѣнчивымъ, смѣло расхаживалъ, препоясавшись моею саблею (подаренною мнѣ Графомъ Ферзеномъ), по аристократическимъ гостинымъ, и забавлялъ всѣхъ моимъ дѣтскимъ простодушіемъ и шутками. Иногда меня заставляли играть на гитарѣ и пѣть Польскія пѣ-

сенки.... Я входилъ смѣло къ дамамъ во время ихъ туалета, пересказывалъ имъ, чему меня научали старшіе, смѣшилъ ихъ, и всѣ меня ласкали, дарили игрушками, конфектами. Это было мое счастливое время въ Петербургѣ!...

Графъ Ферзенъ былъ тогда Директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Онъ видывалъ матушку въ обществахъ, и однажды, разговорясь обо мнѣ, посовѣтовалъ ей отдать меня въ корпусъ, обѣщая все свое покровительство и родительское попеченіе. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, всѣ стали убѣждать матушку послѣдовать совѣту Графа Ферзена, и особенно подѣйствовали на нее слова Графа Северина Осиповича Потоцкаго, которыя мнѣ матушка пересказала въ послѣдствіи, когда я могъ понимать всю ихъ важность.— «Мы вошли въ составъ государства,» сказалъ Графъ Потоцкій, «въ которомъ

всѣ наши фамильныя заслуги и все наше значеніе, въ прежнемъ нашемъ отечествѣ, исчезнутъ! Теперь, на первыхъ порахъ, нѣкоторыхъ изъ насъ возвысили, на основаніи прежняго нашего фамильнаго значенія, но пройдетъ тридцать, сорокъ лѣтъ, полвѣка, и каждый безродный чиновникъ будетъ выше безчиновнаго потомка дигнитарской (*) Польской фамиліи! Если наше дворянство не захочетъ служить и входить въ связи съ Русскими фамиліями посредствомъ браковъ, то оно упадетъ совершенно. Мы должны подражать дворянству Нѣмецкихъ провинцій, которое всегда имѣетъ на службѣ представителей своего усердія и вѣрности къ престолу. Начните! Вы сдѣлаете добро вашему сыну, докажете

(*) Дигнитарскою фамиліею почиталась та, въ которой были члены, облеченные въ высшія придворныя и государственныя званія и кавалеры Бѣлаго Орла. (Dignitaire, dignitarz.)

вашу преданность къ новому отечеству и подадите полезный примѣръ. Какое поприще для вашего сына въ провинціи?...» Это были мудрыя и пророческія рѣчи! Графъ Потоцкій убѣдилъ матушку, и она рѣшилась отдать меня въ корпусъ.

Графъ Ферзенъ взялъ меня къ себѣ, чтобъ пріучить къ будущей кадетской жизни. Онъ приставилъ ко мнѣ, въ родѣ гувернера, Маіора Оде-Сіона (бывшаго въ Польшѣ при Графѣ Игельстромѣ и потомъ Инспекторомъ Классовъ въ Пажескомъ Корпусѣ и Генералъ-Маіоромъ), отпускалъ меня въ рекреаціонное время играть съ кадетами, водилъ смотрѣть военныя экзерциціи и кормилъ конфектами. Мнѣ было очень весело у Графа Ферзена, тѣмъ болѣе, что матушка ежедневно пріѣзжала ко мнѣ, и иногда брала съ собою. Но Графъ Ферзенъ оставилъ корпусъ прежде, нежели были получены изъ провинціи свидѣтельства о мо-

емъ дворянствѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышло отъ Государя разрѣшеніе объ опредѣленіи меня въ кадеты. Меня отвезли въ малолѣтное отдѣленіе, 13 Ноября, 1798 года.

VII.

Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ.— Малолѣтное отдѣленіе. — Роты. — Крещеніе въ Русскую Вѣру. — Мои страданія и освобожденіе. — Офицеры и учители. — Воспоминанія о Графѣ Ангальтѣ. — М. Л. Кутузовъ, Ѳ. И. Клингеръ, Графъ М. И. Ламсдорфъ, Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. — Посѣщеніе Корпуса Императоромъ Павломъ Петровичемъ. — Бывшій Король Польскій Станиславъ Августъ Понятовскій.— Смерть Суворова. — Кончина Императора Павла Петровича. — Его похороны.

До Января 1797 года, Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ раздѣлялся на пять возрастовъ, по старшинству лѣтъ, считая съ пятаго возраста.

Въ четырехъ возрастахъ за поведеніемъ кадетъ смотрѣли офицеры и гувернеры, а въ первомъ возрастѣ гувернантки (или, какъ мы называли, мадамы) и няньки. Только родовые дворяне принимались въ кадеты, для которыхъ при выпускѣ изъ корпуса открыты были всѣ пути государственной службы. Воспитанники не изъ родовыхъ дворянъ, а изъ оберъ-офицерскихъ и священническихъ дѣтей, иностранцевъ, и т. п., поступали въ *гимназисты* (*), которыхъ было по нѣскольку въ каждомъ возрастѣ. Только два стар-

(*) Гимназисты сидѣли отдѣльно въ классахъ и въ столовой залѣ, имѣли особый уголъ въ спальнѣ, и когда весь корпусъ получилъ мундиры, они носили зеленые фраки и того же цвѣта камзолы и нижнее платье. Сперва они имѣли трехъугольныя шляпы, а потомъ картузы. Гимназистовъ выпускали изъ корпуса офицерскими чинами въ статскую службу, а лучшихъ опредѣляли учителями въ средніе и нижніе классы въ кадетскіе корпуса.

шіе возраста имѣли военные мундиры, а прочіе носили Французскіе кафтаны, короткое исподнее платье, чулки и башмаки. Военнымъ экзерциціямъ старшіе кадеты обучались только въ лагерное время.

Графъ Өедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, родственникъ Императрицы Екатерины II, Генералъ-Аншефъ и Генералъ-Адъютантъ, не покорилъ для Россіи новыхъ областей, не взялъ приступомъ городовъ, не выигралъ генеральныхъ сраженій, не составилъ великихъ плановъ для государственнаго управленія, но будетъ жить въ Исторіи вмѣстѣ съ героями и великими мужами, пріобрѣвъ себѣ безсмертіе одною чистою любовью къ человѣчеству! Какой великій урокъ для гражданскихъ обществъ, какое униженіе для честолюбцевъ, эгоистовъ и интригантовъ, какое торжество для добродѣтели! Графъ Ангальтъ управлялъ корпусомъ только семь лѣтъ съ половиною (отъ 8 Ноября

1786 до 24 Мая 1794 года), и въ это короткое время управленія незначительною отраслью администраціи, въ сравненіи съ другими важными частями государственнаго состава, пріобрѣлъ безсмертную славу, между тѣмъ, какъ многіе изъ его современниковъ важныхъ, сильныхъ, могущественныхъ — забыты въ могилѣ! Сколько было кадетъ, столько было сердецъ, любившихъ и чтившихъ его, какъ нѣжнаго отца, какъ благодѣтеля, какъ попечительнаго наставника и друга. Теперь память о дѣлахъ его уже истребилась въ корпусѣ, но имя его извѣстно и теперь каждому кадету, и какъ священное преданіе переходитъ отъ одного кадетскаго поколѣнія къ другому.

Я уже не засталъ въ корпусѣ порядка, заведеннаго Графомъ Ангальтомъ, но попалъ, такъ сказать, въ разведенный имъ разсадникъ, въ кадетское поколѣніе, котораго болѣе половины еще со слезами

вспоминало о немъ. Почти всѣ кадетскіе офицеры были воспитанники Графа Ангальта или прежніе, образованные имъ гувернеры. Корпусъ, подобно сосуду, въ которомъ хранилось драгоцѣнное благовоніе, еще благоухалъ прежнимъ ароматомъ. Въ рекреаціонной залѣ еще стояли бюсты великихъ мужей, которыхъ жизнь и подвиги толковалъ Графъ Ангальтъ кадетамъ, возбуждая въ нихъ идеи славы и величія; еще каменная стѣна, вокругъ корпуснаго сада, красовалась эмблематическими изображеніями, поучительными изрѣченіями, афорисмами, нравственными правилами мудрецовъ, и эпохи важнѣйшихъ событій въ мірѣ были начертаны хронологически, для пособія памяти. Довольно было выучить наизустъ все написанное на этой стѣнѣ, чтобъ просвѣтить разумъ и смягчить сердце юноши. Въ корпусномъ саду еще существовала бесѣдка, въ которой кадеты танцовали,

въ праздничные лѣтніе дни. Передъ глазами нашими возвышалось огромное зданіе (jeu de paume), гдѣ, въ присутствіи Графа Ангальта, кадеты упражнялись въ гимнастикѣ. Осталось въ корпусѣ еще нѣсколько знаменитыхъ преподавателей наукъ временъ Ангальтовскихъ (математикъ Фуссъ, физикъ Крафтъ, и проч.), но не было уже отца, благодѣтеля, мудраго Ментора, посвящавшаго кадетамъ всю жизнь свою, все свое время, всѣ способности своей души и разума, не было Графа Ангальта, руководствовавшаго кадетъ къ добру, ободрявшаго прилежныхъ, усовѣщивавшаго лѣнивыхъ, и ласковостью и примѣрами добра возбуждавшаго въ юношахъ чувства чести, благородства и собственнаго достоинства!

Въ послѣдствіи корпусъ составлялъ баталіонъ изъ четырехъ мушкетерскихъ и одной гренадерской роты, и при баталіонѣ было *малолѣтное отдѣленіе* (преж-

ній первый возрастъ). Кадеты ротные носили уже мундиры, по общему образцу, и пудрились при парадной формѣ. Малолѣтное отдѣленіе сохраняло прежніе Французскіе кафтаны (коричневаго цвѣта), а дома малолѣтные кадеты носили куртки и шаровары. Всѣ новыя учрежденія и преобразованія начались еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, во время Директорства Генералъ-Поручика Михаила Ларіоновича Голенищева-Кутузова (бывшаго потомъ Свѣтлѣйшимъ Княземъ Смоленскимъ и Фельдмаршаломъ).

Послѣ Графа Ферзена управлялъ временно корпусомъ Генералъ - Маіоръ Андреевскій, до Марта 1799 года, а въ это время назначенъ Директоромъ Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламсдорфъ. При Андреевскомъ и Ламсдорфѣ не было большихъ перемѣнъ, и все оставалось на основаніи порядка, введеннаго М. Л. Кутузовымъ.

Въ малолѣтномъ отдѣленіи не было ничего военнаго: это былъ пансіонъ, управляемый женщинами. Малолѣтное отдѣленіе раздѣлено было на *камеры* (chambrée), и въ каждой камерѣ была особая надзирательница, а надъ всѣмъ отдѣленіемъ главная инспекторша (inspectrice), мадамъ Бартольдъ Меня отдали къ самой нѣжной, къ самой ласковой, добродушной надзирательницѣ, мадамъ Боньотъ. Графъ Ферзенъ поручилъ меня особенному ея надзору и попеченію, а кромѣ того, моя мать, познакомившись съ нею, пріобрѣла ея пріязнь. У мадамъ Боньотъ были двѣ дочери (Елисавета и Александра) и старушка мать, мадамъ Кювилье, добрыя и ласковыя созданія, и всѣ онѣ меня ласкали и нѣжили. Въ квартирѣ мадамъ Боньотъ были мое фортепіано, гитара, сундукъ съ нотами, книгами и игрушками, и я имѣлъ право въ каждое время (исключая класснаго) приходить туда, какъ домой.

Но, не взирая на материнское обхожденіе со мною мадамъ Боньотъ и на ласки ея семейства, мнѣ было весьма тяжело привыкать къ кадетской жизни. — Родители непомѣрно баловали меня, какъ меньшее дитя и единственное отъ втораго брака. Всѣ знакомые, изъ угожденія родителямъ, также ласкали меня; слуги повиновались безпрекословно. Я пользовался полною свободою и въ родительскомъ домѣ, и у Кукевича, а тутъ вдругъ попалъ въ клѣтку! Надлежало ѣсть, пить, спать, играть и учиться не по охотѣ, а по приказанію, въ назначенные часы. — Учители были люди холодные, исполнявшіе свое дѣло механически. Знаешь урокъ — хорошо, не знаешь — на колѣни или на *записку* (*). — Когда

(*) *Запиской* называлась въ корпусѣ отмѣтка учителя о лѣнивыхъ или шалунахъ. Списавъ ихъ имена, учитель передавалъ записку, въ малолѣтномъ отдѣленіи, дежурной надзирательницѣ, а въ ро-

дежурили другія мадамы, а не мадамъ Боньотъ, то для меня не было ни какого предпочтенія. Напротивъ, меня держали строже, называя *баловнемъ* мадамъ Боньотъ! Кадеты дразнили меня за то, что я дурно произносилъ по-Русски. Няньки обходились со мною довольно круто. — Я не понималъ всего, что мнѣ толковали по-Русски учители, слѣдовательно и не могъ успѣвать за другими. Меня стали наказывать. Выведенный изъ терпѣнія привязчивостью кадетъ, я сталъ драться съ самыми дерзкими изъ нихъ; наказанія усилились. Наконецъ, оскорбленный несправедливостью, я сказалъ что-то непріятное главной инспекторшѣ; меня посѣкли розгами, и я пришелъ въ отчаяніе! Я лишился сна и аппетита, прятался отъ всѣхъ, плакалъ украдкою днемъ и но ночамъ, тосковалъ и гру-

тахъ дежурному офицеру, и по этой *запискѣ* кадеты наказывались.

стилъ. - Ужасная идея, что родители не любятъ меня, овладѣла мною и мучила меня! Я судилъ по себѣ, и разсуждалъ, что если мнѣ тяжело разставаться съ тѣми, кого я люблю, то и родителямъ моимъ не надлежало разставаться со мною, если бъ они меня любили. Эти мрачныя мысли сокрушали меня и ожесточали. Я былъ холоденъ съ матерью и сестрою, и даже не хотѣлъ ѣздить къ нимъ... Наконецъ я не могъ выдержать этой внутренней борьбы — и заболѣлъ. Меня отвели въ госпиталь, надъ которымъ начальствовала мадамъ Штадлеръ. У меня открылась изнурительная лихорадка.

Матушка испугалась. Она каждый день навѣщала меня и просиживала по нѣскольку часовъ у моей кровати. Долго я преодолѣвалъ себя, и наконецъ высказалъ ей все, что у меня было на душѣ. Матушка пришла въ отчаяніе, и хотѣла взять меня немедленно изъ корпуса; но

сестра и всѣ ея пріятели отсовѣтовали ей это. Матушка старалась всѣми силами убѣдить меня въ своей любви, но сомнѣнія мои не разсѣялись. — Признаю теперь весьма уважительными причины, побудившія матушку отдать меня въ корпусъ, которыхъ я тогда не понималъ; но сознаюсь откровенно, что я теперь не постигаю, какъ родительское сердце может решиться на разлуку съ малолѣтнымъ дитятей, какъ может мать отдать малолѣтное дитя на чужія руки! Этотъ героисмъ выше моихъ понятій!

Горе развиваетъ разумъ. Въ госпиталѣ я имѣлъ время на размышленіе, и разбирая мое положеніе, разсматривая его со всѣхъ сторонъ, я рѣшился покориться судьбѣ, побѣдить всѣ трудности, сдѣлаться самостоятельнымъ, и жить впередъ безъ чужой помощи. По выходѣ изъ госпиталя, я сталъ день и ночь учиться, чтобъ догнать товарищей, и, при моей

необыкновенной памяти, вскорѣ ихъ перегналъ. Впрочемъ, курсъ наукъ въ нижнихъ классахъ былъ самый ничтожный, и я уже зналъ почти все, чему надлежало учиться. Вся трудность была въ Русскомъ языкѣ, и когда я преодолѣлъ ее, то былъ немедленно переведенъ въ первый классъ.

Между тѣмъ, матушкѣ надлежало возвратиться домой, и она простилась со мною, отдавъ для меня деньги на руки мадамъ Боньотъ. — Тяжела была разлука съ матерью, особенно при укоренившейся во мнѣ мысли (впрочемъ вовсе несправедливой), будто меня не любятъ! — Послѣ узналъ я, что меня отдали въ корпусъ не только противу воли, но даже безъ вѣдома моего отца. Это разсказалъ мнѣ вѣрный слуга его, Семенъ. Отецъ пришелъ въ отчаяніе, когда матушка сказала ему, что оставила меня въ Петербургѣ, на чужихъ рукахъ. Въ

первый разъ въ жизни онъ заплакалъ и зарыдалъ при людяхъ, требуя, съ воплемъ отчаянія, своего сына! – Разлука со мною имѣла пагубное вліяніе на его уже разстроенное здоровье, и ускорила его кончину: это онъ даже написалъ въ предсмертномъ своемъ письмѣ ко мнѣ. Онъ собирался ѣхать въ Петербургъ, но состояніе здоровья не позволяло ему этого. — Отъ весны до весны онъ жилъ надеждою на свиданіе со мною, пока смерть не разлучила насъ на вѣки! Судьба позволила мнѣ только поплакать на его могилѣ!....

По одиннадцатому году (въ 1799 году) меня перевели, въ слѣдствіе экзамена, въ гренадерскую роту, которою начальствовалъ Полковникъ Пурпуръ.

Не помню я, чтобъ въ нашемъ корпусѣ былъ хотя одинъ изъ моихъ соотчичей. Кажется, я былъ первый изъ дворянъ новоприсоединенныхъ отъ Поль-

ши провинцій. — Кадеты гренадерской роты (меньшой) дразнили меня *Костюшкой*, разумѣется, не понимая значенія этого прозванія. Не каждое дитя переноситъ равнодушно оскорбленія — и я съ перваго раза далъ сильный отпоръ цѣлой толпѣ. Кадеты вознамѣрились проучить меня. Въ первую Субботу, когда насъ повели въ корпусную баню, они воспользовались краткимъ отсутствіемъ дежурнаго офицера, и по данному знаку однимъ главномъ шалуномъ, бросились на меня нагого, повалили и понесли на чердакъ, ухвативъ за руки и за ноги, и крича: «крестить *Костюшку* въ Русскую Вѣру!» Видя, что всякое сопротивленіе съ моей стороны безполезно, я пересталъ сопротивляться, и замолчалъ. Баня была не высокая, и со стороны сада большіе кадеты старшихъ ротъ насыпали снѣжную гору, въ которую они спрыгивали съ чердака, распарившись

въ банѣ. Въ корпусѣ, вообще, соблюдалась на дѣлѣ Русская поговорка: «Русскому здорово — Нѣмцу смерть,» и кадетамъ эта экзерциція была не запрещена. Въ эту снѣжную массу кадеты сбросили меня съ чердака! У меня почти захватило духъ, и я едва выкарабкался изъ снѣга. Хотя я и не парился, но былъ въ испаринѣ, отъ внутренняго движенія и отъ борьбы, и едва добрелъ до передбанника, дрожа отъ стужи. Кадеты весьма умно совѣтовали мнѣ итти на полокъ и выпариться, но я, опасаясь новыхъ проказъ, отказался и, схвативъ шайку, грозилъ разгромить голову первому, который приблизится ко мнѣ. Меня оставили въ покоѣ. — Ночью я почувствовалъ сильную головную боль, и къ утру отнесли меня, безъ чувствъ, въ госпиталь. У меня открылась нервическая горячка, въ которой я пролежалъ шесть недѣль. Когда я сталъ выздора-

вливать, одинъ добрый фельдшеръ растолковалъ мнѣ, что еслибъ я выпарился передъ скачкомъ въ снѣгъ и послѣ скачка, то не только не былъ бы боленъ, но поздоровѣлъ бы. Возвратясь въ роту изъ госпиталя, я послушался этого совѣта, и добровольно соскочилъ въ снѣгъ, что весьма понравилось кадетамъ. А какъ, кромѣ того, я не пожаловался на насильственный со мною поступокъ, то старые кадеты рѣшили, что я достоинъ быть принятымъ въъ ихъ общество, и перестали дразнить меня. Вѣроятно этой *эманципаціи* много содѣйствовало и мое упорное сопротивленіе!

Но кадетская дружба не избавила меня отъ бѣдствій, которыя я долженъ былъ претерпѣть въ гренадерской ротѣ! Теперь въ корпусахъ кадеты одѣваются ловко и удобно, и носятъ въ будни зеленыя куртки и сѣрое исподнее платье; но тогда мы носили ежедневно мундиры съ

красными лацканами, застегнутые только на груди, жилеты и короткое нижнее платье палеваго цвѣта, бѣлые чулки и башмаки съ пряжками. Каждое утро надлежало связывать волосы въ косу, заплетать плетешки и взбивать *вержетъ* (*), примазываясь саломъ. Къ парадной формѣ мы надѣвали штиблеты (бѣлые лѣтомъ, черные зимою), препоясывались портупеей съ тесакомъ, надѣвали каску, и если надлежало итти на ученье или въ караулъ, то брали суму и ружье. При парадной формѣ надлежало пудриться. Аммуницію, ружья и башмаки чистили для насъ лакей, и охрили, два раза въ недѣлю, камзолы и нижнее платье (охрой съ меломъ и отрубями); но мы должны были сами причесываться, чистить безчисленное множество пуговицъ, пряжки

(*) Вержетомъ назывались передніе волосы, поднятые вверхъ прическою.

и мундиръ. Полковникъ Пурпуръ строго смотрѣлъ за чистотою, и каждая невычищенная пуговица или пряжка, каждое пятнышко на лацканахъ или на свѣтломъ камзолѣ и нижнемъ платьѣ и малѣйшій безпорядокъ въ прическѣ кадета навлекали неизбѣжное наказаніе. Осматривая кадетъ по утрамъ до отправленія въ классы, Пурпуръ отсылалъ каждаго кадета, у котораго замѣчалъ что либо неисправное въ туалетѣ, въ комнату, называемую умывальною (*). Потомъ вызывалъ кадетовъ по *запискамъ* учителей и дежурныхъ офицеровъ, и отсылалъ туда же, а наконецъ являлся самъ. Тамъ уже стояла на срединѣ скамья, уголъ былъ заваленъ *свѣжими* розгами, и ждали четыре дюжіе лакея. Не теряя лишнихъ словъ, безъ всякихъ объясненій и увѣщаній, Полковникъ Пурпуръ уго-

(*) Гдѣ кадеты умывались.

щалъ всѣхъ собранныхъ тамъ кадетъ насущными розгами, потомъ надѣвалъ шляпу и уходилъ со двора. Никогда не видалъ я его улыбки и не слышалъ, чтобъ онъ похвалилъ кого нибудь, или приласкалъ. Никогда онъ не простилъ ни какой ошибки кадету, и, кромѣ розогъ, не употреблялъ ни какого другаго наказанія. Слезы, просьбы, обѣщанія не обращали на себя ни малѣйшаго его вниманія. Мы называли его *безпардоннымъ!* — Пурпуръ былъ высокаго роста, молодецъ и красавецъ собою, и отличался щегольствомъ въ одеждѣ и прическѣ. Слыхалъ я, что онъ былъ очень пріятенъ въ обществахъ. Онъ былъ родомъ изъ Грековъ, и настоящая его фамилія не Пурпуръ, а Пурпура. Не знаю, былъ ли онъ сынъ или однофамилецъ Генерала Пурпура, бывшаго Генералъ-Директоромъ Корпуса (отъ 1773 до 1784 года).

Я былъ обыкновенною жертвою Пур-

пурова розголюбія, потому что никакъ не могъ справиться со множествомъ пуговицъ, крючковъ, петелекъ, пряжекъ, и не умѣлъ сберегать лацкановъ, камзола и нижняго платья отъ чернильныхъ пятнышекъ. Къ большей бѣдѣ, охота къ чтенію превратилась во мнѣ въ непреодолимую страсть. Въ классахъ, вмѣсто того, чтобъ писать въ тетради, по диктовкѣ учителей, я читалъ книги, и вмѣсто того, чтобъ учить наизустъ уроки, т. е. краткія и сухія извлеченія изъ науки, я читалъ тѣ книги, изъ которыхъ учители почерпали свои свѣдѣнія. Въ тетради я вписывалъ только свои имена и числа, и дѣлалъ свои замѣтки, для другихъ непонятныя, и не взирая на то, что я зналъ больше, нежели требовалось въ среднихъ классахъ, я прослылъ *лѣнивымъ*, потому что отвѣчалъ на вопросы учителей *своими словами*, а не повторялъ урока наизустъ. Мало

этого. Въ классахъ были перемѣшаны кадеты и изъ другихъ ротъ, и разумѣется, что въ среднихъ классахъ изъ старшихъ ротъ оставались самые лѣнивые. Они также дразнили и задирали меня, что доводило насъ частенько до драки. И такъ, по мнѣнію моихъ наставниковъ, я соединялъ въ себѣ три смертные кадетскіе грѣха (trois péchés capitaux). т. е. былъ лѣнивъ, неопрятенъ и шалунъ, а на самомъ дѣлѣ, я любилъ страстно науки, и безпрерывно рылся въ книгахъ, какъ червь, ища свѣдѣній; не могъ соблюсти требуемаго порядка въ одеждѣ отъ неумѣнья, и желая мира, по темпераменту не могъ переносить обидъ отъ товарищей. Но кому была нужда изслѣдовать мой темпераментъ, мою натуру, и дать ей направленіе? Кому была надобность знать, что непомѣрная строгость и дурное обращеніе ожесточаютъ меня, вмѣсто того, чтобъ исправлять, и

что сердце мое жаждетъ ласки и привѣта, какъ слабый цвѣтокъ росы и солнечнаго луча? Я сдѣлался для Пурпура bête noire, т. е. чернымъ звѣремъ, какъ говорятъ Французы, и онъ, охотясь безпрестанно на меня, довелъ меня до того, что я почти окаменѣлъ сердцемъ и возненавидѣлъ все въ мірѣ, даже самого себя! Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бъ Провидѣніе не спасло меня!

Начался экзаменъ. Товарищи мои полагали, что я вѣрно буду примѣрно наказанъ, съ нѣкоторыми другими лѣнивцами, потому что у меня было весьма малое число баловъ. Всѣхъ дурно отмѣченныхъ кадетъ вывели впередъ, и учители стали экзаменовать насъ, въ присутствіи Директора Корпуса, Графа Ламсдорфа, и заступавшаго мѣсто Инспектора Классовъ, Полковника Ѳедора Ивановича Клингера, ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ. Здѣсь я долженъ

познакомить моихъ читателей съ Клингеромъ.

Онъ принадлежалъ къ малому числу тѣхъ геніяльныхъ людей, которые въ послѣдней четверти прошлаго вѣка дали новое направленіе Германской Литературѣ, усовершенствовали Нѣмецкій языкъ, преобразовали слогъ, распространили новыя философскія идеи и создали новыя формы. Клингеръ (Friedrich Maximilian Klinger) родился во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1753 году, въ одномъ домѣ съ Гёте, съ которымъ онъ былъ друженъ отъ юности до кончины. Клингеръ принадлежалъ къ среднему сословію (bürgerlicher Stand), которому Германія обязана своимъ духовнымъ величіемъ. Отецъ оставилъ его съ матерью и сестрою въ бѣдности, и Клингеръ не могъ даже кончить университетскаго курса, а все, что зналъ, изучилъ самъ, руководствуясь своимъ геніемъ. Онъ на-

чалъ литературное свое поприще въ молодыхъ лѣтахъ, посвятивъ себя театру. Трагедія его *Близнецы* (Zwillinge) произвела удивительный эфектъ въ Германіи, обратила на него общее вниманіе, и дала ему мѣсто между первоклассными писателями. Въ этой трагедіи Клингеръ, такъ сказать, разобралъ, по одной, всѣ нѣжнѣйшія жилки сердца человѣческаго, истощилъ всѣ силы фантазіи, и, наводя ужасъ на душу и вмѣстѣ съ тѣмъ сокрушая ее, выставилъ въ обнаженномъ видѣ предразсудки, раздѣляющіе людей и ведущіе ихъ въ пучину бѣдствій. Онъ возвысился до Шекспира, и критика, разумѣется, не пощадила его, между тѣмъ какъ публика присудила ему полное торжество. Нѣсколько подобныхъ сочиненій повлекли за собою толпу подражателей, и этотъ родъ, смѣсь глубокаго чувства съ ѣдкою сатирою, пылкой фантазіи съ нагою существенностью, названъ въ Гер-

*

манiи *Клингеровымъ родомъ.* Онъ поселился въ Веймарѣ, тогдашнихъ Германскихъ Аѳинахъ, и при всей твердости характера и силѣ воли, подчинился, однако жъ, влiянiю Гёте, который, паря воображенiемъ въ небесахъ, крѣпко держался земли, для прiобрѣтенiя ея благъ. Гёте посовѣтовалъ Клингеру наложить удила на свое пылкое воображенiе, скрыть подъ спудомъ свѣтскихъ приличiй глубокое чувство, не слишкомъ раздражать общества нагою истиною и анатомiей нашихъ бѣдствiй, и употребить умъ свой на постепенное просвѣщенiе рода человѣческаго и прiобрѣтенiе собственной независимости и высокаго мѣста въ обществѣ, безъ которыхъ нельзя сильно дѣйствовать на людей. Съ тѣхъ поръ Клингеръ сдѣлался двойственнымъ: поэтомъ и положительнымъ, матерiяльнымъ человѣкомъ, скрылъ и глубокое чувство, и богатство идей въ душѣ своей,

и уже не расточалъ ихъ, а изливалъ по каплямъ. Изъ Веймара Клингеръ отправился въ Петербургъ, искать счастія при Дворѣ Императрицы Екатерины II, которой слава наполняла Европу. Императрица вспомнила, что онъ былъ представленъ ей еще въ Германіи, приняла его ласково, и предложила избрать въ Россіи какое нибудь мѣсто, сообразное съ его характеромъ и родомъ занятій. Государыня чрезвычайно удивилась, когда Клингеръ избралъ военное поприще. Онъ былъ принятъ прямо офицерскимъ чиномъ, въ 1780 году, и вскорѣ потомъ опредѣленъ чтецомъ къ Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Наслѣднику Престола, Павлу Петровичу. Когда Принцъ Виртембергскій, пріѣхавъ въ Россію, вознамѣрился отправиться въ Тавриду, чтобъ участвовать въ ея покореніи, Клингеръ былъ причисленъ къ его штабу, и возвратившись въ чинѣ Маіо-

ра, опредѣленъ въ Кадетскій Корпусъ. Императоръ Павелъ Петровичъ уважалъ Клингера, и произведя въ Полковники, назначилъ его временнымъ инспекторомъ классовъ. Клингеръ ничего не печаталъ въ Россіи, но въ Германіи постепенно выходили въ свѣтъ его сочиненія, возбуждавшія общее вниманіе. — Лучшія между ими суть романы: Der Weltmann und der Dichter (*Свѣтскій человѣкъ и поэтъ*) и Die Reisen vor der Sündfluth. (*Предпотопное странствіе*). Но и другіе его романы имѣютъ высокое философическое и литературное достоинство, какъ-то: *Жизнь и дѣянія Фауста и его поѣздка въ адъ* (Fausts' Leben, Thaten und Höllenfahrt) *Исторія Джіафара* (Geschichte Giafars), *Исторія Рафаэля Аквиллы, Восточный Фаустъ, Исторія одного Нѣмца новаго времени*, и т. п. — Клингеръ никогда не хотѣлъ сообщить ни какихъ біографическихъ о себѣ свѣдѣній, не

взирая на просьбы своихъ друзей, какъ многіе полагаютъ, потому только, чтобъ не упоминать о мѣщанскомъ своемъ происхожденіи, о которомъ онъ старался забыть. Въ этомъ упрекаетъ его, хотя весьма нѣжно, даже другъ его, Гёте, изобразившій характеристику Клингера и духъ его сочиненій самыми блистательными красками. Впрочемъ, Клингеру нечего было опасаться даже полнаго жизнеописанія, потому что онъ былъ нѣжный сынъ, добрый братъ, благодѣтель своего семейства, и во всѣхъ дѣлахъ отличался честностью и прямодушіемъ. На этотъ счетъ я совершенно согласенъ съ Гёте, но что касается до сочиненій Клингера, то нахожу въ нихъ много совершенно противнаго тому, что написалъ Гёте *при жизни автора*. Высокія идеи, проницательный умъ, сила характеровъ, богатство воображенія, заманчивость повѣствованія и блистательность слога, все это есть у Клин-

гера, но неподдѣльное чувство и филантропія находятся только въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ юности, когда авторъ еще не помышлялъ о земномъ счастіи, и жилъ душею въ идеальномъ мірѣ. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Клингера преобладаетъ горькая сатира на всѣ общественныя отношенія, обнаруживающая въ авторѣ сильное презрѣніе къ человѣчеству и холодъ души. Самыя лучшія картины Клингера разрываютъ сердце, и если вызываютъ улыбку, то улыбку горькую, презрительную; философія его не утѣшаетъ, а возбуждаетъ отчаяніе, и только слабыя мѣста въ его сочиненіяхъ, вставленныя для соединенія цѣлаго, успокоиваютъ взволнованное чувство и раздраженный умъ читателя. Весьма замѣчательно, что Клингеръ, будучи Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа и Членомъ Коммиссіи Училищъ при Министерствѣ Просвѣщенія, самъ предло-

жилъ, чтобъ сочиненія его были запрещены въ Россіи, желая тѣмъ лишить своихъ недоброжелателей средствъ вредить ему. Пользуясь, въ послѣднее время, знакомствомъ Клингера и даже благосклонностію его, я всегда удивлялся необыкновенному его уму, неистощимости его сарказмовъ и эпиграмъ, и въ то же время имѣлъ случай удостовѣриться въ томъ, что я слышалъ еще въ дѣтствѣ, а именно, что онъ не любилъ Россіи и, какъ я замѣтилъ, вовсе не зналъ ея. Послѣ Клингера не осталось ни рода, ни племени, и о немъ можно теперь говорить откровенно. По собственнымъ его словамъ, онъ жилъ *тѣломъ* въ Россіи, а *душею* въ Германіи. Двумъ писателямъ Нѣмецкимъ, Зейме и Музеусу, пріѣзжавшимъ въ Россію искать счастія, онъ отсовѣтовалъ остаться у насъ, узнавъ, что они не намѣрены отказаться отъ литературы. «Здѣсь надобно имѣть только хо-

рошій желудокъ,» сказалъ Клингеръ: «а съ хорошею головою поѣзжайте въ Германію!» - Говоря о человѣчествѣ, онъ отдѣлялъ всегда отъ него Русскихъ, и я самъ слышалъ, какъ онъ однажды сказалъ: die Menschen und die Russen, т. е. люди, и даже Русскіе, и т. п. Клингеръ почиталъ Русскихъ какою-то отдѣльною породою, выродившеюся изъ Азіятскаго варварства и поверхностности Европейской образованности, и я, споривъ съ нимъ, какъ говорится до слезъ, никакъ не могъ убѣдить его въ томъ, что Русскій народъ способенъ ко всему великому и одаренъ необыкновенными качествами. Клингеръ хотя весьма хорошо говорилъ по-Французски, но никогда не могъ побѣдить дурнаго Нѣмецкаго произношенія, а по-Русски, до конца жизни, говорилъ плохо, и не прочиталъ ни одной Русской книги, хотя хорошо понималъ по-Русски. Внутренности Россіи

онъ вовсе не зналъ и никогда не сближался съ Русскимъ простымъ народомъ. Онъ судилъ о Россіи по нѣкоторымъ согнившимъ ея членамъ. Будучи самъ однимъ изъ жрецовъ просвѣщенія, онъ никогда не старался подвигать его впередъ въ Россіи, говоря, что болѣе нежели довольно и того, что есть! Въ обществѣ ему пріятномъ и въ дружеской бесѣдѣ, Клингеръ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, былъ чрезвычайно пріятный и занимательный собесѣдникъ, но съ подчиненными и вообще на службѣ былъ холоденъ, какъ мраморный гость въ Донъ Жуанѣ. Клингеръ былъ высокаго роста, имѣлъ правильныя черты лица и неподвижную физіономію. Ни одна душа въ корпусѣ не видала его улыбки. Онъ былъ строгъ въ наказаніяхъ, и не прощалъ никогда. Съ кадетами онъ никогда не разговаривалъ, и никогда никого не ласкалъ. Онъ только тогда обращался

съ вопросомъ къ кадетамъ, когда хотѣлъ узнать, наказаны ли они, по его требованію. «Вамъ розги *дали?*» спрашивалъ онъ обыкновенно. — «*Дали*,» отвѣчалъ кадетъ. — «Вамъ крѣпко *дали?*» — «Крѣпко!» — «Хорошо!» — Этимъ оканчивалась бесѣда. Одно только могло смягчить Клингера, а именно, когда кадетъ могъ объясняться съ нимъ по-Французски или по-Нѣмецки. Тогда онъ даже выслушивалъ просьбы и жалобы, и тогда можно было удостовѣриться, что если въ сердцѣ его не было отеческой нѣжности къ намъ, то была, по крайней мѣрѣ, справедливость. Я еще буду имѣть случай говорить о Клингерѣ, а теперь обратимся къ экзамену.

Учители, какъ нарочно, спрашивали меня болѣе, нежели другихъ кадетовъ, и я отвѣчалъ удовлетворительно на всѣ вопросы, *своими словами*. Клингеръ заглянулъ въ списокъ, потомъ посмотрѣлъ на

меня, и обратясь къ учителямъ, сказалъ: «Если ваши хорошіе балы поставлены такъ же справедливо, какъ дурные этому кадету, то вы, Господа, не останетесь мною довольны!» Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, и велѣлъ мнѣ перевесть съ Русскаго языка на Французскій. Только что вышедъ изъ рукъ Цыхры и мадамъ Боньотъ, и уже понимая хорошо легкія Французскія сочиненія, я перевелъ удовлетворительно.— «Тутъ что-то непонятно!» сказалъ Клингеръ, обращаясь къ Директору: «этотъ мальчикъ знаетъ все лучше другихъ, а у него самые дурные балы!» Клингеръ подозвалъ меня къ себѣ, погладилъ по щекѣ (это была такая рѣдкость, что всѣ присутствовавшіе обратили на меня взоры), и сказалъ по-Французски: «Expliquez - nous, mon garçon, ce que cela signifie? (т. е. объясни намъ, что это значитъ)? — Слезы невольно брызнули у ме-

ня въ три ручья, и я зарыдалъ. Мое сиротство, мое уничиженіе, немилосердое обхожденіе со мною Пурпура взволновали меня и я высказалъ все, что у меня было на душѣ, отчасти по-Французски, отчасти по-Русски. Учители въ оправданіе говорили, что я не хочу учить *наизусть*, что я *не имѣю тетрадей*, что я *упрямъ*; Пурпуръ объявилъ, что я *неряха* и *повѣса*, но чувство справедливости, однажды пробужденное въ Клингерѣ, уже не могло быть ничѣмъ заглушено, и мое чистосердечіе, а можетъ быть и дѣтское краснорѣчіе, отозвались въ душѣ, въ которой подъ ледяною корою таилось чувство! Онъ спросилъ меня, изъ какой я націи, а потомъ велѣлъ мнѣ сѣсть на первую скамью (я сидѣлъ прежде на послѣдней), а самъ подошелъ къ Директору, и сталъ съ нимъ говорить въ полголоса. Графъ Ламсдорфъ подозвалъ къ себѣ Маіора Ранефта, и указывая на меня,

сказалъ ему: «Возьмите къ себѣ въ роту, еще сегодня, этого кадета!» — Экзаменъ, послѣ этого эпизода, пошелъ своимъ чередомъ, а Клингеръ, какъ будто гордясь своимъ открытіемъ, всегда велѣлъ спрашивать меня, когда другіе кадеты не отвѣчали на вопросы, и я, по счастію, всегда удовлетворялъ его. Послѣ экзамена Клингеръ объявилъ учителямъ, что онъ недоволенъ ими....

При выходѣ изъ классовъ, кадеты окружили меня, поздравляли, обнимали, и я былъ въ восторгѣ! Но когда надобно было строиться, чтобъ итти въ столовую, явился Пурпуръ, какъ тѣнь Банко въ Макбетѣ, и навелъ на меня ужасъ своимъ взглядомъ. Не говоря ни слова, онъ взялъ меня за руку, и повелъ въ свою любезную *умывальную*, и, на прощаніи, такъ выперолъ розгами, что меня полумертваго отнесли въ госпиталь!

Я слышалъ послѣ, что Директоръ сдѣлалъ Пурпуру строгій выговоръ и даже погрозилъ отнять роту. Но отъ этого мнѣ было нелегче. Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ я въ госпиталѣ, и отъ раздраженія нервовъ едва не сошелъ съ ума. Мнѣ безпрестанно видѣлся, и во снѣ и на яву, Пурпуръ, и холодный потъ выступалъ на мнѣ!... Я кричалъ во все горло: спасите, помогите! вскакивалъ съ кровати, хотѣлъ бѣжать, и падалъ безъ чувствъ....

Пурпуръ давно умеръ.... Чрезъ полгода, кажется, послѣ моего выздоровленія, онъ вышелъ изъ корпуса въ армію—и все забыто! Не могу, однако жъ, умолчать при этомъ случаѣ, что года чрезъ четыре по выходѣ моемъ изъ корпуса, встрѣтивъ въ обществѣ человѣка, похожаго лицемъ на Пурпура, я вдругъ почувствовалъ круженіе головы и спазматическій припадокъ. Теперь уже перестали изучать Миѳологію, и преданіе о Медузиной головѣ

пришло въ забвеніе; но я не забуду этого вымысла, испытавъ смыслъ его на себѣ!

Блѣдный, худой, изнеможенный явился я къ Маіору Ранефту, въ третью мушкетерскую роту, и узналъ, что я переведенъ изъ втораго средняго класса, чрезъ классъ, въ пятый верхній классъ. Маіоръ Ранефтъ былъ добрый, ласковый человѣкъ и снисходительный начальникъ, который обращался съ нами, какъ съ дѣтьми, а не какъ съ усатыми гренадерами. Капитанъ Шепетковскій, человѣкъ скромный, привѣтливый, добродушный, также съ нами былъ болѣе, нежели хорошъ. Всѣ прочіе офицеры, какъ водится, обращались съ нами въ духѣ начальниковъ, и я ожилъ душею и тѣломъ въ благословенной третьей мушкетерской ротѣ! Учители въ верхнихъ классахъ были люди опытные и снисходительные. Французскому языку обучалъ насъ почтенный

старикъ, умный Иллеръ, который зналъ также весьма хорошо Русскій языкъ, и любилъ говорить стихами или въ риѳму. Два кадета разговаривали между собою; Иллеръ объявилъ имъ наказаніе: «Инглисъ и Томара не поѣдутъ со двора!» Одинъ кадетъ, призванный на каѳедру, споткнулся на ступеняхъ; Иллеръ сказалъ: «У тебя глаза не плоски — вѣдь ты видишь, что здѣсь доски!» Это забавляло насъ, проводившихъ по *осьми* часовъ въ сутки въ классахъ. Но еще болѣе развлекалъ насъ, своими фарсами, учитель Нѣмецкаго языка, добрый и любезный Лампе. Онъ также говорилъ съ нами съ примѣсью разныхъ шуточекъ и поговорокъ. Если кадетъ дремалъ въ классѣ, Лампе будилъ его нравоученіемъ, на своемъ ломаномъ Русскомъ языкѣ: «отъ соннаго караула храбра дѣла ожидати не возможно!» Однажды, кадетъ Саблинъ громко разговаривалъ въ классѣ. Лампе

предостерегъ его пародіей извѣстной Русской пѣсни:

Полно, полно, зяблинъ милый,
По невѣрной тосковать,
Пролетѣлъ твой вѣкъ счастливый, и проч.

Онъ сказалъ:

«Полно, полно, Саблинъ милый,
Тамъ въ углу тебѣ болтать,
Пролетѣлъ твой вѣкъ счастливый,
Будутъ больно, больно драть!»

Но никто такъ не утѣшалъ насъ, не забавлялъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не научалъ такъ пріятно, какъ Гавріилъ Васильевичъ Гераковъ, учитель Исторіи. Добрый, честный, благородный человѣкъ въ полномъ значеніи слова, онъ былъ притомъ величайшій чудакъ. Онъ былъ домашній человѣкъ у Нарышкиныхъ, у Графовъ Воронцовыхъ(*) и у нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ фамилій, вездѣ былъ любимъ,

(*) Онъ даже и скончался въ домѣ Князя Михаила Семеновича Воронцова, гдѣ лѣтъ съ двадцать имѣлъ квартиру, безъ всякой платы.

но имѣя въ себѣ много смѣшнаго, т. е. оригинальнаго, выходящаго изъ общихъ формъ, онъ невольно доставлялъ часто случаи подшучивать надъ собою. Г. В. Гераковъ (правильнѣе Гераки), былъ родомъ изъ Грековъ, воспитывался въ Греческомъ кадетскомъ корпусѣ (уничтоженномъ въ 1796 г.), и всю свою жизнь былъ смертельно влюбленъ въ древнюю Грецію и во всѣхъ прекрасныхъ женщинъ. Гераковъ имѣлъ большое притязаніе на авторство, но оно ему не далось. Маленькая книжечка, изданная имъ подъ заглавіемъ: *Для Добрыхъ*, была раскуплена *добрыми* людьми въ пользу бѣдныхъ, и доставила автору съ полсотни эпиграмъ отъ его друзей. Онъ особенно привязанъ былъ къ Сергѣю Никифоровичу Марину, бывшему потомъ Флигель-Адъютантомъ и Полковникомъ Преображенскаго Полка. С. Н. Маринъ былъ также домашній человѣкъ въ домѣ Нарышки-

ныхъ, и по уму своему, любезности и остроумію былъ отлично принимаемъ во всѣхъ знатныхъ домахъ. Онъ имѣлъ піитическій талантъ, перевелъ стихами *Мерону*, которую съ успѣхомъ давали на Русской сценѣ, но отличался болѣе сатирами и эпиграмами, которыя, хотя не появлялись въ печати, но ходили по рукамъ, и были извѣстны во всѣхъ кругахъ общества. Пародія его одной изъ Ломоносовскихъ одъ произвела въ свое время удивительный эфектъ. Гераковъ служилъ Марину оселкомъ, на которомъ онъ острилъ свой умъ У меня осталось въ памяти нѣсколько стиховъ, сочиненныхъ Маринымъ, на день рожденія Геракова. Авторъ послѣ вступленія, говоритъ:

«Родился и раскричался
Изо всѣхъ ребячьихъ силъ,
Голосъ въ Тартарѣ раздался,
Древнихъ Грековъ всполошилъ.
Взволновалися ихъ души,
Видѣть всѣ дитя хотятъ,

Крылья подвязавъ подъ уши,
Быстро на землю летятъ.»

Послѣ этого описывается, какъ древніе мудрецы Греціи окружили колыбель, и по совѣщаніи между собою, поручили одному изъ своего круга надѣлить новорожденнаго качествами и земными благами, которыя должны сопутствовать ему въ жизни. Вотъ что говоритъ древній Грекъ:

«Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ,
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчный капитанъ!
Будешь — и судьбы гласили:
Будешь двухъ аршинъ съ вершкомъ.
И всѣ старцы подтвердили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ!

Все это была сущая правда. Г. В. Гераковъ былъ весьма малаго роста, служилъ весьма долгое время въ капитанскомъ чинѣ, и если не могъ нанять кареты, то ходилъ пѣшкомъ, но не ѣзжалъ никогда

на извощикахъ. Хотя въ сочиненіяхъ своихъ онъ былъ точно *тиранъ* своихъ читателей, но произвелъ однажды большую пользу, разсказавъ въ одной изъ своихъ брошюрокъ о подвигѣ флотскаго Капитана Ильина, который, по приказанію Графа Алексѣя Григорьевича Орлова, сжегъ Турецкій флотъ, при Чесмѣ. Всѣ до того времени думали, что этотъ знаменитый подвигъ совершенъ Англійскимъ офицеромъ въ нашей службѣ, Эльфингстономъ, а иностранцы писали даже, что и самое распоряженіе принадлежитъ Англичанину, Адмиралу Грейгу. Гераковъ доказалъ, что предположеніе Русскаго вождя исполнилъ Русскій офицеръ, и бѣдныя дочери Ильина получили пенсію. Вотъ какъ и малые авторы могутъ быть полезны, если въ нихъ пылаетъ любовь къ добру и къ народной славѣ!

Но если Гераковъ не былъ ни поэтомъ, ни отличнымъ прозаикомъ, ни глубоко-

мысленнымъ историкомъ и археологомъ — то былъ отличнымъ учителемъ Исторіи, умѣлъ возбуждать къ ней любовь въ своихъ ученикахъ, и воспламенять страсть къ славѣ, величію и подражанію древнимъ героямъ. Онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова, и разсказывая намъ событія, увлекалъ насъ и заставлялъ невольно слушать. Тетради его имѣли мало достоинства, но изустное изложеніе было превосходное, и мы, чувствуя недостатокъ связи въ его тетрадяхъ, чтеніемъ дополняли то, чего у него не было. Гераковъ охотно снабжалъ насъ книгами, а бралъ ихъ вездѣ, гдѣ могъ достать. Онъ часто навѣщалъ насъ внѣ классовъ, и расхаживая по саду, окруженный кадетами, воображалъ себя Платономъ, въ садахъ Академіи. Мы много обязаны Г. В. Геракову за развитіе нашихъ способностей и возбужденіе любви къ наукѣ, которая, по справедливости, называется царскою!

Русскій языкъ, а въ первыхъ трехъ верхнихъ классахъ и Литературу преподавалъ Петръ Семеновичъ Желѣзниковъ (тогда Капитанъ). Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ при Графѣ Ангальтѣ и также однимъ изъ лучшихъ актеровъ корпуснаго театра. П. С. Желѣзниковъ зналъ Русскій языкъ основательно, и притомъ былъ весьма силенъ въ языкахъ Французскомъ, Нѣмецкомъ и Италіянскомъ. Еще будучи кадетомъ, онъ перевелъ Фенелонова *Телемака*. Переводъ поднесенъ былъ Императрицѣ Екатеринѣ II, которая щедро наградила переводчика, приказала напечатать книгу на казенный счетъ, въ пользу автора, и ввести, какъ классную книгу, во всѣ учебныя заведенія. Желѣзниковъ объяснялся чрезвычайно хорошо, и читалъ и декламировалъ превосходно. *Телемакъ* переведенъ имъ стариннымъ, напыщеннымъ слогомъ, но языкъ перевода правильный,

Въ это время уже дѣйствовала новая, Карамзинская школа, и Желѣзниковъ, какъ человѣкъ умный и со вкусомъ, призналъ ея превосходство и подчинился ея законамъ. Но о языкѣ и Литературѣ я поговорю въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу только, что кромѣ Н. И. Греча я не зналъ лучшаго преподавателя Русскаго языка, какъ П. С. Желѣзниковъ, въ чемъ согласятся со мною всѣ знавшіе его. Всѣ прочіе мои учители, хотя и не имѣли такихъ достоинствъ, но были люди добрые, скромные и ласковые. Правда, что никто не приласкалъ меня особенно, хотя я учился изъ всѣхъ силъ, и никто не занимался мною отдѣльно. Я былъ смѣшанъ въ толпѣ, и хотя былъ сирота, но ужъ не животное, которое безпрестанно погоняли! Положеніе мое было весьма сносное.

Я рѣдко ходилъ со двора. Братъ мой былъ въ то время Ротмистромъ въ Конно-

Польскомъ Полку и адьютантомъ при С. Петербургскомъ Генералъ-Губернаторѣ, Графѣ Паленѣ. Обязанности службы оставляли ему мало свободнаго времени. Братъ жилъ въ домѣ музыканта Булана, на Дворцовой Площади (*), вмѣстѣ съ Маіоромъ Тираномъ (**), также адъютантомъ Графа Палена. Къ нимъ собирались иногда офицеры гвардіи и молодые люди, между которыми я помню нѣкоторыхъ, особенно Мелиссино (***), сына Директора 2-го Кадетскаго Корпуса. Я ходилъ также иногда къ нѣкоторымъ Полякамъ, изъ знакомыхъ моимъ родите-

---

(*) Гдѣ нынѣ проѣздъ на Пѣвческій Мостъ, между Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества и Эрдерциръ-Гаузомъ.

(**) Женившемся потомъ на дочери Демута, содержателя знаменитой гостиницы, которая и понынѣ существуетъ.

(***) Онъ былъ послѣ командиромъ Лубенскаго Гусарскаго Полка.

лямъ и къ Осипу Антоновичу Козловскому.

Внѣ корпуса я нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть бывшаго Польскаго Короля Станислава Августа (Понятовскаго), въ Католической Церкви, на прогулкѣ и однажды на вахтпарадѣ, въ новопостроенномъ Михайловскомъ Экзерциргаузѣ. Императрица Екатерина II позволила ему жить въ Гроднѣ, назначивъ по условію, при отрѣченіи отъ престола, 200 тысячъ червонцевъ годовой пенсіи, и уплативъ, вмѣстѣ съ Пруссіей и Австріей, его долги. Императоръ Павелъ Петровичъ пригласилъ его въ Петербургъ, отдалъ ему для жительства Мраморный Дворецъ, и назначилъ къ его Дворцу нѣсколько придворныхъ чиновниковъ, и въ томъ числѣ, для исправленія должности каммергера, бывшаго въ Польшѣ Полномочнымъ Посломъ, Графа Штакельберга, который, какъ всѣмъ извѣстно, обходился въ Вар-

шавъ съ Королемъ не весьма почтительно. Объ этомъ тогда много говорили въ Петербургѣ, и выхваляли Государя. Послѣ я былъ коротко знакомъ съ двумя человѣками, весьма близкими къ Королю, Швендровскимъ, бывшимъ при немъ Секретаремъ, и Тремономъ, исправлявшимъ должность казначея. Они мнѣ разсказывали много о Королѣ, выхваляя его добродушіе и умъ, въ чемъ нѣтъ ни какого сомнѣнія. Король жилъ въ Петербугѣ весьма уединенно, занимался чтеніемъ или разговорами съ своими приближенными, и любилъ заводить рѣчь о послѣднихъ событіяхъ, оправдывая себя въ несчастіяхъ, постигшихъ его отечество, и сваливая всю вину на вельможъ и даже на народъ. По моему мнѣнію, и онъ правъ, и тѣ правы, которые обвиняютъ его! Король не могъ перенесть равнодушно своего положенія, и тайная тоска снѣдала его. — Онъ искалъ утѣшенія въ Религіи и

даже въ мистицисмѣ (мартинисмѣ), но не могъ побѣдить предубѣжденій юношескихъ лѣтъ и вліянія Вольтеровой философіи, которой онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ. Воспоминанія земнаго величія терзали его душу! Швендровскій подарилъ мнѣ копію съ альбома Польскаго Короля, т. е. выписки изъ разныхъ сочиненій, на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, въ стихахъ и прозѣ, собственныя его замѣтки и нѣкоторые, нигдѣ не напечатанные стихи и эпиграмы. Въ этомъ альбомѣ изображается характеръ Короля, или правильнѣе, его безхарактерность. Тутъ самое серіозное и важное перемѣшано съ пошлымъ, и высокая мудрость съ цинисмомъ! Этотъ альбомъ понынѣ хранится у меня. Замѣчательна въ немъ статья о всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ алмазахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, съ рисунками, въ настоящую ихъ величину, съ означеніемъ вѣса, цѣны, Дворовъ или

частыхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ. Подъ выписками, писанными рукою Короля, поставленъ его вензель : S. A. R., т. е. Stanislaus Augustus Rex.

Король уже былъ старъ, но въ чертахъ лица его видны были остатки его красоты. Въ церкви я видѣлъ его въ собольей шубѣ, крытой зеленымъ бархатомъ, съ двумя звѣздами на покрышкѣ, а на вахтпарадѣ въ красномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ. Онъ стоялъ въ сторонѣ, безъ шляпы. Когда я впервые увидѣлъ Графа Платона Александровича Зубова, меня удивило сходство его съ Польскимъ Королемъ, хотя Графъ Зубовъ былъ гораздо моложе. Это одинъ очеркъ лица.

Разумѣется, когда Король не могъ раздавать чиновъ, орденовъ и староствъ, прежніе его приверженцы оставили его, но нашлись промышленики, которые не только послѣ отрѣченія его отъ престола, но даже и по его смерти снабжали

охотниковъ патентами на званіе шамбеляновъ (каммергеровъ) его бывшаго Двора и на орденъ Св. Станислава, со звѣздою и лентою чрезъ плечо! Разумѣется, что это дѣлалось безъ вѣдома Короля. Сперва этимъ промысломъ занимался камердинеръ его, а потомъ двое искателей приключеній, изъ бѣдной Польской шляхты, прибывшіе въ Петербургъ искать счастія. Одинъ изъ нихъ былъ пойманъ, уличенъ и посаженъ въ крѣпость, но слѣпой случай перебросилъ его внезапно съ пути въ Сибирь на путь къ счастію, и онъ, подъ покровительствомъ одной знатной дамы, вышелъ въ люди! Тогда это надѣлало много шуму между Поляками. Теперь все забыто! Дѣла давно минувшихъ лѣтъ!

Король Польскій умеръ въ Февралѣ 1798 года, и похороненъ великолѣпно, по царскому церемоніялу. Государь присутствовалъ при погребеніи. Requiem, ком-

позиціи О. А. Козловскаго, разыгранное въ Католической Церкви, тогда высоко цѣнилось знатоками, и часто повторялось въ духовныхъ концертахъ.

Похороны Короля Польскаго привлекли только толпы любопытныхъ, но были другія похороны, которыя наполнили горестью всѣ сердца. Великій Суворовъ, герой народный, вождь въ полномъ значеніи слова *непобѣдимый*, котораго славою гордится каждый Русскій — скончался въ Петербургѣ. Въ Корпусѣ слѣдовали за всѣми его побѣдами, за всѣми подвигами въ послѣднюю его Италіянскую кампанію, и намъ съ каѳедры провозглашали о чудныхъ дѣлахъ при Требіи, при Нови, при переходѣ чрезъ Альпы! Кадеты были воспламенены славою Суворова, и завидовали участи тѣхъ, которые могли умереть съ оружіемъ въ рукахъ, въ глазахъ героя. Мы ожидали, что Суворовъ навѣститъ Корпусъ, что мы

увидимъ нашъ идеалъ, и узнали, что онъ пріѣхалъ больной, изнеможенный, упавшій духомъ. Горесть была общая... болѣе нежели горесть, и вѣсть о смерти Суворова встревожила столицу. Плакали и громко жаловались!... Въ день похоронъ, когда печальная колесница проѣзжала по Невскому Проспекту, при многочисленномъ стеченіи народа, Государь пріѣхалъ верхомъ, изъ Михайловскаго Дворца, остановился на углу Садовой, возлѣ Императорской Публичной Библіотеки, и когда гробъ поравнялся съ нимъ, снялъ шляпу и уѣхалъ.

Императоръ Павелъ Петровичъ нѣсколько разъ посѣщалъ Корпусъ, и былъ чрезвычайно ласковъ съ кадетами, особенно съ малолѣтными, позволяя имъ многія вольности въ своемъ присутствіи. —«Чѣмъ ты хочешь быть?» спросилъ Государь одного кадета въ малолѣтномъ отдѣленіи. — «Гусаромъ!» отвѣчалъ ка-

детъ. — «Хорошо, будешь! А ты чѣмъ хочешь быть?» примолвилъ Государь, обращаясь къ другому малолѣтному кадету. — «Государемъ!» отвѣчалъ кадетъ, смотря смѣло ему въ глаза. — «Не совѣтую, братъ,» сказалъ Государь, смѣясь: «тяжелое ремесло! Ступай лучше въ гусары!» — «Нѣтъ, я хочу быть государемъ,» повторилъ кадетъ. — «Зачѣмъ?» спросилъ Государь. — «Чтобъ привезть въ Петербургъ папеньку и маменьку.»— «А гдѣ же твой папенька?» — «Онъ служитъ маіоромъ (не помню въ какомъ) въ гарнизонѣ!» — «Это мы и безъ того сдѣлаемъ!» сказалъ Государь ласково, потрепавъ по щекѣ кадета, и велѣлъ бывшему съ нимъ Генералъ-Адъютанту записать фамилію и мѣсто служенія отца кадета. Чрезъ мѣсяцъ отецъ кадета явился въ Корпусъ къ сыну, и отъ него узналъ о причинѣ милости Государя, который перевелъ его въ Сенатскій Полкъ и ве-

лѣлъ выдать нѣсколько тысячъ рублей, на подъемъ и обмундировку. Однажды, проходя по нашей гренадерской ротѣ, Государь спросилъ у благообразнаго кадета: «Какъ тебя зовутъ?» — «*Приказный*,» отвѣчалъ кадетъ. — «Я не люблю *приказныхъ*,» возразилъ Государь, «и съ этихъ поръ ты будешь называться»... Государь задумался, и взглянувъ на бывшаго съ нимъ Михаила Никитича Муравьева (*), сказалъ: «ты будешь называться *Муравьевымъ!*» Потомъ, обратясь къ Михаилу Никитичу, Государь примолвилъ: «Прошу извинить меня, Ваше Превосходительство, что я далъ этому кадету вашу фамилію: это послужитъ ему поощреніемъ къ подражанію вамъ, а мнѣ такіе люди, какъ вы, весьма нужны!» М. Н. Муравьевъ низко поклонился Государю, и

(*) Извѣстный Русскій прозаикъ, бывшій при воспитаніи ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей.

чрезъ нѣсколько дней вышелъ Сенатскій Указъ о переименованіи Приказныхъ въ Муравьевыхъ. Въ другой разъ Государь, проходя по галереѣ, уронилъ трость. Толпа кадетовъ бросилась поднимать ее, нѣкоторые падали, и вырывая трость другъ у друга, стали толкаться и чуть не драться между собою. Офицеры были въ страхѣ, не зная какъ приметъ это Государь, но онъ былъ чрезвычайно доволенъ. — «Вижу, что вы будете усердно служить мнѣ,» сказалъ Государь, поцѣловавъ того кадета, которому удалось схватить трость и представить ему, а всему Корпусу велѣлъ раздать фрукты и распустить всѣхъ на три дня со двора. Въ Мартѣ 1800 года, Государь лично объявилъ Корпусу, что онъ будетъ называться впредь *Первымъ* Кадетскимъ Корпусомъ, въ знакъ Царской къ намъ милости.

Вскорѣ послѣ перехода моего въ третью

роту и въ верхніе классы, Графъ Ламсдорфъ назначенъ воспитателемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Павловича (нынѣ благополучно царствующаго Императора) и Михаила Павловича, а на его мѣсто поступилъ Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ (въ Ноябрѣ 1800 года). Въ Февралѣ 1801 года, за нѣсколько недѣль до своей кончины, Государь возвысилъ Графа Зубова въ званіе Шефа Корпуса, а Ѳ. И. Клингеръ, произведенный въ Генералъ-Маіоры, назначенъ Директоромъ. Но при этихъ перемѣнахъ начальниковъ, въ Корпусѣ ничего не перемѣнилось, и все шло старымъ порядкомъ. Мы знали Графа Зубова потому только, что видѣли множество слугъ его, одѣтыхъ богато и распудренныхъ, на галереяхъ, и что онъ приказывалъ иногда призывать къ себѣ лучшихъ кадетъ и раздавалъ имъ плоды, ко-

торыми всегда были наполнены его комнаты, потому что вѣрилъ, будто испаренія отъ свѣжихъ плодовъ, сохраняютъ свѣжесть лица. Графъ Зубовъ принималъ мало гостей, и самъ рѣдко выѣзжалъ со двора, живя уединенно. Государь, навѣщая Корпусъ, обходился съ нимъ чрезвычайно милостиво.

12 Марта 1801 года, едва пробили утреннюю зорю, вдругъ начали бить сборъ (въ 6 часовъ утра). Дежурный офицеръ вбѣжалъ опрометью въ роту, и закричалъ: «вставать и одѣваться! Не надобно пудриться, бери аммуницію и ружья, и стройся!» Пошла суматоха. Мы никакъ не могли догадаться, что бы это значило, потому что этого никогда не бывало. При полной аммуниціи мы всегда пудрились; на ученье насъ не выводили такъ рано... Едва мы успѣли выстроиться, насъ повели прямо въ Собраничную Залу, и въ то же время принесли знамена (а тогда каж-

дая рота имѣла знамя). Наконецъ явился священникъ, въ полномъ облаченіи, и мы присягнули новому Императору Александру Павловичу! (*) Тутъ только узнали мы, что Государь скончался въ ночи съ 11 на 12-е Марта! Кадеты любили покойнаго Государя, и многіе изъ насъ заплакали. Графа Зубова не было на присягѣ. Послѣ присяги намъ было позволено итти со двора, на двое сутокъ.

Первому Кадетскому Корпусу предоставлена была особая честь содержать караулъ при гробѣ Императора, въ Михалойвскомъ Дворцѣ, и занимать первое мѣсто при погребеніи, именно впереди и съ тыла погребальной колесницы, подъ ружьемъ, съ знаменами. Кадеты Втораго Кадетскаго Корпуса шли въ черныхъ мантіяхъ и распущенныхъ шляпахъ, съ фа-

(*) Тогда кадеты присягали, потому что считались въ службѣ.

келами, вокругъ колесницы. Отъ Михайловскаго Дворца, чрезъ Царицынъ Лугъ Набережною Невы до Зимняго Дворца, черезъ Исакіевскій Мостъ, Кадетскую Линію и чрезъ Тучковъ Мостъ, по Петербургской Сторонѣ, до Петропавловской Крѣпости выстроены были, по обѣимъ сторонамъ улицъ, полки гвардіи и арміи, которые, по прошествіи погребальной процессіи, слѣдовали по взводно за нею, и выстроились за гласисомъ крѣпости, а только одинъ нашъ Корпусъ вошелъ, подъ ружьемъ, внутрь ея. Церемоніялъ былъ тотъ же, какъ при погребеніи Императора Александра Павловича.

Началась новая эпоха, новая жизнь для всей Россіи, но во внутреннемъ устройствѣ Корпуса весьма мало было перемѣнъ до моего выпуска.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОЯСНЕНІЯ.

(1) Если бъ я писалъ мои *Воспоминанія* не въ Россіи, то не сказалъ бы слова о моемъ происхожденіи; но здѣсь *я долженъ* упомянуть о родѣ моемъ. Клевета, выродившаяся изъ враждующихъ литературныхъ партій, устремляясь на меня безпрерывно, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, въ различныхъ видахъ и образахъ, подобно баснословному Протею, не пощадила даже моего рода. Были эпиграмы и сатиры, въ которыхъ меня изображали какимъ-то безроднымъ скитальцемъ! Не могу удержаться отъ смѣха, когда добрые люди играютъ предо мной роль аристократовъ. Пусть же они узнаютъ, что и я принадлежу къ древнему боярскому роду, поселившемуся въ Западной Руси, отъ незапамятныхъ временъ. Предки мои были *старшины*, какъ угодно называйте ихъ) изъ Славянскаго

племени Булгаръ, и переселились, вѣроятно, въ слѣдствіе внутреннихъ замѣшательствъ края, на *Русь Бѣлую,* т. е. *вольную,* не подлежавшую владычеству Монголовъ, гораздо прежде соединенія Литвы съ Польшею. Древнѣйшія извѣстія о нашемъ родѣ сохранились въ фамильныхъ преданіяхъ, а потому объ этомъ и говорить нечего. Скажу только, что предки мои, въ древности, назывались «Скандербеками» (по-Польскому произношенію Шкандербеками), и что «Булгаринъ» было только прозваніе, для означенія прежняго отечества; что у насъ нѣтъ однофамильцевъ, но всѣ Булгарины (ихъ теперь весьма немного) принадлежатъ къ одному роду и племени, что всѣ они одной фамиліи и одного герба. Сперва были два гнѣзда наши, въ Волковыскомъ Уѣздѣ, Гродненской Губерніи, и въ Новогрудскомъ Воеводствѣ, а теперь Новогрудская линія кончилась на мнѣ. Въ родѣ нашемъ, за заслуги, были всегда староства, въ послѣднее время староство Яловское (пожалованное, по истеченіи срока, Гераль-Адъютанту Графу Павлу Васильевичу Кутузову), Бакуны и наконецъ амфитеутическое помѣстье Рудавка (близъ Свислочи), долженствующее быть въ родѣ нашемъ, пока онъ будетъ существовать. Этого не давали мелкой шляхтѣ!—Голубыя ленты, со времени учрежденія Бѣлаго Орла, въ родѣ нашемъ, до паденія Польши, не переводи-

лись. Все это извѣстно всѣмъ дворянамъ Западныхъ Губерній; но здѣсь я долженъ привесть въ доказательство только печатное и офиціальное.

Въ весьма важномъ и любопытномъ историческомъ сочиненіи, на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego, S. I. powiększony dodatkami z pòzniejszych autorow, rękopismow, dowodow urzędowych i wydany przez Iana Nep. Bobrowicza, w Lipsku, 1839 (т. е. *Гербарь Польскій, Каспера Несѣцкаго, Іезуита, умноженный прибавленіями изъ изысканій новѣйшихъ писателей, рукописей и офиціяльныхъ доказательствъ*, Іоанномъ Непомукомъ Бобровичемъ, въ Лейпцигѣ, 1839 года) во второмъ томѣ, на страницѣ 360 непечатано; «Булгаринъ (по-Польски Bułharyn). Ten dom starodawny Kuropatnicki w § 11 o familiach rodowitey Szlachty Polskiey i W. Ks. Lit. w rzędzic nazwisk umieszcza,» т. е. «Этотъ древній домъ, Куропатницкій (знаменитый Геральдикъ) помѣстилъ въ спискѣ родовыхъ дворянъ Польскихъ и Великаго Княжества Литовскаго.» Далѣе Г. Бобровичъ помѣщаетъ имена моихъ предковъ, занимавшихъ званіе пословъ на сеймахъ или другія важныя государственныя должности. Весьма жаль, что Г. Бобровичъ, поставивъ на заглавіи книги, что онъ дополнилъ прежнихъ геральди-

ковъ собственными изысканіями изъ *рукописей* и *официяльныхъ актовъ*, упустилъ изъ вида важнѣйшее собраніе *официяльныхъ актовъ*, а именно *Метрику Литовскую*, при 3 мъ Департаментѣ Прав. Сената уцѣлѣвшую, по счастію, отъ истребленія, какъ то сталось съ другими важными собраніями актовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ Метрикѣ Литовской онъ бы нашелъ документы нашей фамиліи въ началѣ и первой половинѣ XVI вѣка, доказывающіе, что родъ нашъ былъ боярскій, при Дворахъ Князей Литовскихъ, и владѣлъ потомственно, *дѣдично*, помѣстьями. Двѣ такія грамоты, 1543 и 1546 годовъ, помѣщены мною въ № 255 Сѣверной Пчелы, 1843 года, въ доказательство, что всѣ акты въ Литвѣ, въ первой половинѣ XVI вѣка, писались по-Русски, Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, а три грамоты 1511 и 1512 годовъ, выписанныя изъ Метрикъ Литовскихъ изъ книги № 9, актъ 72, 320, книги № 28, стр. 63, сообщены мнѣ недавно и хранятся у меня. Всѣ онѣ служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что предки мои имѣли въ Литвѣ званіе бояръ при Дворѣ Князей Литовскихъ, занимали значительныя мѣста и были дѣдичами многихъ помѣстьевъ. Въ метрикѣ, вытребованной мною, въ 1831 году, изъ Минской Римско-Католической Епархіи, сказано: « Die 28 Iunii, anno 1789, ego Casimirus Kamiński Curatus

Uzdensis, baptisavi Infantem filium, nomine Ioannem Thaddeum et Christophorum, natum 24 eiusdem, ex aqua, parentum Nobilium Magnificorum Dominorum Benedicti Szkanderbek de Princibus Bulgarorum Bulharyn, Vexiliferi Mozeriensis et Anielie de domo Buczynska, prima voti Mężenska, coniugum legitimorum etc.» Далѣе слѣдуетъ поименованіе свидѣтелей. На Латинской метрикѣ находится слѣдующая Русская надпись: «Оное свидѣтельство о рожденіи и крещеніи дворянина Ивана, Ѳаддея, Христофора, сына Венедикта Шкандербекъ изъ Князей Булгарскихъ Булгарина и Анѣли, урожденной Бучинской, въ первомъ замужствѣ Менжинской, по сличеніи съ подлинными крестоприводными книгами Уздянскаго Костелла оказалось быть съ оными сходнымъ, о чемъ Минская Римско-Католическая Духовная Консисторія за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати свидѣтельствуетъ. Іюня 4 дня 1831 года. Подписано: Officyał Prałat i Kawaler X. P. Rawa. Секретарь Пустановскій.» Княжеское происхожденіе рода нашего осталось въ преданіи, въ подписяхъ на старинныхъ сдѣлкахъ и на надписяхъ въ нѣкоторыхъ церквахъ въ Литвѣ; родъ нашъ вообще не искалъ признанія этого титула на Сеймѣ, будучи въ оппозиціи противу признаванія чужеземныхъ титуловъ.

Послѣ этого позволяю всѣмъ и каждому аристократиться передо мною! Я же, по-прежнему, остаюсь братомъ каждаго честнаго, благороднаго и даровитаго человѣка.

(2) Родъ Бучинскихъ, къ которому принадлежитъ мать моя, считаетъ въ числѣ предковъ своихъ знаменитаго Канцлера Димитрія Самозванца, Яна Бучинскаго, вѣрившаго отъ души, что Димитрій истинный Царевичъ. Я зналъ двухъ моихъ дядей: Предсѣдателя Гражданскаго Губернскаго Суда въ Витебскѣ и Крайчаго (т. е. Кравчаго) Великаго Княжества Литовскаго, Старосту Бабиновецкаго. Третій братъ ихъ, Янъ Бучинскій, Генералъ-Адъютантъ Польскаго Короля Станислава Августа (Понятовскаго), послѣ раздѣленія Польши удалился во Францію, продавъ все свое имѣніе, и умеръ въ Парижѣ. Взятая имъ съ собою значительная сумма денегъ пропала безъ вѣсти. Я видѣлъ только его портретъ, въ бѣломъ кунтушѣ и малиновомъ жупанѣ. Великолѣпный нарядъ! Въ домѣ Крайчаго Бучинскаго я видѣлъ множество драгоцѣнныхъ вещей, оружія, конскихъ приборовъ въ серебрѣ и золотѣ, чапраковъ шитыхъ жемчугомъ и много разной старинной серебряной посуды. Все это досталось роду Бучинскихъ послѣ Канцлера Яна Бучинскаго. Имѣніе и вся движимость перешли къ

послѣднему въ этомъ родѣ Бучинскихъ (герба Стремя), Маіору Русской службы Роху Бучинскому (потомъ Маршалу Оршанскому), который умеръ холостъ, раздавъ имѣніе, разными сдѣлками и обязательствами, своимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, называвшимъ его при жизни папенькой.

(3) Въ сочиненіи моемъ: *Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*, во 2-й части *Исторіи*, на стр. 337 упомянуто, что значительная часть этого имѣнія отдана за поголовщину фамиліи Узловскихъ. Дѣдъ мой, въ спорѣ, убилъ изъ ружья помѣщика Узловскаго, и по Статуту Литовскому долженъ былъ заплатить *виру* (см. Русскую Правду Ярослава), т. е. *поголовщину*. Въ Исторіи я привелъ этотъ примѣръ въ доказательство, что въ Статутъ Литовскій вошло много изъ Русской Правды Ярославовой.

(4) Отецъ мой также находился при войскѣ Костюшки, съ собранною имъ дружиною. Но Костюшко, по старымъ фамильнымъ связямъ и по письмамъ моей матери, не хотѣлъ подвергать его опасностямъ, убѣдясь въ пылкости его характера. Костюшко уговорилъ отца моего принять званіе Военно-Гражданскаго Коммиссара.

(5) Всѣ военные люди знаютъ, что *залога* называется одинъ или нѣсколько солдатъ, оставляемые въ селѣ или усадьбѣ, съ письменнымъ видомъ отъ начальника отряда или даже отъ главнокомандующаго, для предохраненія жителей страны, гдѣ происходитъ война, отъ грабежей и насилій, производимыхъ мародерами. Если нельзя оставить *залогу*, то дается *охранительный листъ*.

(6) Польская панна въ домѣ, это существо, извѣстное въ одной Польшѣ. Панна обыкновенно бываетъ изъ бѣдныхъ шляхтянокъ и исправляетъ званіе каммеръ-юнгферы, компаніонки, даже служанки (только изъ любви къ господамъ своимъ); садится за столъ съ семействомъ хозяина, и обыкновенно служитъ цѣлью его шутокъ на счетъ женскаго пола вообще. Вѣрность и услужливость ихъ удивительныя! Теперь уже переводятся настоящія панны.

(7) Мать моя была въ первомъ замужствѣ за помѣщикомъ Менжинскимъ, и имѣла съ нимъ троихъ дѣтей: сына Іосифа, служившаго сперва въ Конной Гвардіи, потомъ Ротмистромъ въ Конно-Польскомъ Полку и адъютантомъ при Графѣ Паленѣ, и умершаго отставнымъ Маіоромъ Лубенскаго Гусарскаго Полка; дочерей: Елисавету, быв-

шую въ замужствѣ за Ст. Совѣтн. Степаномъ Филимоновичемъ Погоржельскимъ, и Антонину, бывшую въ замужствѣ за Дѣйств. Ст. Совѣтн. Александромъ Михайловичемъ Искрицкимъ. Отецъ мой также имѣлъ дѣтей отъ перваго брака: сына Михаила и дочь Маріану, бывшую въ первомъ замужствѣ за помѣщикомъ Корейвой, а во второмъ за помѣщикомъ Гласко. Отъ втораго брака моихъ родителей остался я одинъ. Всѣ упомянутыя здѣсь лица умерли.

(8) Губернаторомъ назывался въ Польшѣ управитель у богатаго помѣщика или пана, имѣвшаго своихъ надворныхъ солдатъ, а на Украйнѣ надворныхъ казаковъ и замокъ, или крѣпостцу. Губернаторъ управлялъ городишкомъ, въ которомъ находился замокъ, и окрестными помѣстьями, и въ случаѣ нашествія непріятеля или междоусобной войны обязанъ былъ защищать замокъ.

(9) На томъ основаніи, что въ Польшѣ и Западныхъ Губерніяхъ находится много мелкой, бѣдной и необразованной шляхты, изъ которыхъ многіе не могли доказать бумагами своего шляхетскаго происхожденія, нынѣ слово *шляхтицъ* принимается въ видѣ унизительномъ, и многіе воображаютъ, что *шляхтицъ* не то, что дворянинъ, а ниже. — Шляхетство, напротивъ, было

высшее званіе въ Польшѣ, и, отъ Короля до безпомѣстнаго шляхтица, всѣ почитали высочайшимъ блаженствомъ *шляхетское сокровище* (kleynod Szlachetski). Народная поговорка гласитъ: шляхтицъ на огородѣ, равенъ воеводѣ (Szlachcic na ogrodzie, rôwen woiewodzie). Бѣдный и богатый шляхтицъ, князь и его конюшій изъ шляхетскаго рода, были равны въ правахъ.

Каждому, хотя нѣсколько знакомому съ Исторіею бывшей Литвы и Польши, извѣстно, что встарину тамъ не выдавали *дипломовъ* или *грамотъ* на дворянство или *шляхетство*, но что это отличіе, бывъ принадлежностью древнихъ *старшинъ* Славянскаго Западнаго племени отъ незапамятныхъ временъ, наконецъ, при устройствѣ Монархіи, перешло въ наименованіе высшаго сословія. Въ послѣдствіи, чужеземцамъ на Сеймахъ давали права Польскаго шляхетства, и это называлось *индигенатомъ*, и возводили туземцевъ въ шляхетство за отличныя заслуги, что называлось *нобилитаціей*. Протоколы, вмѣщающіе въ себѣ постановленія Сейма, назывались *конституціями*. Весьма многіе историки и понынѣ не умѣютъ объяснить происхожденія слова *шляхтицъ*, и думаютъ, что это Нѣмецкое слово: Schlacht-Schütz, т. е. *военный или боевой стрѣлокъ*. Это истолкованіе вовсе несправедливо. При глубокомъ изслѣдованіи исто-

рическихъ источниковъ Славянскаго и Германскаго племенъ, по ихъ языку и по древнимъ обычаямъ, можно догадываться, что Германцы и Славяне, въ предъисторическую эпоху, или составляли одно родственное племя, или были между собою въ весьма близкихъ сношеніяхъ и всегдашнемъ сосѣдствѣ. по сю и по ту сторону Кавказскихъ Горъ, чрезъ которыя они пришли въ Европу изъ Азіи. Званіе *людиновъ*, существовавшее у Славянъ и у Германцевъ (Luti), и званіе *мужей* Славянскихъ, находящееся въ Нѣмецкомъ языкѣ (Mensch, а по-Польски mąż), доказываютъ древность сношеній или обоюдныхъ заимствованій этихъ племенъ Древніе Славяне раздѣлялись на *роды*, какъ Германы на Geschlechte. И такъ, *шляхетство*, есть тоже, что Geschlecht: *родъ*, *фамилія*. Въ Польшѣ нельзя было писать офиціально иначе, какъ *урожденному* (urodzonemu), по-Латыни generosus, такому-то, какъ по-Нѣмецки Geboren и Wohlgeboren. Это не означаетъ *рожденному отъ жены*, но принадлежащему къ *роду*, т. е. къ *фамиліи* такой-то, по-Латыни genus. Людямъ не шляхетскаго происхожденія писали: *славетному* (sławetnemu), т. е. извѣстному, пріобрѣвшему имя, репутацію, по-Латыни famatus. *Дворяниномъ* (Dworzanin) назывался въ Польшѣ и во всей Западной Славянщинѣ *шляхтичъ*, служащій при Дворѣ Королевскомъ

или при Дворѣ Удѣльнаго Князя и вельможи. Важность человѣка зависѣла не отъ мѣста, а отъ происхожденія, *шляхетства*. Слово *дворянинъ*, для означенія человѣка благороднаго происхожденія, въ Россіи утвердилось оттого, что дѣти боярскіе и вообще всѣ люди. владѣвшіе населенными землями, должны были проживать извѣстное время *при Дворѣ Великихъ Князей*, чтобъ быть на лице, готовыми для употребленія на различныя общественныя службы. Въ послѣдствіи и бояре, и всѣ званія благородныя слились вмѣстѣ, подъ общимъ наименованіемъ *дворянства*. И въ Россіи недавно стали выдавать *дипломы* или *грамоты* на дворянство. Встарину, въ Россіи, благородное происхожденіе доказывалось точно такъ же, какъ и въ Польшѣ, службами и владѣніемъ помѣстьями. Въ Польшѣ это было *всегда*, до самаго ея паденія. Только одна шляхта имѣла право владѣть населенными помѣстьями, служить въ земской службѣ и пріобрѣтать званія гражданскія и придворныя. Въ Польшѣ, нешляхетскаго рода человѣку совершенно невозможно было владѣть помѣстьемъ, потому что каждый шляхтицъ могъ бы его выгнать, а если бъ не шляхтицъ явился на Сеймики (или выборы въ гражданскія званія и въ послы на Сеймъ), то шляхта изрубила бы его въ куски, на мѣстѣ. Въ воеводствахъ (гу-

берніяхъ) и повѣтахъ (уѣздахъ) хранились шляхетскія книги или списки: палладіумъ шляхетскаго сословія, подъ надзоромъ маршаловъ (то же что Дворянскихъ Предводителей), и горе тому, кто бы дерзнулъ вписать въ книгу недворянина: онъ преданъ былъ бы позору, и изгнанъ или изрубленъ шляхтой. Всѣ лица шляхетскаго происхожденія (*урожденные*, urodzone) почитались равными между собою, и Короли Польскіе не имѣли права жаловать шляхту князьями, графами или баронами. Только одни Князья Рюрикова и Гедеминова рода сохраняли княжеское званіе и такихъ родовъ было весьма немного. Сеймы, такъ же какъ и Короли, не давали званій, возвышающихъ одинъ родъ надъ другимъ. При Польскомъ Королѣ Іоаннѣ Казимирѣ (отъ 1649 до 1668 года) постановлено было, чтобъ въ Польшѣ только тѣ роды пользовались княжескимъ достоинствомъ, которымъ оно подтверждено Сеймами до настоящаго времени. Такъ, напримѣръ, фамилія Лиздейко, происходящая отъ первосвященниковъ идолопоклоннической Литвы, принявшая прозваніе Радзивиловъ, пріобрѣла Княжество Римской Имперіи, а позже фамилія Сапѣговъ, Любомирскихъ и другіе знатные шляхетскіе роды. Графскаго достоинства въ Польшѣ никогда не бывало. Извѣстное число *ключей*, т. е. помѣстьевъ, съ мѣстечкомъ или

городишкомъ, съ правомъ помѣстнаго суда или *юрисдикціей*, и обязанностью выставлять извѣстное число вооруженныхъ людей на войну, получали названіе Hrabstwa и владѣлецъ его до тѣхъ поръ назывался Hrabiem, Hrabia, *Грабя*, пока владѣлъ *Грабствомъ*. Но это было отнюдь не почетное званіе, не титулъ, какъ и теперь. Владѣльцы Грабствъ подписывались: такой-то «Грабя на томъ-то (назвавъ помѣстье), напримѣръ: Янъ Тышкевичъ, Грабя на Биржахъ. Встарину, при Ягеллахъ, въ Польшѣ была одна только фамилія Мышковскихъ, имѣвшая титулъ Маркграфовъ, полученный отъ Римскаго Императора. Король Сигизмундъ II, будучи самодержавнымъ въ Литвѣ, своемъ родовомъ княжествѣ, далъ графскій титулъ Карлу Ходкевичу, за побѣды надъ Шведами, въ Лифляндіи, и это единственный примѣръ въ Исторіи Польши и Литвы. Актъ этотъ отысканъ недавно въ Литовской Метрикѣ, находящейся при 3-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, ученымъ Правовѣдцемъ, Метрикантомъ Дѣйств. Ст. Совѣтн. Францомъ Семеновичемъ Малевскимъ. Въ послѣднее время, когда графоманія овладѣла Польскою шляхтою, и каждый, въ подражаніе Французскимъ эмигрантамъ, хотѣлъ былъ Comte, многія старинныя фамиліи просили у иностранныхъ Дворовъ подтвержденія этого титула, на томъ основаніи, что

въ актахъ Князей Мазовецкихъ и другихъ документахъ предки ихъ назывались Comites. Значеніе этого слова тогда не изслѣдовано. Оно означаетъ просто *товарища*, т. е. воина, въ королевской или княжеской дружинѣ. И теперь настоящее значеніе этого слова сохранилось въ Польскомъ разговорномъ языкѣ: провесть время въ хорошей *комитивѣ* значитъ провесть время въ пріятномъ, *дружномъ обществѣ.* При совершенномъ упадкѣ Польши, при Королѣ Станиславѣ Понятовскомъ, Сеймы начали признавать шляхтѣ иностранные титулы, и множество фамилій пріобрѣло Графство въ Австріи, въ Папской Области и въ другихъ владѣніяхъ, а нѣкоторые даже безъ всякаго права назвались графами, и удержали этотъ титулъ, когда ихъ назвали такимъ образомъ въ офиціяльныхъ бумагахъ, безъ всякихъ справокъ. Наконецъ дошло до того, что каждый достаточный Польскій шляхтичъ, внѣ своей родины, назывался Графомъ! Между тѣмъ люди, которые и имѣли право на титулы, не приняли ихъ, и, въ слѣдствіе своихъ политическихъ мнѣній, противились на Сеймахъ ихъ введенію. Весьма многія фамиліи, ведущія свой родъ болѣе по преданіямъ, нежели по документамъ (а какіе могли быть документы въ Польшѣ, безпрерывно опустошаемой непріятелями! Подписывались: такой-

то, *изъ Князей* Русскихъ или изъ Князей Литовскихъ, и т. п.), какъ, напримѣръ, Огинскіе, Пузины, Полубинскіе и другіе. Кромѣ фамильнаго прозванія, старинныя фамиліи имѣли такъ называемый *придомокъ* (przydomek), что можно перевесть: *родоуказаніе*, т. е. указаніе, изъ какого рода или дома происходитъ фамилія. Придомокъ нашей фамиліи: — *Скандербекъ*.

(10) Павелъ Булгаринъ былъ весьма замѣчательное лице въ своей провинціи. Въ древней Польшѣ высшія инстанціи для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ были Трибуналы: Литовскій и Коронный. Коронный Трибуналъ имѣлъ засѣданія свои въ Піотрковѣ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а Литовскій попеременно въ Вильнѣ, въ Гроднѣ и Минскѣ. На рѣшенія Трибунала не было аппеляціи, слѣдовательно жизнь, честь и имущество граждан ввѣрялось членамъ этого судилища, избираемымъ шляхтой (т. е. дворянствомъ) изъ самыхъ честныхъ и значительныхъ помѣщиковъ. На двадцать пятомъ году отъ рожденія, Павелъ Булгаринъ, имѣя уже званіе Подкоморія Летичевскаго, былъ избранъ въ Маршалы Литовскаго Трибунала (болѣе нежели въ Председатели), важнѣйшее по существу званіе, по части Правосудія въ государствѣ. Это было ранѣе Костюшковскаго возстанія. Маршалъ

Трибунала имѣлъ почетную гвардію, съ знаменемъ, и пользовался высокими почестями вездѣ, гдѣ проживалъ Вступивъ въ должность, Павелъ Булгаринъ нашелъ въ Гродненской и Виленской тюрьмахъ много преступниковъ изъ Евреевъ, осужденныхъ на смертную казнь, которая отложена была безсрочно, по слабости двухъ его предшественниковъ. Павелъ Булгаринъ велѣлъ немедленно привесть въ исполненіе всѣ прежнія рѣшенія. Еврейскіе кагалы сложили огромныя суммы денегъ, до ста тысячъ червонцевъ, или около милліона двухъ сотъ тысячъ рублей ассигн., по тогдашнему курсу, и предложили эти деньги Павлу Булгарину, чтобъ онъ только не исполнялъ приговора, потому что въ числѣ преступниковъ было нѣсколько весьма богатыхъ и значительныхъ Евреевъ, присужденныхъ на смерть за разныя преступленія, а между прочимъ за подговариваніе Польскихъ солдатъ къ побѣгамъ и доставленіе имъ средствъ къ переходу въ Пруссію, гдѣ ихъ помѣщали въ полкахъ. Это, въ послѣднее время, составляло родъ торговли, и нѣкоторыхъ солдатъ высокаго роста даже насильно перевозили за границу, напоивъ до-пьяна. Павелъ Булгаринъ взялъ деньги и отдалъ ихъ на богоугодныя заведенія, а преступниковъ велѣлъ казнить. Нѣсколько десятковъ ихъ было казнено въ одно время въ Виль-

нѣ и Гроднѣ. Это навело ужасъ на Литовскихъ Евреевъ, и они предали весь родъ Булгариныхъ *хериму*, т. е. проклятію. Въ слѣдствіе *херима* ни одинъ Еврей не смѣлъ служить ни одному Булгарину. Отецъ мой разсказывалъ, что пріѣхавъ около этого времени въ Гродно, онъ позвалъ цирюльника (а цирюльниками тогда во всей Польшѣ были Евреи), и когда онъ началъ брить отца моего, вошелъ къ нему пріятель, и сказалъ: «Здравствуй, Булгаринъ!» Лишь только Еврей услышалъ это названіе, бросилъ бритву на полъ и, оставивъ весь свой снарядъ, убѣжалъ опрометью за двери. Жида схватили на улицѣ, и тогда только узнали о *херимѣ*. Въ послѣдствіи, когда Павелъ Булгаринъ въ весьма важномъ дѣлѣ (а именно въ ложномъ обвиненіи Евреевъ, будто они убиваютъ Христіанскихъ дѣтей, чтобъ имѣть кровь для печенія опрѣсноковъ, или мацы) защитилъ Евреевъ и доказалъ всю нелѣпость подобнаго обвиненія, Еврейскіе кагалы сняли *херимъ* съ нашего рода, и даже выслали къ Павлу Булгарину депутацію, публично благодарить его за правосудіе. Павелъ Булгаринъ исправлялъ отлично свою обязанность Трибунальнаго Маршала, и за это получилъ нѣсколько благодарственныхъ писемъ отъ Великаго Канцлера Литовскаго, Князя Сапѣги, и самого Короля, который надѣлъ на него ленту Бѣлаго Орла, въ полномъ собраніи Сейма, и далъ дигни-

тарское званіе подконюшаго (т. е. шталмейстера) Великаго Княжества Литовскаго. Все это напечатано въ просьбѣ Павла Булгарина, поданной въ 1817 году, въ Виленскую Гражданскую Палату, во время тяжбы съ Полковникомъ Парчевскимъ. Дѣло это было и въ Правительствующемъ Сенатѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ, слѣдовательно и просьба должна храниться въ архивахъ. У меня сохранилось нѣсколько печатныхъ экземпляровъ. Павелъ Булгаринъ проживалъ по дѣлу своему пять лѣтъ въ Петербургѣ, отъ 1821 до 1826 года, и всѣ тогдашніе мои друзья-литераторы знали его, любили и уважали. Изъ нихъ остался теперь одинъ только Н. И. Гречъ, а насъ иногда собиралось за столомъ болѣе двадцати человѣкъ! Павелъ Булгаринъ былъ человѣкъ умный, благородный, честный въ высшей степени, и имѣлъ самый свѣтлый образъ мыслей. Онъ былъ вторымъ моимъ отцемъ!

(11) Въ древней Польшѣ, гдѣ все зависѣло отъ выборовъ, слѣдовательно отъ числа друзей, всѣ члены одной фамиліи, которая хотѣла имѣть значеніе, держались дружно и составляли родъ Шотландскаго клана, выбирая между собою старшину, которому безусловно повиновались, обязываясь притомъ во всемъ помогать членамъ

своей фамиліи и друзьямъ ея. Въ мое время (отъ 1806 до 1811 года) главою нашей фамиліи былъ Михаилъ Булгаринъ, Писарь Земли Волковыской (тоже что Канцлеръ), посолъ на Сеймѣ (1773 — 1775), описанномъ Нѣмцевичемъ въ жизни Рейтана, въ Варшавскомъ журналѣ *Сивилла Надвислянская*, гдѣ Михаилъ Булгаринъ превозносится, какъ примѣрный и неустрашимый гражданинъ, и наконецъ былъ членомъ финансовой коммиссіи и совѣтникомъ въ Постоянномъ Совѣтѣ (konsyliarzem rady nieustaiącey) въ 1776 и 1778 годахъ. (См. Herbarz Bobrowicza). Теперь эти кланы не существуютъ.

(12) Que l'homme laborieux et pauvre ne peut mieux servir son pays qu'en remplissant bien ses devoirs envers sa famille ; qu'il ne peut pas contribuer d'une manière plus efficace au bien de la patrie, qu'en la dotant d'enfans qui lui seront utiles un jour, et s'il n'est pas marié, en donnant l'exemple d'une bonne conduite. Que sa part dans le gouvernement du pays doit être d'obéir aux lois, et d'administrer avec amour et avec charité son petit ménage, qui doit être son royaume. La meilleure, la seule réforme qu'il puisse opérer, est celle du foyer domestique. Que les meetings les plus profitables pour lui sont ceux

qu'il tient au milieu de sa propre famille; ses meilleurs discours, ceux qui tendent à amener la paix sur la terre, et la bienveillance envers tout le genre humain. Que ses meilleurs pétitions sont celles qu'il adresse avec un cœur contrit au roi des cieux, qui ne les méprisera point; et celles qu'il présente aux princes de la terre pour obtenir d'eux par des voies pacifiques des améliorations pour ses frères qui souffrent. Veut-il triompher? qu'il apprenne à souffrir. Veut-il être un héros? qu'il se maîtrise lui-même. Veut-il gouverner? qu'il apprenne à obéir. (*Mémoires d'un radical, Revue Britannique, 5me série, tome 26, Mars, 1845*).

(13) Степанъ Филимоновичъ Погоржельскій, честный, умный и благородный человѣкъ служилъ при лицѣ знаменитыхъ поэтовъ, бывшихъ Министрами Юстиціи, Державинѣ и Дмитріевѣ, и пользовался ихъ довѣренностью. Онъ много мнѣ о нихъ разсказывалъ. По разстроенному на службѣ здоровью, онъ принялъ мѣсто Прокурора въ благорастворенномъ климатѣ, Подольской Губерніи, и тамъ скончался.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАЗДНЕСТВЪ ЕКАТЕРИНИНСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Изъ Спб. Акад. Вѣдомостей 1776 года, № 104 и 1779 года, № 55).

I.

Описаніе праздника, даннаго Генералъ-Прокуроромъ Князёмъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ, 10 Декабря, 1776 года.

Въ половинѣ 6-го часа прибыли Императрица съ Наслѣдникомъ Престола. Играна комедія: Les folies amoureuses, въ коей дѣйствующими лицами были: двѣ дочери Генерала Григорія Николаевича Теплова, Наталія и Марія, Графъ Вахмейстеръ, Князь Александръ Никитичъ Трубецкой, и за болѣзнію Петра Васильевича Мятлева, актеръ Придворнаго Театра Дюге.

По окончаніи спектакля, старшая семилѣтняя дочь Князя Александра Алексѣевича, вышедъ на сцену, говорила рѣчь.

По окончаніи рѣчи представленъ былъ балетъ *Пигмаліонъ*, продолжавшійся 10 минутъ; въ немъ, танцовали артисты придворнаго театра Варвара Михайловна и Тимоѳей Бубликовъ. За балетомъ слѣдовала комическая опера: La Servante maitresse, представленная дѣвицами Наталіею и Маріею Тепловыми. Въ оркестрѣ главное участіе принимали: Графъ Бриль, Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, Князь Хованскій и Маіоръ Яворскій. Оркестромъ управлялъ Графъ Штенбокъ, который сочинялъ и музыку къ означеннымъ піесамъ.

Послѣ того былъ балъ. Государыня играла въ карты, а въ 9 часовъ съ четвертью розданы были билеты для ужиннаго стола, поставленнаго слѣдующимъ образомъ:

Посреди осмиугольной залы, на кругломъ столѣ возвышался великолѣпный Египетскій обелискъ съ серебрянымъ щитомъ, украшеннымъ лавровыми вѣтвями, съ вензловымъ именемъ Императрицы. Подлѣ пьедестала обелиска изображена была Россія, окруженная трофеями и законами, а на пьедесталѣ была надпись:

Прострите взоръ сюда о вы, Парнасски боги!
Лучь солнца! воцарись во здѣшніе чертоги;
Въ нихъ новы алтари въ сей день сооружены:
Се наше Божество, Мать Россійя страны!

Здѣсь каждый сердце Ей и душу посвящаетъ,
Съ Маріей Павла зря всякъ радость ощущаетъ!

По сторонамъ обелиска рѣки: Нева, Волга, Днѣпръ и Донъ представлены были каждая съ своими аттрибутами, и испускали изъ урнъ воду, которая падала въ круглый бассейнъ съ 18-ю фонтанами; кругомъ бассейна изображены были четыре времени года: весна, лѣто, осень и зима. Столъ убранъ былъ лентами, гирляндами и букетами изъ драгоцѣннѣйшихъ цвѣтовъ; по сторонамъ еще четыре стола, съ такимъ же изяществомъ убранные. Освѣщеніе комнатъ было великолѣпное. Во время стола играла музыка: четыре оркестра. На дворѣ, по колоннадамъ, на крыльцѣ, въ сѣняхъ и на улицѣ было иллюминовано болѣе 7000 шкальчиковъ и плошекъ. Послѣ танцевъ, продолжавшихся до 11 часовъ вечера, Императрица съ Наслѣдникомъ отправились во Дворецъ.

II.

Праздникъ у Оберъ-Шталмейстера Высочайшаго Двора, Льва Александровича Нарышкина.

26 Іюня 1779 года, по полудни въ 7 часовъ, Императрица прибыла изъ Петербурга на дачу Оберъ-Шталмейстера Л. А. Нарышкина, *Ле-*

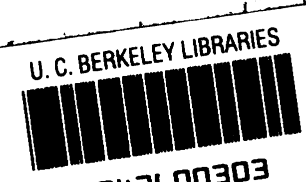
вентиль. Во время прогулки Ея Величества по дачѣ, въ полуторѣ верстахъ отъ сей послѣдней, на правой сторонѣ дороги, на лугу, представилась Ея глазамъ Фламандская картина. При семъ зрѣлищѣ Ея Величество, оставивъ экипажи, изволила шествовать пѣшкомъ, по сдѣланной въ лѣвой сторонѣ дорожкѣ, ведущей къ густому и едва проходимому лѣсу. И какъ не представлялось тамъ впереди ни какого слѣда и приготовительнаго вида, то казалось, что надлежало уже назадъ возвратиться; но вдругъ, по знаку хозяина, къ нечаянному удивленію, раздѣлился лѣсъ, и впереди представился прекрасный домикъ, въ которомъ приготовлены были разные фрукты и прохладительные напитки; въ окружности же, среди лѣса, въ разныхъ мѣстахъ, раздалась на разныхъ инструментахъ пріятная музыка. Ея Величество благоволила принять въ семъ домикѣ отдохновеніе. Въ возвратномъ пути изъ онаго тою же дорожкою, въ лѣвой сторонѣ примѣчена была, сквозь густоту лѣса, нѣкая простая хижина, покрытая соломою, которую Ея Величеству угодно было также видѣть. Въ началѣ въ ней не представилось ничего, кромѣ обитающаго старика, въ простотѣ сельской жизни; но вновь, по знаку хозяина, нечаянно хижина распалась, а за нею явился другой, построенный въ сельскомъ вкусѣ пригожій

домикъ. Ея Величество благоволила и оный видѣть, и пробывъ тамъ немного, возвратилась въ домъ хозяина. Потомъ еще изволила шествовать въ лежащую ко возморью рощу, при входѣ которой, въ лѣвой сторонѣ, на островѣ пруда, явилась пустыня, устроенная въ Китайскомъ вкусѣ, изъ мрамора». Въ 10 часовъ съ половиною того же вечера Императрица отправилась въ Петергофъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042600303

